

БЕНГТ
ДАНИЕЛЬСОН

ПОЗАБЫТЫЕ
ОСТРОВА

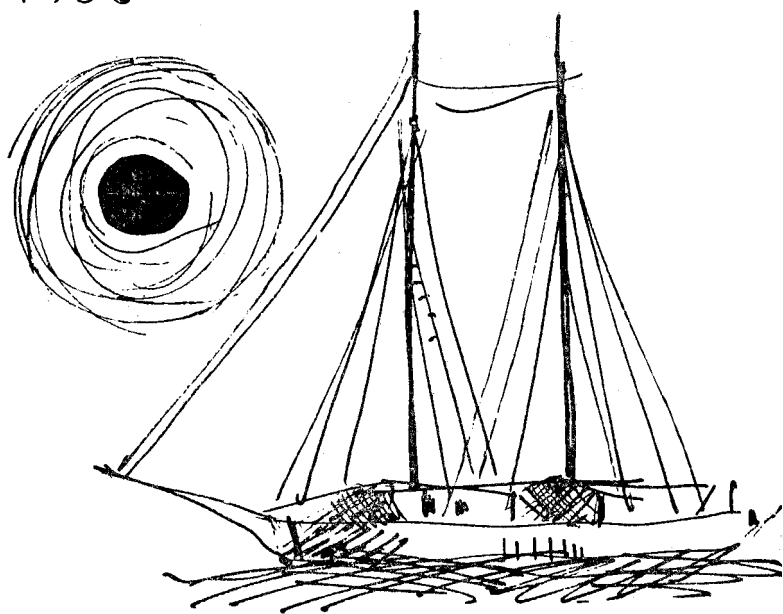
АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

BENGT DANIELSSON

SÖDERHAVETS
GLÖMDA ÖAR

STOCKHOLM

1956

БЕНГТ ДАНИЕЛЬССОН

ПОЗАБЫТЫЕ
ОСТРОВА

ПЕРЕВОД С ШВЕДСКОГО

Л.Л. ЖДАНОВА

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

(. А. ТОКАРЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА •

МОСКВА 1965

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие редактора	5
1. По пути в рай	11
2. Зацивилизованные до смерти	29
3. Отшельник в апельсиновой долине	50
4. Мы строим себе дом	69
5. Верхом в «столицу»	90
6. Бесноватый художник	108
7. Веселое плавание	123
8. Так можно и заблудиться	138
9. Прощание	156

Бенгт Даниельссон
ПОЗАБЫТЫЕ ОСТРОВА

*Утверждено к печати
Секцией восточной литературы РИСО
Академии наук СССР*

Редактор *Р. М. Солодовник*
Художник *С. С. Верховский*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Л. Т. Михлина*
Корректоры *В. М. Гаспаров* и *М. К. Кислева*

Сдано в набор 17/XII 1964 г. Подписано к печати 31/VIII 1965 г. Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 5,25. Усл. п. л. 8,82. Уч.-изд. л. 8,84. Тираж 80 000 экз. Изд. № 1291. Зак. 2764. Сводный темплан 1965 г. № 845. Цена 50 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Набрано в типографии «Красный пролетарий» Политиздата.
Москва, Краснопролетарская, 16.

Отпечатано во Владимирской типографии Главполиграфпрома
г. Владимир, ул. Победы, д. 186 Зак. 2529

ПРЕДИСЛОВИЕ

Еще одну увлекательную книгу Бенгта Даниельссона получает советский читатель. Еще одно существенное прибавление к нашим знаниям об Океании и ее народах.

Бенгт Даниельссон теперь уже, пожалуй, не нуждается в рекомендациях: читатели знают его и как одного из шестерки отважных мореплавателей — экипажа знаменитого плота «Кон-Тики», и как автора изданных у нас книг: «Счастливы остров», «Большой риск», «Бумеранг». Но надо сказать несколько слов о том, какой специальный интерес имеют «Позабитые острова».

Интерес этот двойной: книга знакомит нас отчасти с традиционной культурой и бытом наименее изученной группы обитателей Восточной Полинезии — островитян Маркизского архипелага, а особенно — с современным состоянием этих островитян, с той социальной и культурно-бытовой обстановкой, которая сложилась на Маркизских островах после полуторавекового хозяйничанья европейских колонизаторов.

Книга Даниельссона стоит, правда, в этом отношении не одиноко. Совсем недавно вышла в русском переводе книга самого руководителя экспедиции «Кон-Тики» — Тура Хейердала*, первая из его работ, посвященных Океании, написанная еще задолго до сенсационного плавания на «Кон-Тики». Хейердал впервые попал тогда в Океанию. В поисках для свадебного путешествия наиболее глухого уголка на земле, где бы в наименьшей степени сказывалось влияние европейско-американской цивилизации, он оказался на Маркизских островах и именно на тех — Хива-Оа и Фату-Хива, — где позже побывал Даниельссон. Итак, оба исследователя посетили с пятнадцатилетним промежутком (1937—1953) одни и те же места, встречались с одними и теми же людьми, да и впечатления и выводы их, друг от друга не независимые, чуть не дословно сов-

---

* Тур Хейердал, *В поисках рая*, М., 1964.

пали. Следует упомянуть и Фрэнсиса Мазьера, который работал опять-таки на тех же двух островах (1956 г.) и подробно рассказывал о своих археологических открытиях и этнографических наблюдениях*. Мазьер, кстати, разделяет теорию Хейердала об американском происхождении культуры Восточной Полинезии и даже, по его словам, раньше Хейердала пришел к этому выводу.

Это еще не все: почти тридцатью годами раньше в Париже вышла очень содержательная работа врача Луи Роллена**; автор, проведший на островах пять лет, тоже обстоятельно и без прикрас описал прежнее и современное состояние жителей архипелага. Все названные книги, дополняя друг друга, дают довольно отчетливое представление о современном быте маркизцев.

Наконец, надо вспомнить, что в свое время и в русской географической литературе появлялись подробные описания быта жителей Маркизских островов, в частности острова Нукухива, самого крупного из островов архипелага. В 1804 году его посетила русская экспедиция И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского (корабли «Надежда» и «Нева»); и в рассказе об их плавании немалое место занимает характеристика быта нукухивцев. О них же писал Г. Лангсдорф, слуга Крузенштерна. Очень поучительно сравнить наблюдения этих ранних мореплавателей с тем, что находят на Маркизских островах путешественники и исследователи сейчас.

Лейтмотив предлагаемой теперь читателю книги — распад древней культуры, угасание жизни на «по забытых островах». Бенгт Даниельссон рисует неприглядную картину медленного умирания тысячелетней традиции, на смену которой идет не настоящая высокая европейская культура, а уродливая пародия на нее.

Первое, что принесли колонизаторы на острова Полинезии, — это ничем не оправданные жестокости и насилие; вслед за тем вскоре появились занесенные теми же европейскими моряками опустошительные болезни. К ним прибавились алкогольные напитки, поощрявшаяся пришельцами проституция... Все это повело к катастрофически быстрому вымиранию островитян. Нигде в Океании оно так не сказалось, как на Маркизских островах.

Первые миссионеры, появившиеся на островах, пытались иногда как-то помочь местным жителям, но из их попыток ничего не вышло; впоследствии же именно миссионеры, введя ханжески-деспотический режим запретов, искоренили «языческие» обычаи, а потому преследуя все самобытное, традиционное в быту и культуре островитян, больше всех стали виновниками той деморализа-

---

* Fr. Mazière, *Archipel du Tiki*, Paris, 1957.

** L. Rollin, *Les îles Marquises*, Paris, 1929.

ции, которая воцарилась среди уцелевшего коренного населения. Запрещение местных песен, танцев, праздников усилило распад, порожденный исчезновением старых социальных норм, прежнего культурного уклада.

Правда, деятельность католических миссионеров сам Даниельсон порой оценивает положительно. Но эта положительная оценка относится лишь к отдельным личностям, как, например, патер Симеон. Подобные энергичные и настроенные дружественно к островитянам личности, конечно, встречались и среди миссионеров, но не ими определяется характерное лицо католической миссии. «Защивилизованные до смерти» — так назвал Даниельсон, и очень метко, главу, посвященную печальной истории гибели туземцев и их самобытной культуры.

Такой же вывод сделал из своих наблюдений несколькими десятилетиями раньше Луи Роллэн: «Скука, смертельная скука царит во всех хижинах среди этого населения, некогда столь жизнерадостного и энергичного»*. Но дело не в одной скуке. Продолжается, хотя теперь уже не повсеместно, физическое вымирание туземцев. За столетие численность населения уменьшилась в десять раз, а с начала колонизации — в двадцать пять — пятьдесят раз. Целые долины заустели. Какой безнадежностью проникнуто описание долины Ханайапа на острове Хива-Оа, которую посетил Даниельсон. «Я давно, — пишет он, — перестал питать какие-либо иллюзии относительно маркизских деревень, но Ханайапа меня потрясла...

Возле лужи со стоячей, дурно пахнущей водой выстроились штук шесть жалких лачуг из гнилых досок и ржавой жести. Женщина с распухшими ногами сидела на опрокинутом ящике, тупо глядя перед собой. Больше ни души не было видно. Мы заглянули в ближайший дом, чтобы узнать, нельзя ли тут отдохнуть. Одинаединственная комната без какой-либо мебели, пол прогнил... В углу, тяжело дыша, лежала старуха с опухшими суставами. Рядом с ней сидел мужчина с язвами на руках и лице (видимо, проказа); он сколачивал длинный ящик (гроб.— *С. Т.*)...»

Таковы «идиллические» картины, представляющиеся наблюдателю на некоторых островах Восточной Полинезии в наши дни необычайных успехов науки и техники.

Казалось бы естественным, что по контрасту с мрачной действительностью прежняя жизнь островитян покажется исследователю, хотя бы по рассказам и воспоминаниям стариков, счастливой, светлой... Многие этнографы поддавались такой иллюзии. Но

---

* Ibid., p. 294.

Даниельссон, трезвый наблюдатель, беспристрастный этнограф, не обольщается романтическими воспоминаниями и буколическими описаниями «счастливых островов», не впадает в идеализацию прежнего быта островитян. Условия жизни на Маркизских островах, где мало удобной для обработки земли, где небольшие плодородные долины разобщены горными хребтами, непригодными для жилья, были всегда тяжелы, куда тяжелее, чем на других архипелагах Полинезии. Маркизцам приходилось вести трудную борьбу за существование; при этом и чисто территориальная разобщенность поселений сыграла свою роль: на островах то и дело вспыхивали межплеменные войны, сопровождаемые жестокостями, включая обычай каннибализма (почти на всех других островах Полинезии он отсутствовал).

Теперь же к трудностям прежней жизни прибавились бедствия, принесенные колонизацией.

Конечно, слишком стучать краски не следует. Островитяне и сейчас умеют пользоваться теми благами, какие дает им тропическая природа, они стараются получить что-то и от европейской культуры, как ни скупо отпускаются им ее дары. Но получаемая таким путем довольно причудливая смесь старого с новым производит двойственное впечатление. При чтении книги Даниельссона это впечатление еще усиливается благодаря полуироническому стилю повествования, излюбленному автором. Достаточно прочесть его красочное описание торжества в «столице» архипелага Атуане по случаю официального французского праздника четырнадцатого июля: оно началось парадом в мундирах под флагом и пением «Марсельезы» на своеобразный полинезийский лад, а кончилось старинными плясками в набедренных повязках с имитацией каннибальского пира.

Очень показательна также для современного состояния экономики и культуры маркизцев составленная автором в типичной для него манере грустной иронии таблица «условий жизни на Маркизских островах»: фруктов там много, но рыбу и мясо достать трудно; приобрести землю почти невозможно; здравоохранение — один врач и один фельдшер на весь архипелаг; школ — шесть, вато церкви «чуть ли не в каждой долине»; сообщение с внешним миром очень нерегулярное, а в пределах островов почти отсутствует; почта «существует, когда вождь не ленится и не забывает раздать письма» и т. д.

В общем, полинезийский «рай», к которому стремятся мечтатели из разных европейских стран, оказывается на поверку таким местом, где туземцы медленно вымирают, а оставшиеся впадают в апатию; приезжие же порой только и мечтают, как оттуда вы-

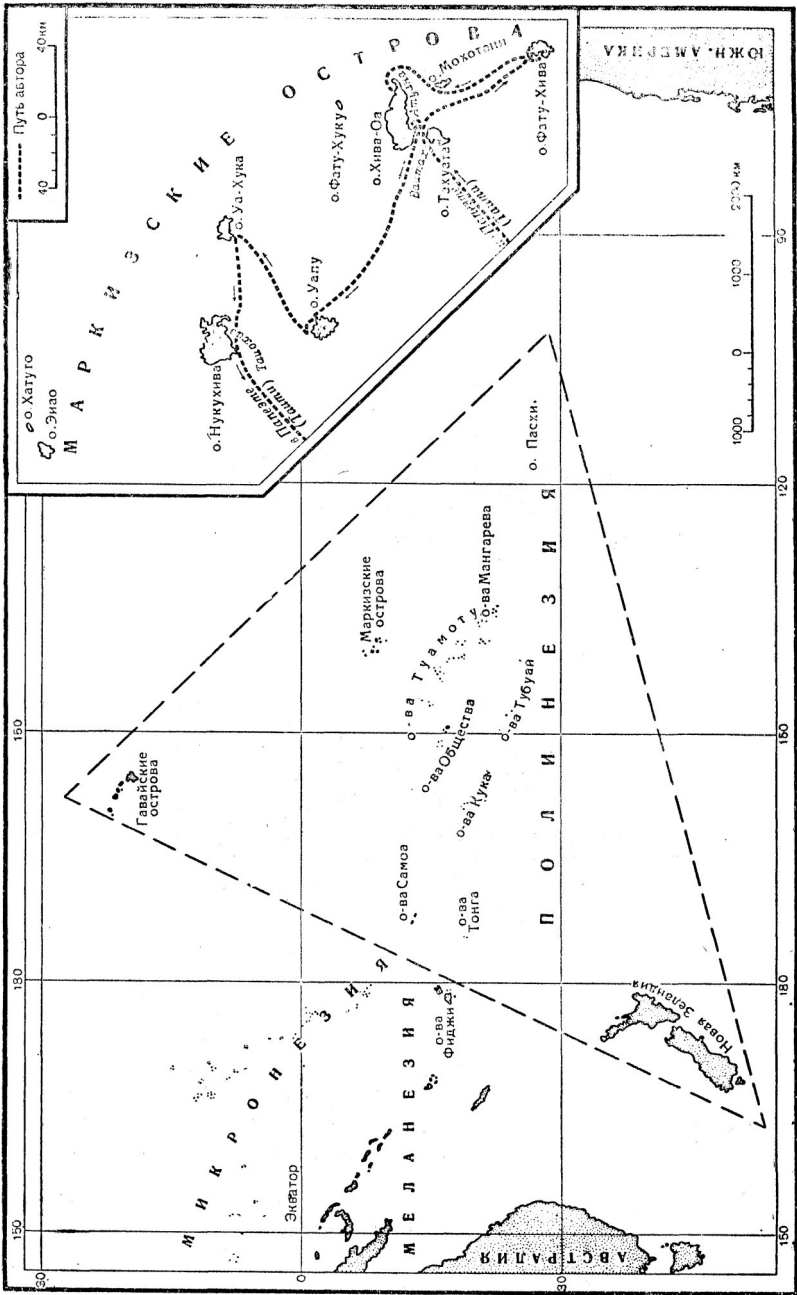
браться. Даниельссон передает, например, разговор с поселившимся на острове французом, который поинтересовался, нельзя ли ему как-нибудь перебраться в Швецию.

Книга Даниельссона замечательна не только тем, что дает правдивое, лишенное иллюзий изображение современной жизни на Маркизских островах. В ней много любопытного и помимо этого. Например, представляют большой интерес сообщаемые автором сведения о художнике Поле Гогене, который, как известно, провел на Маркизских островах свои последние годы; Даниельссон рассказывает о печальной жизни Гогена на Хива-Ое, о его огромной стойкости и энергии, о его смерти.

Книга Даниельссона написана в таком увлекательном стиле, так наполнена кипящей жизнью, описаниями приключений, неожиданностями, яркими характеристиками, что увлечет даже тех, кто мало интересуется далекими островами Полинезии.

С. А. Токарев

1

ПО ПУТИ В РАЙ

Самолет с трудом, подрагивая от натуги, набирал высоту. Впереди зубчатая каменная стена. Одолеем или не одолеем? Похоже, справимся... Трясущаяся машина медленно перевалила через гору. И вдруг — мощный воздушный поток прямо в лоб. Казалось, мы совсем остановились. Навстречу, несомые ветром, стремительно промчались белые птицы, никто не успел даже разобрать — чайки или лесные голуби. А в следующий миг мы провалились в воздушную яму и самолет уподобился скоростному лифту! К счастью, мы уже успели уйти от хребта, который с этой стороны обрывался к мерцающей внизу реке. Теперь перед нами, обрамленная темно-зелеными отрогами, раскинулась широкая долина.

Самолет постепенно снижался. Идем вдоль реки, ниже, ниже... Можно уже различить деревья — целые леса хлебного дерева, рощи осыпанного красными цветами гибискуса. Вот открылась прогалина — кучка золотистых бамбуковых хижинок, крытых листьями пальм и пандануса. Честное слово, эта Тахуата — настоящий рай! Забавное название: Тахуата. Та-ху-ата...

— Тахуата! Тахуата! — кричал мне кто-то в самое ухо.

Я вздрогнул и протер глаза. Да где же я нахожусь? Сонно осмотрелся вокруг, протер глаза... В полумраке не сразу и разберешь.

Справа, распластавшись на панданусовой циновке, храпела толстая полинезийка. Даже не сняла свою лучшую шляпку — из бамбуковой соломки, с большими гроздьями искусственных красных ягод, куплена в какой-нибудь китайской лавке в Папеэте. Большой колышавшийся живот полинезийки служил подушкой сразу двоим: трехлетнему мальчугану и поросенку. Слева от меня спал рябой силач. Он крепко прижимал к себе новую гитару, — наверное, не-

мало денег стоила. Нас разделяло несколько метров, но я хорошо слышал запах скверного рома и дешевого вина. Мой сосед всхлипнул во сне и опять захрапел, громко, раскатисто, ну чисто авиационный мотор!

А прямо над собой я увидел лицо капитана шхуны. Убедившись, что я проснулся, он выпрямился и доложил:

— Приехали... Дошли до твоих Маркизских островов. Пойдем на нос, увидишь Тахуату.

Я разбудил Марию-Терезу, растолкал художника, с которым познакомился уже на борту, и мы вместе стали пробираться вперед. Солнце еще не взошло, но небо источало редкий, призрачный свет, и было видно достаточно далеко. На палубе вповалку спали полинезийцы, а шхуну, как всегда, изрядно качало, и, чтобы пройти, ни на кого не наступив, надо было обладать задатками канатоходца. Художник задел за чью-то некстати вытянутую ногу и рухнул прямо на кучу пассажиров, которые лежали в самых причудливых позах. Впрочем, они накануне так лихо кутнули, что такой пустяк не мог их разбудить. Художник тоже авансом отметил благополучное прибытие, и тут его непродолимо потянуло еще отдохнуть в обществе случайно обретенных приятелей. Чтобы поднять его, мы принялись описывать ждущий нас рай красочно и пылко, как это прежде делал он сам. Наш друг тотчас оживился и радостно заговорил, жестикулируя, как положено настоящему французу, к тому же художнику и уроженцу Марселя.

На баке путь нам преградили матросы. Лежа на живо-тах, они играли в карты, рядом с ними стояла на палубе копящая керосиповая лампа. Вид у игроков был совершенно измученный. Еще бы: за всю ночь глаз не сомкнули. На большинстве шхун команда коротает время за покером; «Теретаи» не представляла собой исключения. Едва она покинула Папеэте, как началась игра, которой суждено было длиться, пока не переведутся деньги. Лишь одно могло излечить команду от покерной лихорадки: появление на борту искусного игрока, способного всех начисто обобрать. Во избежание бедствия моряки условились не принимать в игру посторонних, и получился небывалый, «долгоиграющий» покер. Разумеется, время от времени матросы вспоминали о своих обязанностях и шли сменить товарища на вахте, но более сонных вахтенных я в жизни не видел. К концу плавания у руля стояли лунатики, и, если бы сам капитан не заступал ночью на вахту, мы ко-

нечно, очутились бы в пустынных океанских просторах за Маркизскими островами...

Только мы втиснулись в узкий проход возле камбуза, как дверь распахнулась и в потоке света, который вырвался наружу, показались руки кока. Быстрым движением он опрокинул вверх дном огромный котел. По доскам растекала густая липкая лужа.

— Остатки вчерашнего киселя,— заключил художник.

— Если только это был кисель,— добавила Мария-Тереза: в ее душе прочно укоренилось недоверие к поварам-мужчинам.

Кисель пополз в нашу сторону. Спасаясь от него, мы вбежали в камбуз. Кок радостно поздоровался с нами и налил воды в котел, даже не ополоснув его. Согнав мух с висевшей на гвозде говяжьей ноги, он вооружился огромным ножом, которым в часы досуга чистил ногти, и отделил от нее кусок мяса. Я уже догадывался, что будет дальше. Многочисленные китайцы, обосновавшиеся на тихоокеанских островах, поразили полинезийцев своим кулипарным искусством, и большинство судовых коков стараются готовить китайские блюда. Спору нет, настоящие китайские блюда — они, как правило, представляют собой смесь мелко нарубленных овощей, мяса, риса и множества других продуктов — замечательно вкусны, но приготовить их нелегко. Не знаю, в чем секрет, однако я совершенно уверен — не только в том, чтобы мелко нарезать составные части. Полинезийцы, видимо, именно это считают главным. Мол, было бы достаточно мелко нарезать, и тогда вкус обеспечен.

Наш кок тоже был жертвой этой иллюзии. Он мигом изрубил в крошки три куса разного мяса, кое-как очищенную курицу, пучок сушеных бобов и несколько бульонных кубиков. Мне казалось, что кубики и без того малы. Какое там — под нож их! А чтобы быть уверенным, что ни одна крошка не пропадет, кок горсть за горстью бережно клал в котел, запуская руки прямо в воду. Положит — вытрет пальцы о штаны... Загрузив котел, он взял половник, покрытый наслоениями, по которым можно было точно установить, что мы ели последнюю неделю. Только начал перемешивать содержимое котла, вдруг сверху прямо в водоворот посередине упал таракан. Утонул...

— Пойдем лучше,— предложил художник,— иначе завтрак в рот не полезет.

— Поздно, — глухо отозвалась Мария-Тереза. — У меня аштит уже пропал.

Мы продолжали путь и очутились на носу, где судовые поросята из-за чего-то не поладили с двумя козами. Козы беспощадно их бодали, и несчастные поросята визжали так, словно уже попали под нож кровожадного матроса-мясника. Но из-за качки козы не очень устойчиво держались на своих тонких ногах, а уж как упадут — берегись: поросята не упускали случая злыми укусами отомстить врагу.

Справедливость требовала, чтобы мы заступились за поросят, но нам не терпелось увидеть первый из Маркизских островов. Предоставив поросьятам самим отбиваться, мы вскарабкались на лебедку.

Странно, почему-то стало как будто темнее, чем было, когда мы проснулись. Сколько мы ни таращили глаза, впереди ничего не было видно...

— О-ля-ля! — вдруг воскликнул художник. — Глядите!

Подняв голову, мы с Марией-Терезой посмотрели туда, куда указывал его палец, и увидели длинный гребень. Он четко выделялся на фоне быстро светлеющего летнего неба, в каких-нибудь двухстах-трехстах метрах от нас.

— Да-да, — сказал капитан, подойдя к нам, — мы у западного берега Тахуаты. Вот только солнце поднимется выше, рассмотрите все как следует.

Я скользнул взглядом вдоль гребня в одну, в другую сторону. Непрístupная каменная громада... Конечно, я читал про крутые скалистые берега Маркизских островов, но никак не предполагал, что увижу настоящие крепостные стены!

Рассвело, и нашему взору предстали круто обрывающиеся в море голые утесы. Никакого кораллового рифа (в отличие от Таити, где за коралловым барьером простирается полоска спокойной воды), волны с ревом разбиваются вдребезги о береговые скалы. А ведь мы с подветренной стороны! Что же делается на восточной, наветренной, стороне, где без устали дует пассат и от самых берегов Южной Америки непрерывно катят могучие валы?!

— С наветренной стороны к островам не подойти, — продолжал капитан, — если не считать нескольких глубоко врезавшихся в сушу заливов. А жаль, восточные берега зеленее, приветливее... Там выпадает большая часть осадков. Пока тучи приблизятся к западной половине острова, они

успевают отдать почти всю влагу. Потому-то горы здесь кажутся такими серыми, сухими.

— Зачем же мы сюда пришли — в такое безлюдье?!

— Погодите, — ответил капитан, — скоро покажется долина Ваитаху.

Шхуна медленно скользила вдоль берега на север. Мы с любопытством (а вернее сказать, с недоверием) высматривали обещанную долину.

— Эгей, клянусь калошами царя Соломона, да мы в Скалистые горы забрались! — послышался вдруг хриплый голос. — Так и знал, что капитан не в ладах с компасом и лагом. О баби, что за ночь! Два полка пассажиров переступили через мое тело, в ухе у меня пытался свить гнездо таракан. Стоило ехать в такую даль: горы я могу фотографировать сколько угодно дома, в Айдахо!

Говорил четвертый белый пассажир, американский фоторепортер Ларри. Обессиленный морской болезнью и спиртными напитками, он с вечера, как обычно, забился спать в каюту. Капитан то ли забыл разбудить его, то ли решил, что ему это все равно не удастся. Однако Ларри сам встал и появился среди нас, обвешанный всем своим снаряжением. Тут были камеры, экспонометры, штатив, всевозможные сумки... Так же, как и мы, он предвкушал знакомство с не раз воспетыми Маркизскими островами.

— Ну, — обратился Ларри к художнику, оторвав взгляд от каменной стены, — где же твои девушки-плясуньи, где твой райский сад и плоды, которые сами падают в рот?

— Спокойно, *mon cher ami* *, — ответил художник, — ты чересчур нетерпелив. Много ли жителей на вершинах твоих Скалистых гор? Нельзя судить о Соединенных Штатах, летя на самолете над Айдахо. Так и тут. Маркизских островов ты еще не видел. Заглянул бы хоть в одну из книг, которые я тебе дал! Ничего, скоро будем в Ваитаху, сам убедишься...

Нам всем не терпелось скорее добраться до цели. Правда, цель у каждого была своя. Ларри самолетом одолел огромное расстояние: Сан-Франциско — Гавайские острова — Фиджи — Папеэте, чтобы по заданию известного американского журнала сделать несколько репортажей о счастливой жизни островитян на лоне чудной природы Южных морей. В Папеэте он испытал первое потрясение:

---

* Дорогой друг (*фр.*).

вместо первобытных дикарей в лубяных юбочках нашел элегантно одетых мужчин. Женщины и впрямь оказались красивыми и пылкими, но их платья были шиты по парижским фасонам и многие носили туфли на высоких каблуках. Он-то думал, что Папеэте — идиллическая деревушка с живописными хижинами, а увидел город: домишки, грязные лавки, бары... По улицам мчались роскошные лимузины и расхлябанные грузовики, на каждом углу продавали мороженое. Тогда он бежал в южную часть Таити, подальше от столицы. Но и здесь его опередила так называемая цивилизация: жилища из жести, велосипеды, консервы, спиртные напитки, венерические болезни.

Ларри пытался сделать несколько кадров, которые годились бы для его журнала. Он даже взял напрокат в музее Папеэте несколько каменных топоров. Но снимки получились неживые, нарочитые, и репортер стал заливать свое горе в столичных барах. Нашлась милостивая таитянка, которая утешила его; Ларри уехал с ней в загородный отель, где для гостей были выстроены бунгало в старинном стиле — едва ли не единственные на всем острове. Он убеждал себя, что такая обстановка вдохновит его на репортаж о «подлинной» полинезийской жизни. Свою девушку он называл вахиной* (хотя она предпочитала величаться «мадам»), и на террасе его бунгало всегда несколько местных парней брэнчали на гитарах. Все бы хорошо, да терпение редактора лопнуло. А тут еще деньги стали подходить к концу. Пришлось Ларри смеяться, как быть дальше.

Но смеялки у него было маловато, и он, наверное, так бы и не придумал выхода из затруднительного положения, если бы один из новых приятелей не заверил американца, что тот найдет все желаемое на Маркизских островах. Правда, приятель сам там не бывал, но зато прочитал множество книг и слышал бесчисленные рассказы об этом крае. Он уверял Ларри, что там есть и настоящие туземные хижины, и лубяные юбочка, больше того — сохранились ужасные, варварские обычаи!.. И Ларри клюнул на удочку. Он заранее представлял себе, как привезет не только отменные идиллические снимки, но и сенсационные сведения пикантного свойства. Итак, репортер взял себя в руки и собрался в дорогу. Он не намерен был задерживаться надолго на Маркизских островах.

---

* Вахина (полинез.) — женщина, жена. — Прим. перев.

Отправиться туда подбил его не кто иной, как художник-француз, который долго трудился, недоедал, копил, чтобы совершить поездку в Полинезию. С детства он запоем читал все книги о Южных морях, мечтал навсегда поселиться на теплом, солнечном островке, жепиться на дочери вождя, по примеру островитян питаться плодами и овощами, ходить на охоту и рыбную ловлю. Безделье его не прельщало — он будет писать! Подружится с добрыми, веселыми, свободными островитянами, познакомится с их своеобразной культурой, изучит их душу и когда-нибудь создаст бессмертные произведения. Почему он выбрал Маркизские острова?.. Но ведь здесь жил Поль Гоген!!

С цивилизацией он порвет навсегда. Точнее, когда картины сделают его знаменитым, он вернется на родину, тотчас устроит большую выставку, соберет с обывателей дань почитания — и с презрением отвернется от них! Выставка, разумеется, состоится в Париже... При этих словах во взгляде художника появлялась такая печаль, и он с такой нежностью прищипывался описывать кварталы художников и бары, что мне приходилось напоминать ему о его решимости порвать с цивилизацией. С собой он не взял ничего — ни снаряжения, ни провизии, ни инструмента. Только краски да несколько книг.

Ну, а Мария-Тереза и я? Что занесло нас в эти края? Погрузиться на борт «Теретап» с нашим багажом и двумя кошками — Белоснежкой и Нефеликсом — нас побудили соображения чисто практического свойства. Мы уже прожили два года в Полинезии и отлично знали, что не увидим ничего похожего на райские идиллии. Полгода мы провели на Таити, затем — восемнадцать месяцев на Рароа в архипелаге Туамоту, где очень хорошо освоились и приобрели много друзей. Думали даже остаться там. Не навсегда. Но во всяком случае еще на год.

Обстоятельства заставили нас покинуть Рароа. Не потому, что мы вдруг стали несчастливы на нашем счастливом острове, а потому, что заболели. Видимо, нас доконала однообразная пища. Коралловый остров беден растительностью. День за днем, неделю за неделей, месяц за месяцем мы ели рыбу, кокосовые орехи и консервы. Ни фруктов, ни овощей, ни молока, ни яиц, ни свежего мяса на острове не было. Силы истощались, желудки расстроились, головная боль нас не покидала. Как сами раройцы могут выносить такую диету — выше моего разума (впрочем,

многие из них тоже болели). И мы скрепя сердце расстались с островом, с нашими приемными родителями и веселой жизнью.

Вернулись на Таити. Здесь можно было жить со всеми удобствами, питаться хорошо и разнообразно. Здесь можно было работать в мире и покое. На отвратительную полудивилизацию Таити, на уродливый облик Папеэте мы решились не обращать внимания. Но... Было, увы, обстоятельство, которое помешало нам осесть на новом месте: дороговизна. На Таити, как и в других уголках земного шара (сколь ни неожиданно это может прозвучать для любителей полинезийской романтики), не хватает жилья, дома сдаются по очень высоким ценам. И с едой нелегко. Фрукты и овощи далеко не везде растут в диком виде. Вся земля на Таити поделена на обнесенные оградами участки. Нельзя просто пойти и собрать, что тебе нужно. Будь любезен, ступай на рынок в Папеэте. А там тоже цены высокие. Бананы и апельсины вдвое дороже, чем в Швеции (!), мясо (сомнительного качества, да и то если удастся найти) ценится чуть ли не на вес золота; даже рыба стоит очень дорого. Здесь положено одеваться так, как этого требует цивилизация; следовательно, огромные деньги тратятся на стирку. В итоге, самый скромный месячный бюджет на Таити составляет около тысячи шведских крон.

Разумеется, об этом вы не прочтете в большинстве книг и не догадаетесь по фильмам, которые столь прилежно стряпает Голливуд. В них проблема одна: кому достанется прелестная героиня (побеждает всегда красавец герой). И многие, увы, поддаются обману. Каждый год на Таити прибывают сотни искателей земного рая — подобные нашим друзьям Ларри и художнику.

Мы уже жили на Таити раньше и знали, на что можно надеяться. Знали также, что наших денег не хватит, как бы нам ни хотелось наслаждаться чудным климатом, великолепной природой и глубоким покоем. На Рароиа мы не решались возвращаться, боясь, что опять начнем хворать. Но как только наши силы и здоровье были восстановлены — для этого оказалось достаточно месяц питаться фруктами и овощами, — мы стали подыскивать другой остров, где можно было рассчитывать на такую же дружбу и взаимопомощь населения, как на Рароиа, и вместе с тем питаться более разнообразно. Коралловые острова отпадали. Нам подходил только гористый остров с плодородной

почвой — любой, кроме Таити. Moorea и Подветренные острова архипелага Общества тоже не годились: слишком близко к Таити... Жизнь там была бы нам не по карману. На островах Тубуаи — холодно, и они перенаселены. Маугарева — очень уж далеко. Оставались Маркизские острова. Все говорило за них.

Больше тысячи километров отделяют этот архипелаг от Таити, но на шхуне до него можно добраться дней за пять-шесть. Только одна шхуна регулярно раз в месяц посещала Маркизский архипелаг. Туристы туда не навесывались, белых чиновников и поселенцев на его островах было совсем мало, зато фруктов и овощей вдоволь. Имея необходимое снаряжение, некоторые средства и опыт двухлетней жизни во Французской Океании, мы не сомневались, что сумеем хорошо освоиться.

У нас был еще один повод выбрать именно Маркизские острова. Древние предания раройцев гласят, что некогда остров Рароиа был заселен выходцами с Хива-Нуи Маркизского архипелага. Потерпев поражение в войне, вождь Тане Арики был изгнан из своей долины, ему оставалось только бежать через море. На трех ладьях он со всем своим родом вышел в плавание. Две ладьи погибли во время шторма, третья, на которой плыл сам Тане Арики, спаслась, и после долгого, полного лишений путешествия вождь открыл два острова. Островки были низкие, лишены растительности, но он все-таки решил обосноваться на них. Это были Такуме и Рароиа, и потомки Тане Арики живут там до сих пор.

Событие это произошло тридцать поколений назад, то есть в начале пятнадцатого века. Но полинезийцы, которые особенно чтят подвиги предков, все сохранили в памяти, и старик Те Ихо, последний ученый * на Рароиа, рассказал мне множество подробностей, перечислил даже названия многих мест на родине Тане Арики — острове Хива-Нуи. Я решил, что очень интересно проверить достоверность

---

* У полинезийцев были зачатки науки, в частности географии, астрономии, медицины. Из поколения в поколение передавались исторические предания. Учеными были жрецы, на некоторых островах Полинезии они устроили школы. С приходом колонизаторов были разрушены многие национальные традиции. Пришла в упадок и полинезийская наука. О встрече и беседах с Те Ихо, последним раройским ученым, Бенгт Даниельссон подробно рассказал в книге «Счастливый остров», изданной на русском языке в 1962 году. — *Прим. перев.*

предания. Ведь названия обычно живучи. Например, когда в семнадцатом и восемнадцатом веках англичане переселились в Америку, они в память о родине называли поселения и области — Новая Англия, Нью-Йорк, Ричмонд, Норфолк... Поэтому я вполне могу рассчитывать, что на Маркизских островах встречу названия, знакомые мне по Рароа.

Вот как получилось, что мы оказались на борту океанской шхуны, скупающей на островах копру*. Судьбе было угодно, чтобы в это же время отправились в путь художник и Ларри. Четверо белых туристов за один раз! Прежде за весь год Маркизские острова не посещало такое количество белых гостей. Морским транспортом пользовались островитяне, которые отправлялись в Папете посмотреть чудеса цивилизации и кутнуть в увеселительных заведениях.

Наша «Теретан» мало чем отличалась от большинства шхун Французской Океании: престарелая скорлупа (водоизмещением около ста пятидесяти тонн), пропахшая колрой, с шумным мотором, способным развивать скорость не выше пяти узлов. Тесная каюта была почти целиком загромождена товаром: суперкарго** занимался коммерцией на островах. Единственным преимуществом «Теретан» по сравнению с прочими шхунами было, пожалуй, то, что она шла почти напрямиком к цели, не заходя на многочисленные другие островки. Дело в том, что во Французской Океании большинство шхун не признает точного маршрута, курс определяется настроением капитана и наличием копры. Такой порядок иной раз влетает в копеечку пассажиру, ведь платить приходится не за рейс, а за дни пути; так уж установили судовладельцы. Мы платили двадцать пять шведских крон в день. Таким образом, далеко не безразлично, длится ли плавание, скажем, от Таити до Рароа четыре дня или четырнадцать!

«Теретан», как и намечалось, зашла только на два острова в архипелаге Туамоту, да и то оба лежали как раз на нашем пути. Оттуда мы тотчас двинулись дальше, навстречу свежему норд-осту. Ветер нас только радовал: за-

---

* Копра (малайск.) — сушеная мякоть кокосового ореха, из нее добывают технические масла и сырье для парфюмерии.—
Прим. перев.

** Суперкарго — лицо, ведающее грузом на судне.—
Прим. перев.

пах кофры не самый приятный на свете. Ларри, несомненно, разделял наше мнение, хотя слишком страдал от морской болезни, чтобы членораздельно сказать об этом. Зато наш друг художник пребывал в состоянии непрерывного восторга. День и ночь отовсюду доносилось его восхищенное «о-ля-ля!».

— Ах, до чего же хорошо, привольно на океанских просторах! — воскликнул он однажды утром. — Такое ощущение, словно тяжесть с плеч сбросил. Понимаете, в Париже я чувствовал себя пленником. Домá давили меня. Невыносимо. Я тонул в массе людей. Всюду надо проталкиваться. Возьмите хоть автобус, разве можно представить себе что-нибудь более ужасное! Человек превращается в сардину в банке, только без масла...

Хотелось мне скромно заметить, что на «Теретай» теснота похуже, чем в любом автобусе, — как-никак пятьдесят три пассажира! Но зачем обижать человека без нужды?.. Тем более что полинезийцы народ приветливый и радушный в отличие от большинства цивилизованных пассажиров автобуса. И я согласился с художником.

Правда, его непомерный оптимизм и неоправданные ожидания чаще вызывали у меня протест. Таити сильно его разочаровал — ничего похожего на рай, о котором он читал в книгах, — но художник утешал себя тем, что вот на Маркизских островах все будет иначе! Чем ближе к цели, тем безудержнее становился его энтузиазм. И когда мы наконец достигли Тахуаты и нам с бака открылся вид на отвесную камешную стену, он не выдержал. Надо как-то отметить событие! С присущей французам изобретательностью художник решил угостить нас шампанским.

— Парень, а у тебя нет ничего для взрослых? — воскликнул Ларри. — Хотя бы немножко виски? Лимонад — напиток для младенцев.

Впрочем, неприязнь Ларри к шампанскому оказалась проходящей, и вот уже каждый из нас стоит с полным стаканом игристого вина.

Мы чокнулись, прокричали «ура» и все разом заговорили. А художник вдруг забрался на веревочный трап и произнес длинную, избыточную пышными оборотами речь, в которой часто повторялись слова: *charmant... merveilleux... paradisiaque... extraordinaire... **. Чтобы спустить

* Прекрасный... удивительный... райский... исключительный... (*фр.*).

ся на палубу, ему пришлось звать на помощь двух матросов.

— Долина Ваитаху! — внезапно крикнула Мария-Тереза.

Но она ошиблась. Это была всего-навсего расщелина в скале. Еще несколько раз мы видели, как скалы расступаются, однако всякий раз показывались только маленькие каменистые бухты — узкая полоска берега, десяток-другой жалких деревьев. Лишь около полудня капитан, подойдя к нам, указал на приметный мыс: за ним — Ваитаху!

Шхуна замедлила ход. Честное слово, она огибала мыс со скоростью улитки... И вот — долина! Я обвел ее взглядом, зажмурился, ослепленный зрелищем, перевел дух, снова посмотрел. За всю свою жизнь я еще не видел столь прекрасной картины!

Чуть ли не на целый километр протянулся отлогий берег. Играя солнечными блестками, разбивались об его черную гальку вихрастые волны. Пляж обрамляла узкая полоска изумрудной травы, а дальше возвышались стройные гибкие пальмы с перистыми кронами всех оттенков, от светло-зеленого до темно-коричневого. Между стволами проглядывали красные крыши и широкая дорога, окаймленная цветущими тиаре и пурау. Дорога терялась в густой, буйной растительности, которая захлестнула всю долину; этот зеленый паводок сдерживала скала, образующая почти безупречный полукруг. Словно театральная декорация с нарисованным горизонтом — так гармонична была эта долина. Но больше всего меня поразила атмосфера райской первозданности и покоя. Возможно, причиной тому была тишина, воцарившаяся, едва смолк мотор, а может быть, белые птицы, которые точно голуби мира парили над пальмами. Не знаю. Так или иначе, долина Ваитаху произвела на нас столь сильное впечатление, что мы смотрели на нее, не в силах вымолвить ни слова. Словно боялись: сейчас она растает и исчезнет, подобно миражу.

Вдруг тишину нарушил какой-то стрекот. Мы вздрогнули. По волнам, направляясь к шхуне, плоской жабой прыгала моторная лодка. В ней было шесть человек — вдвое больше положенного; она то и дело зачерпывала воду бортом. Мы различили впереди троих могучего сложения мужчин в неопрятной одежде, сзади — двух молодых женщин и мальчика. Вид у них был такой унылый, точно они возвращались с похорон.

— *Иа ора на!*

Это художник наконец очнулся от чар и восторженно приветствовал на таитянский лад встречающих.

— *Иа ора на!* Здравствуйте! *Иа ора на!* — вопил он, вкладывая всю душу в немногие известные ему полинезийские слова.

Но люди в лодке не отвечали, даже не глядели на него.

— Вы лучше по-маркизски, — насмешливо заметил су-перкарго. — Здешнее приветствие: «*Каоха нуи!*»

Увы, художник не заметил проши и тотчас стал во всю глотку орать «*каоха нуи*». Но островитяне продолжали сохранять мрачный вид. Впрочем, это не смутило художника. Он принялся пылко описывать нам долину — точно мы не видели ее сами. Послушав его некоторое время, я вдруг понял, что он говорит интересно! Все-таки никто лучше художника не расскажет о произведении искусства, а долина Ваитаху бесспорно была произведением искусства.

— Ну вот, Ларри! — воскликнул он. — Мы нашли то, что искали! Здесь ты сделаешь снимок на обложку, который обессмертит тебя...

— Спасибо на добром слове, дружище, но заметь: бессмертием сыт не будешь. Наплевать мне на него, главное — был бы доволен редактор. Если я не найду девушек с красивой грудью, мне конец.

И Ларри тяжело вздохнул.

Тем временем маркизцы уже поднялись на борт; между ними и матросами начались бурные переговоры. Я внимательно слушал, но, к своему разочарованию, убедился, что понять их труднее, чем я ожидал. Разница между таитянским и маркизским языками не больше, чем между шведским и датским, и все-таки до меня доходило лишь каждое второе слово. Я разобрал, что мужчины недовольны высокой ценой на контрабандные спиртные напитки, а женщины обвиняют матросов в чрезмерной скупости, которую те проявили во время предыдущего посещения. Дескать, если теперь не раскошелитесь, лучше и не подходите.

М-да, своеобразный рай!

— *Каоха нуи! Каоха нуи!* — вдруг снова завопил художник.

На этот раз ему, как ни странно, отозвался чей-то веселый, дружелюбный голос.

Я поглядел в ту сторону и увидел великолепно сложенного мускулистого мужчину в красной набедренной повяз-

ге. Он медленно огибал шхуну на лодке с балансиром *, которая во многом отличалась от тех, что мне случалось видеть на архипелаге Туамоту, зато была очень похожа на древние маркизские лодки, знакомые мне по музеям.

Человек в лодке приветливо помахал нам рукой. Все ясно: в моторке уроженцы какого-нибудь другого, изуродованного цивилизацией архипелага, почему-либо переселившиеся сюда. А крепыш в набедренной повязке — подлинный представитель исконного населения долины! Мы жестом пригласили его подойти поближе, хотели попросить, чтобы он свез нас на берег. Мигом смекнув, в чем дело, он закричал по-английски, не дожидаясь нашей просьбы:

— Такси, такси! Давай!

И я понял, откуда такое радушие, почему на нем набедренная повязка, как здесь очутилась лодка с настоящим балансиром... Все специально для туристов. И так как он запросил с нас немалую мзду за доставку, а лодка его выглядела не особенно надежной, мы предпочли судовую шлюпку.

Здесь не было ни пристани, ни защищенной стоянки, матросам оставалось лишь отдаться на волю волн и молиться о том, чтобы нас не слишком резко выбросило на берег. Если не считать того, что мы промокли насквозь, а Ларри обронил один объектив, все обошлось хорошо.

И вот мы в раю.

Мы внимательно осмотрелись. Странно: теперь все выглядело иначе. Подобно тому как самая прекрасная картина под увеличительным стеклом превращается в конгломерат грязных пятен, Вайтаху вблизи производила удручающее впечатление. Какие-то зачуханные кустарники, пальмы старые, невзрачные, обитые кольцами ржавой жести, которые некогда преграждали путь крысам, любителям кокосовых орехов.

Но еще более жалкой была так называемая деревня. Вдоль заросшей дороги, перпендикулярной берегу, с каждой стороны выстроилось по десятку домов — дощатые ла-

---

* Б а л а н с и р — приспособление, делающее лодку устойчивой на морских волнах: состоит из бревна, прикрепленного параллельно корпусу лодки на некотором расстоянии от нее при помощи поперечных планок. В некоторых районах (например, в Индонезии) употребляются лодки с двумя балансирами — по одному с каждой стороны. — *Прим. ред.*

чугун, грязные развалюхи, на железных крышах ржавая сыпь. Это они казались нам с палубы шхуны веселыми красочными пятнами... Некоторые только благодаря подпоркам не падали. Кругом валялись консервные банки, бумага, тряпки.

Мы сели на мшистую каменную ограду передохнуть, точно это могло нам помочь побороть разочарование. За оградой двое малышей возились в пыли вместе с черными поросятами. Чуть поодаль несколько мужчин и женщины завтракали, усевшись вокруг большого деревянного блюда. Мы весело их приветствовали — они даже не ответили нам. Я знаю, неприлично так пялить глаза на людей, но зрелище было очень уж необычным. На таком расстоянии я не мог различить, что они ели, — кажется, смесь фруктов и мясных консервов. Руки завтракавших мелькали с удивительной быстротой, ныряя в общее блюдо. Тут же сутились две тощие, паршивые собачонки; им то и дело удавалось стащить с блюда лакомый кусочек. Рядом стояла кастрюля с водой, из которой псы утоляли жажду. Одна из женщин споласкивала в кастрюле пальцы, и эту воду ее соседи пили...

— Похоже, мы недооценили нашего кока, — сказала Мария-Тереза. — Он же чудо чистоплотности. Пожалуй, не стоит засиживаться, не то мы и вечером ничего есть не будем.

Мы согласились с ней и зашагали дальше. Дорога змеилась вдоль ручья, — во всяком случае, некогда здесь был ручей, теперь осталось только каменистое русло да жалкая струйка воды, кое-где образующая лужицы. В одной луже дети набирали воду в пивные бутылки. В ста метрах выше по течению две женщины стирали рубахи, еще дальше мылся дряхлый дед. Нам тотчас расхотелось пить.

То и дело навстречу попадались люди, но у нас отпала охота здороваться. Что толку? В свою очередь, местные жители относились к нам с очевидным равнодушием. Вот почему мы буквально подпрыгнули от неожиданности, услышав вдруг чей-то ласковый мелодичный голос:

— *Хаере маи тамаа!* Заходите, поешьте! *Хаере маи тамаа!*

Ясно: таитянин. «Заходите, поешьте» — таитянское приветствие. Некогда оно, быть может, поималось в прямом смысле, теперь это формула вежливости, вроде нашего: «как дела?» или «передайте тысячу приветов». На

Таити это обычный в деревнях возглас, так приветствуют даже совершенно незнакомых людей. Отвечать надо: «*Уа паиа вау*» — «Я сыт» (буквально: «Я наполнен»). И мы, крикнув в ответ «*Уа паиа вау*», продолжали свой путь, не оборачиваясь на голос. Зачем навязываться!

Но мелодичный призыв раздался снова, и в конце концов мы все-таки обернулись. Это был китаец! На своем забавном, певучем таитянском паречии он приглашал нас зайти в его дом, отведать угощение, сопровождая свои слова изысканными жестами и непрерывными поклонами. Как же поступить? Может быть, и впрямь зайти, посидеть немного? Глядишь, узнаем что-нибудь полезное. Мы приняли приглашение и едва переступили через порог, как хозяин созвал нескольких ребятишек из своего многочисленного выводка и велел им накрыть на стол.

— Славный малый, — сказал Ларри.

— Наконец-то хоть один достойный человек, — согласился художник.

Я же с самого начала заподозрил неладное, а когда на столе появились тарелки и приборы, и вовсе заколебался.

Меня удивило не присутствие китайца в долине Ваитакху, а его приглашение. Китаец обычно не заманивает европейца, если не рассчитывает что-нибудь заработать. И как только еда появилась на столе, я спросил нашего любезного хозяина, сколько это будет стоить. Для него явно было неприятной неожиданностью, что я сразу же заговорил о деньгах. Видимо, он рассчитывал поговорить о цене потом, когда все будет съедено и мы уже не сможем отказаться. Наконец хозяин назвал сумму, мы предложили половину; судя по лицу купца, результат превзошел его ожидания. И мы, основательно проголодавшись, энергично принялись за еду. Справедливость требует сказать, что все блюда были отменные.

Наш Ларри тоже был парень не промах, и тут его осенила великолепная идея. Быть может, с помощью китайца он найдет что-нибудь подходящее для съемки? Несколько бамбуковых хижин с первобытными людьми, воин с копьем, полногрудые девушки в лубяных юбочках... Китаец тотчас понял, что нужно Ларри (вероятно, ему было не впервой), и обещал помочь. Разумеется, за приличное вознаграждение. Мы предоставили двум комбинаторам состояться в изворотливости и втроем пошли дальше.

Сперва нам попалась лавка китайца, и мы решили заглянуть в нее. Это был лучший дом во всей долине, выстроенный совсем недавно и покрашенный в ярко-голубой цвет. Внутри — полки, прилавок, огромный холодильник новейшей марки, стойка с прохладительными напитками. На полках были консервы, ткани и всякая всячина с маркой «Made in China» *. Несколько маркизцев сидели на полу, посасывая ледяные кубики или потягивая лимонад.

Продавец (видимо, сын или брат нашего знакомого) справился по-английски, что нам угодно. Мы ответили, что сперва хотим посмотреть.

— Кусок льда? — предложил он.

— Сколько стоит? — осведомился я холодно, как того требовал товар.

— Пять франков.

— Гм... И много вы продаете?

— Все жители долины несколько раз в день покупают.

Я быстро прикинул в уме: пять таитянских франков, в долине двести жителей. По несколько кубиков в день на человека. М-да, заработать можно. Впрочем, врач заработал бы еще больше. Есть лед не очень-то полезно, особенно детям. Я сам видел устрашающие примеры в других районах Французской Океании.

Купить, что ли, один кубик? Но я тут же спохватился. Вода, конечно, из того самого ручья. Мне много раз приходилось прежде пить грязную воду, но почему-то именно здешняя вода вызывала у меня неодолимое отвращение. И я решил отдать предпочтение лимонаду. А Линь (так звали продавца) достал бутылку без ярлыка, наполненную розовой жидкостью, и запросил за нее двадцать пять франков.

— Это французский лимонад или таитянского производства? — спросила Мария-Тереза.

— Моего собственного производства, — гордо отозвался А Линь.

Обойдемся без лимонада. А больше как будто и нечего покупать, надо идти. Но А Линь не хотел отпускать нас так легко. К тому же мы еще не все посмотрели! И он пригласил нас последовать за ним в заднее помещение. Любопытство взяло верх. Вдруг у него есть какие-нибудь маркизские древности?

---

* Сделано в Китае (англ.).

Мы и впрямь увидели древности, да только не маркизские: чугунную кровать с латунными шарами и настенные часы двух видов — с позолоченным маятником и домик с кукушкой. Больше ничего в комнате не было. А Линь особенно гордился часами и обстоятельно расписывал нам их достоинства.

Маркизцы тоже присоединились к нам, и когда А Линь открыл часы с маятником, — они показывали половину третьего, — островитяне, восхищенно разинув рты, с завистью уставились на сверкающую позолоту. Совсем иное впечатление на них произвела висевшая напротив «кукушка» — на ней было пять минут восьмого. А Линь начал вращать минутную стрелку, и украшенная перьями деревянная птичка с криком «ку-ку!» выскочила из дверцы. Оглушительный хохот встретил ее появление. А Линь сделал стрелкой еще один оборот. Снова громкий смех. Еще круг... Смех. Круг...

Мы испугались за рассудок островитян и попросили А Линя прекратить представление.

— Обычно я кручу гораздо дольше, — с обидой заметил А Линь, но все-таки захлопнул часы, после чего зрители вернулись к своим льдинкам и лимонаду.

Наглядевшись на чересчур цивилизованных жителей долины, мы решили уйти куда-нибудь в глушь, подальше от деревни. Что если подняться на плато, там, наверное, широкий обзор? Нам это было просто необходимо. Мы нырнули в заросли. В тот же миг подала голос шхуна. То ли погрузка закончилась быстрее, чем рассчитывал капитан, то ли местные жители последнее время не очень-то налегали на заготовку копры. Это случается на островах.

Мы поспешно вернулись на берег. Здесь капитан и суперкарго, ругаясь сразу на нескольких наречиях, с возмущением рассказали нам, что жители долины уже сбывли всю копру купцу, а тот отказывается ее продавать. Решил выждать, пока поднимется цена! Даже не удалось переговорить с ним как следует — он исчез и увел с собой Ларри. Капитан был настроен очень решительно. Если Ларри после третьего гудка не вернется, уйдем без него! Мы пытались убедить его, что Ларри не виноват в осложнениях с копррой, но капитан был зол, а гнев, как известно, дурно действует на способность логически мыслить.

К счастью, Ларри примчался галоцом как раз перед третьим гудком. Судя по его довольной улыбке, вылазка

была удачной. По пятам за ним, навесив фотоаппарат на шею, бежал его режиссер и помощник. Откуда ни возьмись появился и А Линь. Шлюпка уже покачивалась на воде, роя килем гальку, и, конечно же, впопыхах Ларри зацепился ногой за камень и растянулся во весь рост. Ко всему привычные матросы помогли ему подняться и занять свое место.

— Гребите, — выдохнул Ларри. — Все в порядке, снимки есть. Я снова счастливый человек. Хоть и дорого обошлось. Черти, плати им доллары, других денег не признают! Гребите, хочу домой, в Айдахо.

— Постой, — возразил я. — А твой фотоаппарат. Он же не вернул его!

— Гребите, гребите, — твердил Ларри. — Он получил его в уплату. Навались! Ох, скорей бы сидеть в баре на углу Семнадцатой стрит и Пятой авеню. Навались, друзья. *Каоха ну!*

Мы стали пробиваться сквозь упрямые волны. Китайцы вошли в воду, подталкивая лодку.

— До свидания, — сказал А Линь на ломаном английском языке. — Вы скоро еще приедете?

— Боюсь, мы сюда больше вообще не приедем, — твердо ответил я.

А Линь кивнул:

— Ну и правильно: здешние островитяне не любят белых...

Лодка одолела прибой и быстро пошла к шхуне.

2

ЗАЦИВИЛИЗОВАННЫЕ ДО СМЕРТИ

В том, что маркизцы не любят белых, нет ничего удивительного. У них есть для этого очень веские основания. Первое же знакомство островитян с представителями нашей западной цивилизации положило начало сплошной цепи бедствий. Кстати, произошло это знакомство как раз в бухте Вайтаху, где в конце 1595 года бросил якорь первооткрыватель Маркизских островов испанец Менданья.

Длинный ряд случайных обстоятельств привел к открытию архипелага, а началось все с инкской легенды. Несметные сокровища, золото и серебро, огромные земель-

ные участки с тысячами рабов-индейцев, которые испанцы присвоили, покорив в 1530 году Перу, не удовлетворили завоевателей, они стали искать новые колонии. Особенно их влекли к себе обширные просторы Тихого океана. Испанцы, естественно, спрашивали себя, что скрывается за маяющими горизонтами. Молодой офицер Сармиенто де Гамбоа не сомневался в том, что инки знают много важных секретов. Он стал расспрашивать наиболее сведущих, и ему рассказали удивительную историю об инке Тупаке Юпанки.

Этот могучий владыка жил во второй половине пятнадцатого века. Он вел войны с большинством соседних племен и расширил пределы инкского государства. В правление Тупака Юпанки оно занимало территорию нынешнего Перу и Эквадора, а также часть Чили и Боливии. Один из походов привел его в Тумбес (на севере Перу) как раз в то время, когда с запада по океану пришли на больших бальсовых плотах купцы. Они рассказали царю, что посетили богатые золотом острова Авачумби и Ниньячумби, лежащие далеко за морем. Тупак Юпанки тотчас решил снарядить флот из бальсовых плотов. Предание сообщает, что он вышел в океан с армией в количестве двадцати тысяч человек, нашел острова и спустя год вернулся на материк. Его плоты были точным подобием тех, которыми местные жители пользовались для плаваний в прибрежных водах. (Много сот лет спустя такой же плот был сооружен для экспедиции «Кон-Тики»).

Сармиенто де Гамбоа не менее инкского владыки горел жадной открытий. Он предложил вице-королю Перу снарядить экспедицию на поиски островов. Вице-король тотчас одобрил план, но внес в него небольшую поправку. В случае успешного исхода экспедиция обещала стать очень выгодным предприятием. Зачем отдавать золото в чужие руки! И вице-король назначил начальником не Гамбоа, а своего племянника — Альваро де Менданья и Кастро. А поскольку Менданья не был моряком и не обладал качествами руководителя, ему в помощники дали Сармиенто де Гамбоа.

Если бы распоряжался Гамбоа, экспедиция, наверно, открыла бы немало полинезийских островов. А так корабли прошли между Маркизским архипелагом и островами Туамогу, не заметив их. Лишь на восьмидесятый день плавания была обнаружена земля — лесистый остров,

паселенный каннибалами и лишенный каких-либо сокровищ. Менданья поспешил вернуться в Перу, окрестив открытую им землю (иронически, на мой взгляд) Соломоновыми островами. В те времена было распространено мнение, что золотые копи царя Соломона расположены где-то в тех краях...

Казалось бы, Менданья должен был угомониться после неудачного плавания. Но он, напротив, проникся еще большим рвением. Правда, из-за множества осложнений и бюрократических препон на подготовку новой экспедиции ушло... 28 лет! Почему-то было очень трудно вербовать переселенцев для задуманной им колонии. И Менданья прибег к испытанному испанцами способу: велел солдатам произвести облаву в портовых кварталах Кальяо и арестовать там побольше девиц, забрал из тюрем примерно такое же количество заключенных и всех вместе погрузил на свои корабли. Чтобы все правила приличия были соблюдены, сопровождавшие экспедицию священники во время плавания обвенчали будущих поселенцев. И раз уж на борту все равно оказались жепщицы, Менданья и его офицеры захватили своих жеп.

Легко понять, что при таком составе экспедиции ее члены не очень хорошо ладили между собой. К тому же им не хватало самого необходимого снаряжения, да и тесно было: триста семьдесят восемь мужчин, женщин и детей на четырех маленьких кораблях! И когда всего через шесть недель под вечер вдаль показалась земля, все очень обрадовались. Участники экспедиции упали на колени и загнули *«Te Deum»**, благодаря господа за благополучное завершение плавания.

Утром испанцы осторожно подошли ближе к высокому скалистому острову. Множество лодок устремилось им навстречу из залива. В каждой было по двое островитян, еще несколько человек плыли рядом. Одного взгляда на светлокожих атлетов с европейскими чертами было достаточно, чтобы понять — это не Соломоновы острова, а иной, неизвестный ранее архипелаг. Может быть, здесь есть золото и другие сокровища? Тогда не надо плыть дальше!

Матросы и солдаты жестами пригласили индейцев (так испанцы упорно называли всех островитян Тихого океана)

---

* «Тебя, господи, [хвалим]» (лат.). Первые слова католической молитвы.— *Прим. перев.*

подняться на борт. Несколько человек решились, получили какие-то подарки, с любопытством огляделись и явно сочли увиденное потешным, так как разразились хохотом. Потом зашли и пустились в пляс. Тогда поднялись и остальные.

Менданья не терпелось поскорее войти в гавань. Островитяне успели ему надоесть, и он велел им убираться. Но то ли они не могли поверить, что наскучили ему так скоро, то ли плохо понимали испанский язык — во всяком случае, «индейцы» не подчинились. Такого безобразия Менданья не мог стерпеть и приказал выстрелить из пушки. Гром выстрела напугал островитян, они попрыгали в море. А чтобы урок цивилизованного поведения лучше запечатлелся в их памяти, Менданья приказал мушкетерам проводить гостей огнем. Но порох отсырел, и, ко всеобщему неудовольствию, было убито всего шесть человек.

Итак, островитяне Менданья не понравились. А тут еще не удалось найти защищенной гавани. И корабли пошли на север, где были замечены другие острова. (Первый остров нарекли «Магдалиной», так как его открыли 22 июля *; он по сей день известен под своим полинезийским названием — Фату-Хива.)

Менданья проследовал мимо двух скалистых островов, которые окрестил Сан-Педро (Мохотани) и Доминика (Хива-Оа). Здесь тоже не было подходящей гавани. Четвертый остров открыли 24 июля и назвали Санта-Кристина; это и был Тахуата, знакомство с которым произвело на нас столь удручающее впечатление. На Тахуате Менданью встретили так же радушно, как на Фату-Хиве, но солдаты, «чтобы обезопасить себя» (как сообщает летописец), прямо начали с того, что убили семь человек из встречавших. Островитяне, конечно, поняли, что это была лишь мера предосторожности, чужестранцы им ничего дурного не желали. И когда испанцы на следующее утро сошли на берег, все жители долины собрались встретить их и даже принесли свежие фрукты. Так как руки матросов и солдат оказались заняты приношениями, офицер велел островитянам наполнить водой бочки, которые доставили на шлюпках.

Полинезийцы принялись маленькими кокосовыми мясочками черпать воду из ручья и носить в бочки, но у ис-

---

* То есть в день праздника Святой Магдалины.— *Прим. пер.*

панцев были какие-то странные, новомодные понятия о цене времени, они приказали катить бочки к источнику. Не оценив всей мудрости этого предложения, островитяне в ответ только улыбались. Солдаты не замедлили залпом мушкетов наказать их за наглость. Увы, после этого испанцам пришлось самим набирать воду.

На следующий день Менданья решил, что безопасность обеспечена, можно и самому сойти на берег. Местные жители как ни в чем не бывало встретили его дарами. Ясно: урок пошел на пользу. И целая процессия, возглавляемая Менданьей, — офицеры, священники, матросы, солдаты, поселенцы, женщины, дети — прошествовала за большим деревянным крестом на главную «площадь» деревни. Здесь они возблагодарили господ, охранившего их своею десницей. После богослужения крест водрузили на холме, и Менданья объявил архипелаг владением его католического величества Филиппа Второго. Чтобы местные жители прониклись сознанием того, какое счастье их ожидает, Менданья вручил нож и кусок материи островитянину, которого принял за вожда.

Одновременно продолжалось пополнение запасов воды, но, хотя испанцы еще раз доказали свою щедрость, даровав жителям деревни ножницы, работа шла туго. Матросам надоело одним возиться с бочками, они попросили солдат помочь; те ответили, что их дело не работать, а стрелять. И в подтверждение своих слов снова открыли огонь по островитянам. Когда стрельба кончилась, долина совершенно опустела, если не считать семидесяти мужчин, женщин и детей, которые остались лежать на земле — убитые или умирающие.

Впрочем, в конце концов уцелевшие полинезийцы вернулись в долину из своих укрытий в горах. Матросы и солдаты изменили свое обращение с ними. Во всяком случае, с женщинами. Последние ходили полуобнаженные и, по словам летописца, отличались «красивыми руками и ногами, чудными глазами, приятными лицами и тонкой талией; многие из них превосходили даже славящихся своей красотой женщин Лимы». Разумеется, этого оказалось более чем достаточно, чтобы несчастные, истосковавшиеся по дому матросы и солдаты стали добиваться расположения местных жительниц. Их ухаживания были приняты благосклонно: сила и красота друг друга стоят.

Конечно, любовная идиллия порой нарушалась мелкими недоразумениями, но в общем испанцы без затруднений удовлетворяли свои потребности в воде, фруктах и женщинах. Отсутствие серьезных столкновений объяснялось прежде всего тем, что полинезийцы не сопротивлялись, а покорно улепетывали в леса, как только солдаты затевали стрельбу. Почему они вообще в такой обстановке пускали в ход мушкеты? Это видно из рассказа участника экспедиции о том, как солдат застрелил островитянина, который пытался вместе со своим ребенком спастись впасть. Солдат заявил в свое оправдание, что «дьявол все равно заберет тех, кому это предопределено». Автору этого рассказа кровопролитие, видно, надоело, он считал, что достаточно было выстрелом в воздух напугать полинезийца. Однако солдат тотчас возразил, что не мог «действовать иначе, чтобы не утратить славы хорошего, меткого стрелка». Преступлением это не считалось, законы христианской морали не распространялись на язычников.

Видимо, здесь-то и кроется главная причина бессмысленного избиения...

Не найдя ни драгоценных камней, ни золота, ни других сокровищ, Менданья уже через десять дней отправился дальше на запад, рассчитывая там с большим успехом осуществить свои колонизаторские вождедения. А в Ваитаху — он перекрестил долину, назвав ее Валье де Мадре де Диос (долина Божьей Матери) — испанцы на память о своем визите оставили сифилис и двести убитых...

В честь тогдашнего вице-короля Перу архипелаг назвали Лас Ислас Маркесас де Дон Гарсиа Хуртадо де Мендоса де Каньете. Не удивительно, что последующие мореплаватели и географы сократили столь длинное название и архипелаг стал именоваться просто Маркизским.

Летописец, повествующий об экспедиции Менданьи, не сообщает сведений о культуре и быте островитян. Он не знал языка, слишком мало времени провел на островах и вообще был нелюбопытен. Мы вынуждены обращаться к другим, более поздним источникам, чтобы представить себе, как складывалась до появления европейцев жизнь обитателей этих уединенных островов посреди величайшего на земле океана.

Население Маркизских островов — полинезийцы, относящиеся к той же группе, что обитатели Гавайского архипелага, Самоа, Таити и прочих островов восточной части

Тихого океана. Покинув много сотен лет назад общую родину — легендарное Гавайки*, — маркизцы оказались в изоляции и постепенно создали своеобразную культуру. У них появились отклонения в языке; когда европейцы открыли их острова, он отличался от гавайского и таитянского не меньше, чем шведский отличается от немецкого или голландского. Здесь, как и на других полинезийских островах, существовала развитая религия и сложная общественная организация**, однако с присущими только маркизцам преданиями и обычаями, что во многом объясняется особенностями природных условий.

Прежде всего, племена были отделены друг от друга горными хребтами. Для многих долин море было единственным путем сообщения с соседями — единственным и не совсем благоприятным из-за могучего прибой. Нет ничего удивительного в том, что постепенно каждая долина превратилась в маленькое обособленное государство со своим замкнутым обществом***. Роль природы станет особенно ясной, если сравнить Маркизские острова с Таити, который почти весь окаймлен широкой полосой равнины. Хотя обитатели разных частей Таити тоже некогда враждовали между собой, они могли передвигаться без затруднений и все таитяне ощущали известную общность. Ничего подобного не было на Маркизских островах, где любой человек из соседнего племени считался врагом.

---

* Гавайки (Гавайи) — легендарная страна, племя остров, упоминаемая в исторических преданиях полинезийцев. Где на самом деле находилась эта страна — остается неясным: одни исследователи отождествляют это название с Гавайским архипелагом (или островом Гавайи), другие — с островом Саваяи (архипелаг Самоа), третьи — с Явой в Индонезии и т. д. Те Ранги Хироа привел серьезные основания в пользу того, что Гавайки — это древнее название острова Раиатеа в архипелаге Таити, откуда, видимо, и происходило расселение полинезийцев по архипелагам (см. Те Ранги Хироа, *Мореплаватели солнечного востока*, М., 1950, стр. 74—98). — *Прим. ред.*

** Формы общественного строя полинезийцев были довольно сложными: резкое классовое расслоение, зарождавшиеся примитивные государства. Но как раз на Маркизских островах сохранился более архаический социальный строй сравнительно с другими архипелагами: крепко удерживалась племенная обособленность, единой власти вождя не было ни на одном острове. — *Прим. ред.*

*** Самостоятельные племенные объединения, существовавшие в каждой долине и зачастую враждовавшие между собой, едва ли можно называть государствами. — *Прим. ред.*

РОДСТВО ПОЛИНЕЗИЙСКИХ НАРЕЧИЙ

Острова (см. кар- ту)	Основные изменения произношения с примерами									
Новая Зеландия	Р	рима (рука)	Т	тапу (табу)	К	тики (идол)	Х	Хавайки (земля, остров)	НГ	тангата (человек)
Туамоту	Р	рима	Т	тапу	К	тики	Х	Хавайки	НГ	тангата
Маркизские	—	има	Т	тапу	К	тики	Х	Хавайки	Н	эната
Пасхи	Р	рима	Т	тапу	К	тики	Х	Хавайки	НГ	тангата
Мангарева	Р	рима	Т	тапу	К	тики	—	Авайки	НГ	тангата
Кука	Р	рима	Т	тапу	К	тики	—	Авайки	НГ	тангата
Таити	Р	рима	Т	тапу	—	тии	Х	Хавайи	—	таата
Гавайи	Л	лима	К	капу	—	кии	Х	Хавайи	Н	канака
Самоа	Л	лима	Т	тапу	—	тии	С	Савайи	ПГ	тангата
Тонга	Л	лима	Т	табу	К	тики	Х	Хавайки	НГ	тангата

Различие между языками полинезийских островов невелико, фонетические вариации подчиняются твердым и простым правилам. В отличие от германских языков изменяются согласные, гласные остаются. Немногочисленные полинезийские слова, вошедшие в шведский и другие европейские языки, принадлежат к разным наречиям. Так, «канака» — гавайское слово, а «табу» — тонганское; соответствующие маркизские формы — «эната» и «тапу».

Вражда усугублялась тем, что маркизцам приходилось вести тяжелую борьбу за существование. Плодородной земли не хватало, к тому же нередко были страшные засухи, которые порой длились несколько лет подряд. Случалось, гибли все растения, высыхали все реки. В каждой долине вымирала от голода немалая часть населения, и удавшимся не скоро удавалось вновь наладить жизнь.

То и дело какое-нибудь племя выступало в поход на соседей и в жестоких битвах вытесняло или истребляло их. Кровавый и варварский характер этих войн легче всего представить себе, если вспомнить, что дрались врукопашную и оружием сражающимся служили деревянные дубинки, копыя, пращи. Даже в мирную пору происходили стычки между отдельными представителями племен.

Частый голод, нехватка мяса и множество иных при-

чин породили жестокий каннибализм*. Для здешних жителей каннибализм был не только ритуальным действием, они считали человеческое мясо лакомством и буквально охотились на людей. Все члены рода были обязаны мстить за убитого; это, естественно, только разжигало межплеменную вражду. Тех, кто поклялся мстить, можно было узнать по наголо обритой голове. Первые путешественники, посетившие Маркизские острова, сообщают, что это была едва ли не самая распространенная «прическа»...

На Маркизских островах была распространена своеобразная полигамия: там у каждой женщины было несколько мужей**. Такая форма брака очень редка; она была вызвана, во-первых, избытком мужчин, во-вторых, тем, что между семьями происходило соревнование, требовавшее огромных усилий. На гористых Маркизских островах постройке дома всегда предшествовало сооружение каменной платформы. И вот постепенно стало делом престижа соорудить самую большую и красивую платформу. Естественно, для этого в хозяйстве требовалось много мужчин.

Не похоже, чтобы между мужчинами существовало ревнивое соперничество. Напротив, первый супруг, он же глава семейства, старался подыскать для своей жены возможно больше сомужей и хорошо ладил с ними. И так как только женское обаяние могло приманить мужчину в хозяйство, девушек тщательно обучали трудному искусству нравиться мужчинам. Юные полинезийки присоединялись к группам молодежи, которые только и делали, что плясали, пели, играли и устраивали праздники любви. Лишь девушки, выявившие свои достоинства во время этих веселых непринужденных праздников, могли рассчитывать

---

* Маркизские острова, — видимо, единственный архипелаг в Полинезии, где действительно был распространен каннибализм, и не только ритуальный, но и как укоренившийся военный обычай. Это было связано скорее с общей воинственностью быта, частыми межплеменными войнами, чем с недостатком мясной пищи. Женщины не участвовали в каннибальских пиршествах. На большинстве островов Полинезии каннибализм был вообще неизвестен. — *Прим. ред.*

** Обычай полиандрии (несколько мужей, обычно двое, у одной женщины) на Маркизских островах описывался и равнинными наблюдателями. Это был, видимо пережиток древнего группового брака, но экономическое значение его неясно: Ю. Ф. Лисянский, например, сообщал, что полиандрия практиковалась среди местной знати. — *Прим. ред.*

на хорошего жениха. Одностороннее воспитание и ограниченная роль женщины в браке приводили к тому, что она не уделяла большого внимания домашним делам. Плетение циновок, корзин и лубяной материи — вот почти и весь вклад тогдашней полинезийки в хозяйство.

Одной из многочисленных обязанностей мужчины было создание запасов на случай голода. Для этого из плодов хлебного дерева замешивали тесто и складывали в яму, выложенную банановыми листьями. Его как следует приминали ногами, пока не заполнилась вся яма. Дав тесту побродить, его накрывали большими листьями и засыпали землей. Так можно было хранить тесто годами. Даже в наши дни иногда случается находить хранилища такой давности, что уже никто не помнит, кому они принадлежат. А содержимое по-прежнему съедобно!

Тесто из плодов хлебного дерева приготавливалось в пищу по-разному. Чаще всего его вымешивали с водой и пекли в земляной печи, а затем добавляли свежих плодов и снова месили, разбавляя водой. Получалось *попои*, блюдо, по сей день очень распространенное на всех островах.

Материальная культура отличалась скудостью и бедностью. На простейшие работы уходило много времени и усилий. Впрочем, во всей Полинезии сложная религия и социальная структура сочетались с примитивной материальной культурой: ни колеса, ни ткачей, ни глиняной посуды, ни металла, ни тягла, ни зерновых. Разумеется, маркизцы отлично обходились своими лубяными одеянками, деревянными коромыслами и мисками, земляными печами, каменным инструментом, фруктами, рыбой и овощами, — но затраты труда были очень велики.

Жизнь в старину на Маркизских островах мало походила на романтические представления о Полинезии, существующие многим из нас, и все-таки она была здоровее, радостнее, чем теперь. Я уверен, что, несмотря на голод и войны, островитяне чувствовали себя счастливыми.

Так думали и первые европейцы, которые посетили Маркизский архипелаг. После короткого и бурного визита Менданы в 1595 году прошло почти двести лет, прежде чем следующий корабль добрался до этих островов. (Ничего удивительного: испанцы долго держали в тайне свое открытие, а когда раскрыли секрет, то координаты были указаны неверно.) На этот раз гостем был капитан Кук, он бросил якорь в заливе Вайтаху в 1774 году. Его приняли

куда более сдержанно, — возможно, потому, что островитяне еще помнили испанцев; как и все полинезийцы, маркизцы в устных преданиях сохраняли память о важнейших событиях. Вероятно, остались и более наглядные следы в виде болезней. Во всяком случае, едва корабль стал на якорь, все женщины попрятались в горах. А мужчины держались так неприветливо, что Кук уже через пять дней отправился дальше.

В числе участников экспедиции Кука на борту «Резолюшн» был ботаник швед Андерс Спаррман. Он приводит несколько интересных эпизодов, скрасивших бедное событиями пребывание на Маркизах. В своей известной книге «Путешествие к мысу Доброй Надежды, Южному Полярному Кругу и вокруг света» он пишет: «Когда мы посетили местных жителей, произошел следующий забавный случай: нам предложили выпить сок свежего кокосового ореха (правда, взяв с нас в уплату один гвоздь), и мы сделали это, добавив немного рома, чтобы напиток был более вкусным и освежающим. Остатки этого грога получил хозяин ореха, и он окунал в него свои пальцы, а затем мазал ими язык и пос себе и тем из присутствовавших тут же своих соотечественников, к кому особенно благоволил».

О местной гавани Спаррман говорит: «Когда я в последний раз должен был вместе с капитаном и господином Форстером вернуться со шлюпкой на корабль, прибой неожиданно усилился, и, хотя мы благополучно поместились в лодке, волны бросали ее во все стороны, грозя опрокинуть. Несколько раз шлюпку кидало на камни, каждую минуту нам грозила опасность утонуть. Лишь благодаря искусству гребцов мы после долгих усилий смогли вырваться из прибоя, оттуда, где океан разбивался вдребезги, обрушиваясь на утесы».

Последующие посетители тоже убедились, что Ваитаху — неудобная гавань. Но так как якорные стоянки на других известных островах архипелага были еще хуже, корабли и впредь шли к Тахуате. Разумеется, матросам очень скоро удалось выманить на берег женщин и убедить островитян, что ром лучше кокосового сока. Уже в 1791 году, когда французский торговец пушниной Маршан по пути к северо-западному побережью Америки зашел на Маркизские острова, команду очень приветливо встретили обнаженные женщины, которые подплыли к кораблю и поднялись на борт. То ли французы обладали особым обаянием,

то ли они были щедрее, чем испанцы и англичане, — во всяком случае Маршану и его людям удалось завоевать доверие и сердца местных жителей.

Покинув Тахуату, Маршан, к своему удивлению, заметил на северо-западе высокие горы. Он направил туда корабль и открыл два больших гористых острова, не обнаруженных ни Менданьей, ни Куком. Француз сошел на берег одного из островов, который без ложной скромности назвал своим именем (ныне Уапу), и объявил его, а также соседний остров Бо (теперь Нукухива) владением его величества короля Людовика XVI. Впрочем, радость Маршана несколько поумерилась, когда он, вернувшись в цивилизованные края, узнал, во-первых, что за несколько месяцев до него те же самые острова открыл некий американец по фамилии Ингрехем, во-вторых, что новоявленный их властелин Людовик XVI недавно казнен.

Мало-помалу выяснилось, что северо-западная группа состоит не из двух, а из пяти островов: Нукухива, Уапу, Уа-Хука, Эиао и Хатуту. Лучшей гаванью был залив Таюхаэ на Нукухиве.

Новую гавань все чаще навещали корабли разных стран. Побывала здесь и русская экспедиция; один из участвовавших в ней ученых после десятидневного пребывания на острове написал труд, который озаглавил «Происхождение гражданской жизни и государственности острова Нукухива»*. А еще с конца восемнадцатого века здесь стала появляться новая категория европейцев — китобои. Острова им приглянулись: тут можно было запастись свежим провиантом, необходимым, чтобы противостоять цинге, да и, кроме того, женщины приветливо встречали путешественников. Людоедов моряки не боялись, так как были вооружены пушками и мушкетами.

Визиты китобоев привели к очень печальным последствиям. Многие капитаны, угрожая пушечным обстрелом или казнью заложников, заставляли островитян безвозмездно доставлять продукты. Но это еще полбеды. Хуже то, что они обманным путем пополняли команду местными жителями, а если новые матросы, раскусив обман, отказывались работать, то следовало жестокое лечение от строп-

---

* Русская экспедиция И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского (корабли «Надежда» и «Нева») посетила остров Нукухива в мае 1804 года. На корабле «Надежда» находились ученые-натуралисты Лангсдорф и Тилевиус.— *Прим. ред.*

тивости: несколько человек швыряли за борт, после чего оставшиеся быстро исправлялись. Нужно ли добавлять, что немногие бедняги, которым удавалось вернуться на родину, были в чрезвычайно жалком состоянии, распространяли среди земляков страшные болезни и уж никак не облагораживающе действовали на них.

Появились на островах и беглые матросы, они научили островитян обращению с огнестрельным оружием. Усобицы становились все более кровавыми; многие из беглых возглавляли то или иное племя, мечтая стать местными царьками.

Китобой вмешивались в местные распри, когда считали это выгодным для себя. Наиболее варварское побоище связано с именем американского морского офицера Портера. Во время войны 1812—1813 годов между Великобританией и Соединенными Штатами Портер был капитаном корабля «Эссекс». После успешного налета на английские китобойные суда в южной части Тихого океана он зашел на Маркизские острова, чтобы запастись провиантом. Американцы обосновались в долине Таюхаэ. Уже через несколько недель здесь не стало мяса и овощей, тогда Портер дал знать соседним племенам, чтобы те немедленно доставили провизию, если не хотят поссориться с ним. Все подчинились, кроме жителей Таипи. Портер решил «отомстить за обиду» и послать карательную экспедицию.

Племена, населявшие Таюхаэ и Хапаа, обрадовались, что у них появился такой мощный союзник в борьбе против исконного врага, и присоединились к американцам. Объединенная армия насчитывала около пяти тысяч человек, но в первый день войны из Таипи отбили все атаки. Честь Портера была поставлена на карту. На следующий день он вернулся во главе своей армии, прихватив несколько пушек с кораблей. После долгого ожесточенного сражения удалось изгнать храбрых защитников Таипи из их долины. Портер потребовал четыреста свиней в качестве контрибуции, сверх того он и его союзники разорили плантации и сожгли все дома в долине. Не удивительно, что после этого случая племя таипи особенно подозрительно и враждебно относилось ко всем чужакам.

В старину здесь не знали алкоголя, единственным хмельным напитком была кава из корней: их разжевывали, затем смешанную со слюной кашу ставили на несколько часов бродить, разбавляли водой и пили. Совсем

невзначай этот напиток нельзя назвать, но и большого вреда он не причинял. При неумеренном потреблении у «пьяниц» шелушилась кожа, наступало нервное состояние, но эти симптомы быстро проходили. Теперь же маркизцы узнали ром и другие спиртные напитки; кава была забыта. А тут еще моряки научили их добывать алкоголь из пальмового сока, и всюду появились нехитрые самогонные аппараты. Распространилось пьянство. Одним из популярных предметов обмена стал, разумеется, табак. Курили все — мужчины, женщины, дети.

Не обошлось без проституции, которой прежде благодаря присущей полинезийцам свободе нравов на островах не знали. Когда женщины вплавь (лодки были для них табу) добирались до кораблей, они вовсе не рассчитывали на вознаграждение, щедрость матросов была для них неожиданностью. Но они быстро смекнули, что у европейцев свои воззрения, и требовать плату стало обычным. Мужчин-маркизцев это вполне удовлетворяло: они получали все необходимое, не отдавая ничего взамен и не работая.

Венерические болезни были занесены уже испанцами, а проституция превратила их в подлинное бедствие. Свирепствовали и другие инфекции. В ту пору у капитанов было заведено оставлять больных матросов в первом попавшемся порту. Это коснулось и Маркизских островов. Местные жители по неосмотрительности старались помочь больным и, конечно, сами заражались. Туберкулез, грипп, оспа и прочие болезни распространялись, как пожар в степи. Островитяне были лишены иммунитета, лекарств они не имели и гибли сотнями, тысячами.

Прошло всего несколько десятилетий, и положение стало катастрофическим. Целые долины вымиралы, опустевшие дома разваливались, каменные платформы зарастали зеленью. Только на самых уединенных островах, совершенно лишенных удобных гаваней и бедных продовольствием, часть населения уцелела, но старый общественный уклад и здесь распался, жизненные силы народа были подорваны.

Миссионеры пытались спасти островитян от полного истребления, но их было очень мало, и они располагали весьма ограниченными возможностями; во всяком случае, вначале. Первыми миссионерами на Маркизских островах были англичане Крук и Харрис, высаженные в Ваитаху

с корабля «Дафф» в 1797 году *. Вождь Тинаи любезно принял пасторов, предложил им поселиться в его доме. Чтобы проверить, сколь прочно благоволение вождя, капитан «Даффа» решил задержаться на некоторое время в бухте.

Островитян явно обрадовало дружелюбие и услужливость англичан, но их сильно смуцало одно обстоятельство. Все прежние посетители столь рьяно стремились познакомиться с местными наядами, что маркизцы считали их несчастными обитателями стран, лишенных женского населения. Однако новые приезжие, облаченные в черное, совершенно не обращали внимания на женщин. В чем дело? Женщины Ваитаху были обижены, они так рассчитывали на щедрые дары. А супруга вождя сочла себя просто оскорбленной. Маркизский обычай требовал, чтобы глава семейства предоставлял каждому почетному гостю возможность разделить с ним благоволение своей жены. Но эти белые непочтительно отвергли бескорыстное предложение хозяина.

Через несколько дней вождь отправился вместе с Круком в одну из соседних долин, оставив жену дома в обществе Харриса. Госпожа Тинаи уже давно пыталась понять странное безразличие чужестранцев. Она подозревала, что это переодетые женщины. Теперь ей представился случай проверить свою догадку. Вместе с несколькими подругами она среди ночи набросилась на ничего не подозревавшего Харриса. Бедняга в ужасе обратился в бегство. Каким-то образом он ухитрился захватить свои пожитки, но пока шлюпка с корабля шла за ним к берегу, островитяне успели его обогнать.

Харрис был сыт по горло и хотел немедленно плыть домой, в крайнем случае — на другие острова, жители которых не отличались бы столь варварскими нравами и таким любопытством. Более упорный Крук принял смелое решение остаться. Лишь год спустя удалось кое-что узнать

---

* Миссионерская экспедиция на корабле «Дафф» была организована лондонским миссионерским обществом. Это была первая предпринятая в широком масштабе попытка христианизации жителей Полинезии. На корабле находилось 28 миссионеров, из них 16 высадились на Таити, 10 — на Тонга и двое на Маркизских островах. Но успех предприятия был очень невелик. Лишь значительно позже при поддержке правительств Великобритании и Франции миссионерам удалось закрепиться в большей части архипелагов Полинезии. — *Прим. ред.*

об его участи. Американский парусник, не нашедший удобной стоянки в Ваитаху, направился к Нукухиве. Только судно вышло из бухты, как его догнал на лодке с балансиром какой-то островитянин. Капитан, не обращая на него внимания, хотел уже отдать команду добавить еще паруса, но вдруг полинезиец окликнул его на безупречном английском языке. Представьте себе удивление команды, когда обнаженный островитянин поднялся на борт и назвался пастором Круком!

Как ни странно, Крук не собирался отказываться от своей миссионерской деятельности. Сколько его ни отговаривали, он настоял на том, чтобы продолжать свой труд на Нукухиве. Будь у него столь же бесстрашные и упорные товарищи, возможно, они вместе достигли бы своей цели, теперь же его усилия были обречены на провал. После еще одного года тщетных стараний добиться чего-либо на Нукухиве Крук сдался и вместе с одним молодым маркизцем сел на китобойное судно, направлявшееся в Лондон. В Англии маркизца Тимотити показывали за плату; деньги предназначались на дальнейшую миссионерскую работу. Увы, полинезиец умер, не успев сделать сколько-нибудь значительного вклада в обращение своих соотечественников.

Неугомонный Крук не оставлял своих намерений осчастливить миссиями Маркизские острова, но трудности были велики и многочисленны, так что ему удалось попасть туда только в 1825 году. На сей раз Крук захватил с собой двоих пасторов таитян, которых и оставил на островах. Другие протестантские миссионерские общества решили испытать тот же метод и разослали по островам священников гавайцев. Надеялись, что местным уроженцам, лучше знающим язык и нравы населения, легче будет добиться успеха. Получилось наоборот. К белым маркизцы по известным нам причинам относились с опаской. Иное дело свой брат полинезиец, который пошел на службу к чужакам, покорился им. Маркизцы относились к таким людям презрительно. И еще одно осложнение: пасторы полинезийцы, вступая в брак с местными женщинами, оказывались замешанными в родовых усобицах и теряли всякую самостоятельность. Мало-помалу большинство из них изменило христианской вере.

Пробовали посылать женатых миссионеров — американцев, надеясь, видимо, что белые женщины благотворно

подействуют на нечестивцев. Очень скоро оказалось, однако, что Маркизские острова — неподходящее место для «цивилизованных» женщин. Вопреки всем ожиданиям островитяне относились к женам миссионеров без всякого почтения; один из пасторов пишет, что «даже самые черные чернила недостаточно черны для того, чтобы описать поведение маркизцев». Он же извиняется, что лишь приблизительно может передать оскорбительные выражения островитян — в английском языке нет слов, которые позволили бы их воспроизвести.

Появились и католические миссионеры, они очень энергично взялись за дело. Но уже через несколько лет островитяне сожгли их дома, и в дальнейшем миссионеры жили скорее на положении узников*.

Двести пятьдесят лет спустя после открытия архипелага маркизцы, несмотря на полувековые усилия множества миссионеров, все еще относились совершенно равнодушно к христианству. Ни один островитянин не был обращен в «истинную веру». Ничего удивительного: корабли приносили им только болезни, лишения, смерть, и виновниками всех своих бед островитяне считали европейцев. Для маркизцев было все одно — что матрос, что миссионер; они считали и тех и других одинаково виновными.

И маркизцы, наверное, по сей день оставались бы язычниками, если бы не французская оккупация 1842 года. Подобно другим великим державам, Франция в ту пору расширяла свою сеть военно-морских баз. С экономической точки зрения Маркизские острова не представляли собой никакой ценности. Здесь не было ни металлов, ни других природных богатств, плодородной земли — крайне мало. Но для базы они вполне подходили.

Почему французам понадобилась база именно здесь, они вряд ли могли бы и сами объяснить; разве потому, что другие великие державы тоже создавали базы в Тихом океане. Зато как только был создан опорный пункт на Маркизских островах, возникла, естественно, потребность

---

* Враждебное отношение островитян к миссионерам объяснялось не только естественным недоверием ко всем европейцам, которые до сих пор приносили жителям только зло: сами миссионеры к этому времени уже успели показать себя, направляя одни племена маркизцев на другие, грубо нарушая местные обычаи и пр. (см. L. Rollin, *Les îles Marquises*, стр. 238—240). — *Прим. ред.*

во вспомогательной базе: ведь до метрополии было очень далеко. Последовала оккупация островов Общества, которые тоже больше ни на что не годились. Затем наступила очередь островов Футуна и Валлис, а потом и Новой Каледонии. И в конечном итоге возникла цепь баз, которые взаимно поддерживали друг друга. Смысл всего этого предприятия оставался неясным. Но ведь в ту пору дальше следующего архипелага не видели, а при таком кругозоре все выглядело очень логичным и даже необходимым.

Впрочем, французский адмирал Дюпти-Туар, командующий эскадрой, которая оккупировала Маркизские острова, не сомневался в важности затеи и действовал со всем тщанием. Апрельским утром он приплыл в Вантаху во главе девяти боевых и четырех вспомогательных судов — итого двести шестьдесят пушек и три тысячи человек. Он не случайно пришел сюда: несколькими годами раньше ему довелось высадить здесь на берег двух французских миссионеров, и теперь Дюпти-Туар рассчитывал на их помощь.

Адмирал прибыл как нельзя более кстати: незадолго перед тем местный вождь Иотете украл пулюнку с американского китобойца и теперь опасался возмездия. Миссионерам не стоило никакого труда уговорить его подняться на борт и приветствовать французского адмирала. Иотете встретили пушечным салютом, подарками, в его честь устроили фейерверк. Сразу видно: эти европейцы могут быть важнее каких-то жалких китобоев! И вождь на все их предложения говорил только «да».

Первого мая состоялось торжество приобщения острова к числу французских владений. В короне из позолоченного картона и в мантии из красного плюша вождь гордо участвовал в процедуре: чтение декларации, подъем флага, богослужение. Затем его пригласили на борт отобедать; играла музыка, подавались лучшие вина. И за все это его попросили всего-навсего нарисовать какие-то каракули на листе бумаги!

Оставив гарнизон в составе двухсот человек, Дюпти-Туар проследовал к другим островам. Его везде принимали очень радушно; получить «подписи» вождей на документе о переходе Маркизских островов в подчинение Франции не стоило никакого труда... Нукухива тоже был ошастливлен гарнизоном.

Разумеется, поддержка сильного французского флота в огромной мере укрепила позиции католических миссионеров; островитяне прониклись еще большим уважением к ним, когда очередной военный корабль доставил и со всеми почестями высадил на берег целый отряд монахов.

Маркизцы постепенно убедились, что могут надеяться на помощь и содействие католических миссионеров. Они пеклись об островитянах и во время эпидемий, доказав, что понимают во врачевании куда больше, чем их предшественники. Естественно, это произвело сильное впечатление на маркизцев*.

Вскоре на архипелаг прибыл епископ. Желая подчинить себе островитян, он пустился на хитроумные маневры. Он помогал тем племенным вождям, которым отдал предпочтение, всяческими путями — браками, соглашениями и так далее — распространять свою власть. Епископ мечтал о едином для каждого острова вожде, посреднике между властями и населением. Но и на этом пути миссионеров подстерегали трудности и осложнения, о чем говорит случай с нукухивцем Темоаной.

Темоана был сыном вождя; один англичанин миссионер взял его с собой в Лондон, чтобы дать ему образование. Но единственное, чему Темоана по-настоящему научился, — это пить. Лондон ему быстро наскучил. После многих лет бродячей жизни, побывав и поваренком и китобоем, он встретил другого миссионера протестанта, и тот убедил его отправиться на Маркизские острова в качестве своего помощника. Однако почти сразу после их прибытия на архипелаг туда пришли французы, и Темоана не растерялся: приняв католичество, перешел на их сторону. Французам удалось сделать его королем всего Нукухивы, но Темоана, увы, вел себя весьма непристойно: пил, дрался, за что не раз попадал в кутузку. Куда легче оказалось поладить с его вдовой. Она была совершенно глуха и знала по-французски лишь одно слово — «мерси»; большего от нее, собственно, и не требовалось. Ее провозгласили правительницей острова, и все были довольны.

* Католические миссионеры, французы по национальности, всеми мерами содействовали установлению владычества Франции на Маркизском архипелаге; без их помощи французским солдатам и военным морякам было бы гораздо труднее сломить сопротивление воинственных островитян. Здесь сыграла роль действительно и медицинская помощь, нередко оказывавшаяся местным жителям миссионерами. — *Прим. ред.*

После того как флот занял острова (сей акт вскоре был признан другими великими державами), построил несколько фортов и примитивных причалов, делать ему больше было нечего. База утвердилась, и, так как солдаты были нужны Дюпти-Туару в других местах, он вскоре снял гарнизоны с Маркизского архипелага. Больше они туда не возвращались.

Миссионеры оказались одни, в помощь им оставили лишь жандармов. Начались беспорядки, оргии. Островитяне крали, пили, убивали, им было наплевать на все проповеди и увещевания. Так называемые представители власти могли только вести учет преступлениям. Достаточно сказать, что в последующие двадцать пять лет жандармы регистрировали пятьсот нерасследованных убийств, совершенных пьяными маркизцами. Вероятно, еще большее число убийств осталось неизвестным. Так, в одной из долин, с населением четыреста человек, поселившийся там миссионер отметил за год сорок случаев насильственной смерти. Вот красноречивая выдержка из его дневника:

«В начале февраля Пеахи был смертельно ранен своим приятелем-пьяницей Мотууной. Тотчас началась потасовка. А когда буяны помирились, канаки отпраздновали это событие, обокрав мой дом. Несколько дней спустя Тоаи украл мою лодку. В начале марта Кохопу убили по пути в Нахое, его голову съели в Пуамау. Через несколько дней мне пришлось бежать из Нахое, так как канаки задумали убить меня. В апреле Тоуме среди ночи разгромил мой дом и украл все, что еще оставалось... В июне Моуипу перерезал глотку одной женщине, ему понадобилась ее голова для жертвоприношения в честь вождя, который упился до смерти. Вождь племени, к которому принадлежала убитая, объявил войну родичам убийцы и победил их. Дома побежденных и миссия были сожжены. Потом состоялась попойка, и после нее все канаки — мужчины, женщины и дети — словно обезумели».

Как ни безнадежно все выглядело, миссионеры, презрев опасности, не сдавались*. Напротив, они усилили свое

* Именно на Маркизских островах роль католических миссионеров была особенно незавидной. Рука об руку с колониальными французскими властями они под видом борьбы с «язычеством» фанатически искореняли местную культурную традицию, запрещали всякие песни, танцы, увеселения и в конечном итоге способствовали общей деморализации населения островов.—
Прим. ред.

«представительство», прислали даже монахинь, которые учредили школу-интернат. В наши дни обращение маркизцев завершено; потребовалось не меньше пятидесяти лет упорного труда, прежде чем наметились перемены в воззрениях островитян. Впрочем, если говорить начистоту, маркизцы не так уж преданы религии, они лишь механически переняли показную сторону обрядов. Да и можно ли требовать от них, чтобы они поняли и проводили в жизнь возвышенные принципы христианства, если мы в Европе через 1950 с лишним лет после рождения Христа весьма далеки от этого.

Католические миссионеры, памятуя изречение «спеши медленно», уповают на грядущие поколения. Чрезмерный оптимизм, если принять во внимание, что через сто лет маркизцы могут вообще исчезнуть с лица земли...

В конце восемнадцатого века, во времена повторного открытия архипелага, его население составляло (приблизительно) пятьдесят — сто тысяч. А дальше оно изменялось следующим образом:

1842 г.	20 000
1856 г.	11 900
1872 г.	6 200
1884 г.	4 800
1902 г.	3 500
1929 г.	2 075

Потом цифра возросла примерно до трех тысяч, но только за счет одного острова, и нет никакой гарантии, что эпидемия или иные бедствия не вызовут ее сокращения.

Но даже если маркизцы как таковые выживут, будущее не сулит им ничего радостного. Усилия миссионеров привели к почти полному искоренению исконной культуры, нынешнее поколение знает о ней столько же, сколько мы, шведы, о поре викингов. В итоге маркизцы оказались между двух стульев. Они живут в своего рода культурном вакууме. Старые запреты утратили силу; что годилось для предков — нынче не годится. Старый общественный строй разрушен, а на смену не пришло ничего. Новая религия им чужда, новые нормы ими не признаны, духовную культуру Запада они не восприимлют. Жизнь утратила смысл и назначение, люди тоскуют, не зная, куда себя деть. Нам трудно представить себе все это, но маркизцев постигла национальная катастрофа куда более трагическая, чем из-

вестные Европе последствия насаждения «новых порядков»*.

Французы и по сей день толком не знают, что делать с Маркизскими островами. После того как флот ушел и гарнизоны были сняты, один губернатор (лет сто назад, когда гражданская война в США сильно сократила производство хлопка и мировые цены на него заметно поднялись) попытался на самых крупных островах разбить хлопковые плантации. Для работы на них привезли китайских кули. Но война Севера против Юга кончилась, цены упали, плантации были заброшены, а кули остались, занялись коммерцией и способствовали распространению проказы и опиума.

Новая попытка найти применение этим владениям была сделана в начале нашего столетия, когда на Маркизских островах устроили колонию преступников. Из этого тоже ничего не вышло. С тех пор архипелаг предоставлен самому себе. Никому нет до него дела. Несколько миссионеров, управитель, два жандарма, врач и десяток плантаторов — вот и все белое население этих островов на сегодняшний день. Время географических открытий прошло. Китобой оперируют южнее, у них есть более удобные порты. Французским военно-морским силам, разумеется, нечего делать в Тихом океане. Переселенцы предпочитают другие колонии, где больше плодородной земли. Пассажиры суда здесь не появляются; у туристов нет ни желания, ни времени отправляться на край света. Да, мало островов в Полинезии так основательно забыто, как Маркизские...

3

ОТЩЕЛЬНИК В АПЕЛЬСИНОВОЙ ДОЛИНЕ

Продолжая плавание среди позабытых островов, мы на следующий день миновали Мохотани. Впрочем, настоящее его название, кажется, Мохутане. Или Мотане. Если не

---

* Намек на «новый порядок в Европе», введенный Гитлером в завоеванных им европейских странах; лозунг, плохо скрывающий грабительский и террористический нацистский режим.— *Прим. ред.*

Мотани. Точно никто не знает. Ведь остров вот уже более ста лет необитаем; последние люди, которые могли бы внести ясность, давно обратились в прах в тесных склепах или просторных пещерах. Так и с некоторыми другими островами архипелага: древняя культура искоренена настолько основательно, что сегодня никому не известно их точное наименование.

Мохотани оказался чуть ли не еще круче, скалистее и пустышнее, чем Тахуата. Говорят, повинны в этом овцы. Однажды высаженные на остров, они уничтожили всю растительность на плато. Из-за них почва высохла, исчезли немногочисленные ручьи и родники. Большинство овец погибло от жажды, но уцелевшие сумели снова начисто «сбрить» растительность, что опять-таки повело к сокращению стада. Год за годом эта беспощадная последовательность причин и следствий повторялась снова и снова. Всегда оказывалось достаточно овец, чтобы не дать растительности развиться, и всегда травы было слишком мало, чтобы могли выжить все овцы. Время от времени к острову причаливает какая-нибудь шхуна, и команда отправляется на охоту, но добыча незавидная. Овцы настолько тощие, что хорошего супа не сварить, а грубая свалывшаяся шерсть ни для чего не пригодна.

Наши матросы повели было речь о том, чтобы остановиться, но, к счастью, лень победила, и «Теретаи» пошла дальше по изрытому волнами океану к Фату-Хиве. Вообще-то после Тахуаты нам следовало плыть на Хива-Оа, но полинезийские капитаны предоставляют случаю и настроению определять курс корабля, и мы направились к Фату-Хиве, самому южному острову архипелага. Нас это только обрадовало: Фату-Хива из-за своего уединенного положения реже посещается шхунами, и мы вряд ли смогли бы попасть туда в другой раз.

Говоря «нас обрадовало», я, конечно, исключаю Ларри. Он не только утратил всякий интерес к Маркизским островам, но даже проникся отвращением к ним. Забывшись в угол душной каюты, Ларри упорно отказывался встать и выйти на палубу. Кажется, дело было не только в морской болезни — он боялся хоть на миг отвернуться от своих драгоценных пленок. Чтобы предохранить пленки от сырости, Ларри засунул их в огромную жестяную банку с рисом, а сам лег сверху. Особенно недоверчиво относился он к коку, подозревая его — возможно, не без оснований —

в намерении приготовить из содержимого банки плов а-ля Кодак.

Зато художник, как и мы, отдавал предпочтение палубе. Он явно успел оправиться от разочарования, которое мы испытали в Ваитаху: пел, жестикулировал, без умолку говорил, предвкушая прелести Фату-Хивы. А остров уже надвигался темной скалистой громадой, похожий на те, которые мы видели раньше. И залив, где мы бросили якорь, был таким же, как прежние, разве чуть поменьше.

«Залив Девственниц» — прочли мы на морской карте. Я решил было, что название ироническое, придуманное каким-нибудь миссионером, который вотще пытался внушить местным женщинам седьмую заповедь. Но от капитана я услышал иное объяснение. Показывая на огромные каменные столбы, окаймляющие залив, он спросил меня: «Не правда ли, удивительно похожи на статуи Девы Марии?» Сколько я ни всматривался, никакого сходства найти не мог, но, прежде чем я успел обратиться за дополнительными разъяснениями, раздался чей-то радостный голос:

— Bonjour, monsieur! К вашим услугам. Извините, что помешал. Разрешите представиться: Альфред Рабуз. Восхищен знакомством. Enchanté! * Какая радость, что вы нас повестили.

— Привет, Альфред! — небрежно бросил в ответ капитан.

Я счел, однако, нужным ответить вежливостью на вежливость. В этом соревновании француз легко меня победил, и успех настолько его обрадовал, что он предложил мне называть его по примеру других просто Альфредом.

Это был симпатичный пожилой человек, худощавый, с роскошными усами, седой. На нем был легкий костюм защитного цвета и тропический шлем. А жестикулировал он еще более бурно, чем художник.

— Я живу в соседней долине Омоа. Вы можете поселиться у меня, я буду очень рад. У меня много копры, так что шхуна простоит долго. Если желаете, можете тотчас пройти в Омоа. Через горы ведет отличная дорога, я пошлю с вами проводника. Сам я, к сожалению, должен заняться делами здесь, а шхуна раньше завтрашнего дня в Омоа не пойдет. Вам будет лучше в моем доме, чем на

---

* Здравствуйте, сударь... счастлив! (фр.).

борту или в Ханававе, — так называется здешняя долина по-маркизски.

Он позвал какого-то парешка, пожал нам руки и попрощался.

Жизнь на борту шхуны и впрямь приелась нам — Марии-Терезе, художнику и мне. И мы с удовольствием спустились в шлюпку. Только Ларри не захотел слезть со своей банки.

Деревня в долине Ханававе выглядела ничуть не чище и не приветливее Ваитаху, но встречные островитяне охотно здоровались и улыбались нам. Мы даже возомнили, что наконец-то обрели свой счастливый остров. А ведь они, скорее всего, приветствовали не нас, а нашего проводника.

Миновав последние лачуги, мы вскоре очутились перед крутым, как стена, горным склоном. Я уже спрашивал себя, как тут перебраться без альпинистской веревки и специальной обуви; вдруг стена раздалась, и через узкий проход мы проникли в живописную долину.

— Шангри-Ла! * — воскликнул художник.

В этой долине поселков не было, но нам попадались занятые своими делами островитяне. Мужчины ходили сюда собирать плоды, женщины стирали белье в стремительном ручье. Несколько человек купались, а возле большой заводи сидела на камне, болтая ногами в воде, молодая красавица, облаченная лишь в набедренную повязку.

— О-ля-ля! — воскликнул художник. — Скажите, вас кто-нибудь писал раньше?

Художник тотчас расставил свой мольберт, забыв о нас. Мы несколько раз оглядывались — он весь ушел в творчество, а красавица продолжала болтать ногами в ручье.

Тропа была широкая и удобная, но поднималась довольно круто, и вскоре мы очутились на гребне, с которого во все стороны открывался отличный вид. Прохладный пассат нежно гладил нам волосы, и мы восхищенно любовались каменным великолепием кратера и синим океаном. Впервые мы ощутили неподдельное расположение к Маркизским островам. Час-другой ходьбы — и снова вниз; по узкой тропке мы вдоль прибрежных скал спустились в долину Омоа. Под конец спуск стал настолько крут, что

---

* Шангри-Ла — название вымышленной высокогорной долины необычайной красоты, где происходит действие романа американского писателя Дж. Хилтона «Потерянный горизонт». — *Прим. ред.*

мы последовали примеру нашего проводника: пустились бежать и финишировали, словно спринтеры, на берегу изогнувшегося дугой залива.

Зрелище, которое предстало нашим глазам, было настолько неожиданным, что мы просто обомлели. Под сенью развесистого дерева таману тучный монах в черной сутане играл в настольный теннис с темноволосым мальчуганом. Мальчику было от силы семь-восемь лет, он только-только дорос до стола, но играл удивительно уверенно, заставляя вспотевшего противника метаться из стороны в сторону.

Мы никак не ожидали встретить в Омоа монаха, увлекающегося настольным теннисом. В свою очередь, он тоже вряд ли привык к тому, чтобы с гор кубарем скатывались женщины и бородатые мужчины в шортах. Но вот прошло первое замешательство и мы представились друг другу. Патер Альберт оказался весьма достойным человеком. После того как мы переоделись и немного отдохнули в доме нашего хозяина, патер пришел рассказать нам о жизни в долине.

Мы узнали, что положение в Омоа ничуть не лучше, чем на других островах архипелага. Всевозможные болезни, пьянство страшное, скандалы, даже воровство бывает. Хорошо еще, что в долине нет купцов — они только эксплуатируют островитян, заставляют их влезать в долги, навязывают им всякую дрянь. Один Альфред занимается коммерцией, но у него есть своя плаптация, и он не очень-то любит торчать за прилавком. Торговля для него побочное занятие, он предпочитает заготавливать копру. Фатухивцы продают ему свою копру — вернее, сдают в обмен на товары, если задержится очередная шхуна. Вообще-то они куда охотнее сбывают копру прямо на пхуну.

Туристы редко навещали Фату-Хиву, а те, с кем встречался патер Альберт, ему совершенно не нравились: они только вортили островитян. По его словам, здесь появлялись преимущественно любители приключений, отваживающиеся в дальнейшее плавание на небольших суденышках. Так как хороших якорных стоянок нет, они задерживаются всего на день-другой — и спешат предельно использовать этот краткий срок. Строго говоря, их интересуют только две вещи: жемщины и маркизские древности.

Жители долины, независимо от пола, требуют за свои дары или «гостеприимство» либо спиртное, либо деньги. Попойки, как правило, заканчиваются оргиями... Патер

Альберт уверял, что фатухивцы сами изготавливают «древности» и сбывают их белым за бешеные деньги. Он сам видел путешественников, которые отдавали ручные часы за неуклюжие подделки каменных топоров. А женщины не унимаются, пока не выманят у приезжих все наличные ценности.

Мрачная картина... Естественно, у нас возник вопрос — как же в таких условиях наставлять прихожан? Патер Альберт признал, что ему приходится туго. Но он все-таки не утратил надежды. Особенно его ободряло то, что удалось увлечь островитян футболом и настольным теннисом. Началось строительство церкви; правда, работа продвигается медленно, но патер рассчитывал, что она будет закончена при его жизни, а большего ему и не надо.

Пока мы беседовали, появилось двое мужчин с объемистым свертком из листьев, который они бережно развернули.

— *Кеа туки попои э уу*,— сказал один из них.

Действительно: в свертке лежали сходные с нашими каменные песты, применяемые для растирания забродивших плодов хлебного дерева, а также деревянные палицы, в прошлом самое распространенное оружие мужчин. И песты и палицы казались старинными, на пестах даже была земля, словно их недавно откопали.

— *Пае ахура тара марите*,— продолжал островитянин. Он запросил за древности пятьдесят долларов.

— Не покупайте,— вмешался патер Альберт.— Это же подделка. Они сделали песты недавно и парочку закопали в землю. А палицы изготовлены китайцами на Таити. Посмотрите внимательнее: даже лаком покрыты. Эти приятели только чуть-чуть их потерли, чтобы придать им сходство со старинными. Кстати, это единственная работа, которую они проделали за последние недели!

Мы поблагодарили священника за добрый совет и сказали фатухивцам, что покупать не будем.

— Пойдемте, познакомьтесь с нашим ученым, он весь татуирован,— позвали они.

— Это правда,— неохотно признал патер Альберт.— Есть на острове человек с татуированными ногами. Кстати, последний на всем архипелаге. Но лучше я тоже пойду с вами, не то они с вас за показ деньги возьмут.

И мы все вместе зашагали к стоящей в глубине долины ветхой лачуге. Там мы застали старика лет семидесяти с

хитрющим лицом. Как же, как же, он охотно покажет нам ноги, их расписал ему в детстве дед, последний на острове мастер татуировки. Вот только устал он что-то, не худо бы сперва подкрепиться глотком вина... Один из наших проводников явно предусмотрел такой ход — он достал бутылку и пустил по кругу. Старик заметно оживился и тотчас без стеснения снял брюки. Патер Альберт уверял, будто старик носит длинные брюки, стыдясь своих языческих ног. Но мне сдается, что старый хитрец просто не хотел, чтобы на его ногах наживались другие. Длинные брюки надежно охраняли авторское право.

— Как бы то ни было, на такие ноги стоило посмотреть! Узоры отвечали древним маркизским образцам, а зеленоватый оттенок подтверждал, что татуировка сделана очень давно*. Кожа обеих ног была испещрена изображениями причудливых божеств и стилизованных человеческих голов. Я решил сделать фотоснимок, но только взялся за фотоаппарат, как дед подтянул брюки.

— За фото — две тысячи долларов, — решительно сказал он.

— Ты хочешь сказать — два доллара, — поправил я его, зная, как вольно полинезийцы обращаются с цифрами, особенно с нулями.

— Нет-нет, но тебе я разрешаю снять за двести долларов. Один американец, который здесь побывал, написал мне из Чикаго, что платит за снимок двести долларов.

— Но тогда тебе придется отрубить себе ноги и отправить их в Америку. Иначе он не сможет их сфотографировать. Я от тебя ничего такого не требую.

— Ладно, — уступил наконец старик. — Давай два доллара и снимай.

Но я отнюдь не собирался следовать примеру Ларри. Платить деньги за разрешение сделать снимок — дурной обычай, это ведет только к дальнейшему шантажу. И я ответил:

— Если ты разрешишь мне сфотографировать твои ноги, я потом сниму всю твою семью, и ты сможешь повесить карточку на стену.

* Татуировка на Маркизских островах некогда представляла собой область настоящего художественного творчества. Вместе с тем она была знаком социального ранга: чем знатнее был человек (мужчина), тем обильнее и затейливее был он татуирован. Вместе с другими местными обычаями татуировка стала исчезать из быта островитян с конца XIX века. — *Прим. ред.*

Старик глотнул еще вина и обратился ко мне сияющее лицо.

— Идет! Снимай сколько хочешь. Только бы я был на карточке.

Что значит поторговаться! Я принялся поспешно щелкать затвором, пока дед не раздумал.

Но проводники были явно недовольны таким оборотом дела; очень уж им хотелось подзаработать на нас.

— Хотите послушать древние легенды? — спросил один из них. — Старик единственный, кто их знает.

Второй достал еще бутылку вина и поставил перед дедом. Тот сделал добрый глоток и приступил.

— Знаете, что означают названия всех островов? Некогда бог Атеа построил дом. Фундаментом был Нукухива, сваями — Уапу, потолочной балкой — Хива-Оа, а остальные острова... остальные были, наверное, стенами... Но могучая волна захлестнула дом, разбила его вдребезги, и все обломки раскидала в разные стороны. Дальше всех унесло Фату-Хиву. Один Ной остался жив, он сел в большую лодку, взял с собой всех животных, ослов и свиней, кур и собак. И ковчег отправился в путь...

— Поймай, это же из библии, — перебил я.

— В самом деле, кажется, перепугал, — признался старик и подкрепился еще из бутылки. — Атеа построил... Сейчас, вспомню...

Откинувшись назад, он закрыл глаза. Наши гиды, обескураженные, съезжились в уголке. Я с улыбкой глянул на старика. Он дышал ровно, размеренно. Уснул...

Проводники до того огорчились, что я вывел их на солнце перед лачугой и сфотографировал. Несобдуманный шаг! Тотчас один из них побежал за женой, чтобы показать мне ее страшно распухшие ноги. Как и многие другие жители долины, она страдала слоновой болезнью. Видимо, муж счел меня специалистом по ногам и решил, что количество заменит качество... Пришлось отдельно фотографировать ее. Второй проводник не захотел отставать от товарища и вызвался сходить в горы, в потайную пещеру за черепом своего деда. Это звучало заманчиво, однако вылазка должна была отнять целый день, а он несомненно был способен потребовать почасовую оплату. И я вежливо, но твердо отказался.

В дверь заглянули двое мальчишек, явно будущие гиды. Они предложили показать нам старое кладбище с

настоящими черепами, идти лишь несколько сот метров. В награду запросили всего-навсего две сигареты. Мы им дали по конфетке и пошли за ними, только бы отделаться от назойливых проводников. Подведя нас к каменной осыпи, мальчишки гордо показали нам белые черепа, аккуратно разложенные на плоской плите.

В научных коллекциях очень мало полинезийских черепов, и я решительно забрал их с собой. Авось патер Альберт сумеет убедить островитян, что музей куда более подходящее место для черепов, чем каменная осыпь. Но патер при виде моих драгоценных находок только замахал руками.

— Дорогой мой, это же не маркизские черепа. Те надежно хранятся в горных пещерах. А эти принадлежали больным китайцам, которых здесь высадили на берег умирать. Это случилось еще до меня. Никто им не помог, никто не захотел их хоронить.

— Почему бы не похоронить их теперь?

— Они были язычники, им не место на христианском кладбище!

Грехи отцов падут на детей, говорится в священном писании. Зная беспардонное обращение китайских купцов с островитянами, я не удивляюсь, что никто не позаботился о больных беднягах. Я спрятал черепа в трещину возле древнего языческого алтаря и накрыл их плоским камнем.

А под вечер с гор неожиданно спустился наш новый друг Альфред. Рядом шли под ручку художник и его модель. Все трое были в чудесном настроении, пели и смеялись.

— Привет! — издали закричал Альфред. — Художник остается у меня!

Француз подтвердил его слова. Картина еще не закончена, завтра он и Хакапау (так звали красавицу) продолжат работу. Кроме того, у него задумано еще много картин, которые потребуют немало времени (он влюбленно посмотрел на Хакапау), и он решил задержаться здесь. Может быть, останется навсегда. На Фату-Хиве так хорошо, и он уже получил заказ: Альфред попросил покрасить его дом. Это не живопись, конечно, но художник, к сожалению, тоже должен зарабатывать на жизнь. Даже в раю. Так или иначе, это позволит ему закончить портрет Хакапау. Будет настоящий шедевр! (Он снова

влюбленно поглядел на Хакапау, которая, судя по ее милой улыбке, была совершенно согласна с ним.)

— Это все здорово,— отозвался я.— Но где ты будешь жить?

— Что-нибудь придумаем,— поспешил объявить Альфред.— О, как чудесно мы заживем! Нам о стольком надо переговорить. О Париже, например... В мечтах мы будем прогуливаться по набережным, а здесь, на веранде, устроим кафе «Флёр». Какой город сравнится с Парижем! Вы знаете улочку на Елисейских полях, которая называется Аркады? Там есть ресторанчик, в нем подают фаршированную утку с луком и каштанами. У меня есть рецепт. Ах, Париж...

— Простите,— смиренно возразил я,— но если вам так дорога городская жизнь, зачем вы вообще уехали из Парижа?

— Уехал из Парижа? Я в жизни не бывал в Париже. Родился здесь, на Фату-Хиве, дальше Таити не плавал. Но я прочел множество книг о Париже, каждую улицу знаю! Надеюсь когда-нибудь туда попасть. Ах, Париж...

Однако художник явно был доволен Фату-Хивой и с меньшим пылом возразил Альфреду:

— Что Париж! Мы тут создадим что-нибудь почище Парижа. Наконец-то я нашел то, что искал! Мир, покой, славные люди. Построю себе хижину, отведу большое помещение под ателье. И помощник найдется.

Он посмотрел на Хакапау, а она улыбалась и кивала ему, точно вдруг начала понимать по-французски.

— Вот и отлично,— горячо подхватил Альфред.— Днем будешь занят в своем ателье, а по вечерам станешь приходить ко мне посидеть на террасе, поболтать. Я покажу тебе место, где европейцы обычно строят себе жильё...

— Обычно строят? — удивился я.— Сколько же европейцев жило в этой долине?

— Сейчас посчитаю... В общем, три человека. Со мной даже четыре. Во-первых, мой отец. Он приехал сюда в старое доброе время, когда белому не надо было день-деньской заготавливать копру, чтобы прокормиться. Достаточно было отрастить хорошую бороду.

— Бороду?

— Ну да, разве ты не слыхал, что в старину из волоса делали браслеты и другие украшения? Среди остро-

витян было мало бородатых, и волос ценился почти так же, как в Европе золото и платина. А у отца смолоду была роскошная борода. Он попал сюда на китобойце. Влюбился в дочь здешнего вождя, и тот с радостью принял его в свою семью. Он был всем обеспечен, от него требовали только, чтобы он раз в год брился и отдавал бороду вождю. До конца своих дней ему больше не надо было работать. Вот жизнь-то! Но так было в прошлом веке. Теперь все переменялось.

Я с сожалением погладил собственную бороду; Альфред продолжал рассказывать.

— Следующий европеец поселился здесь уже в тридцатых годах. Молодой ученый со своей женой. Они собирали насекомых и животных для коллекции. Им тут очень понравилось, они так полюбили Омоа и пас всех, что решили остаться тут навсегда. И надо же было так случиться: перед самой войной поехали в Европу навестить родных и приобрести кое-какую мебель. И не вернулись. Видно, их убило бомбой... Мы очень горевали, это были такие милые, славные люди. Все островитяне привязались к ним, устраивали в их честь праздники. Одна семья даже усыновила их, помогала им, как собственным детям. Молодая жена ученого научилась плести отличные циновки из кокосовых листьев, готовила только полинезийские блюда. Ее муж любил ловить рыбу и лазить по горам. Наверное, они были очень бедные — приехали почти без багажа, никаких консервов не привезли.

— Вот видишь, — подхватил, радостно смеясь, художник. — Здесь можно вести райский образ жизни, даже если островитяне не ходят в лубяных юбочках и не строят хижины из веток. Ты все сомневался! Что ж, не спорю: Ваштаху и в самом деле хоть кого может разочаровать. Но Омоа — совсем другое дело! Следуйте моему примеру. Ларри безнадежен, пусть возвращается домой. А вы — оставайтесь!

— Да-да, оставайтесь! — вскричал Альфред. — Вчетвером мы сможем по вечерам играть в карты! Поставьте себе домик на той самой платформе, где жили ученый и его жена. А художник займет соседнюю платформу. Ура! Добро пожаловать!

— Давайте сперва посмотрим участок, — трезво заметила Мария-Тереза, и я поддержал ее разумное предложение.

Альфред почему-то не торопился нас проводить. «Сейчас надо отдохнуть и немного перекусить, а участки осмотреть всегда успеем», — рассуждал он. А еще лучше подождать, пока уйдет шхуна, тогда у Альфреда будет больше времени. Но мы настаивали на своем. Если шхуна уйдет и окажется, что место не такое чудесное, каким его расписывал Альфред (у нас было очень сильное подозрение на этот счет), нам все равно придется торчать на острове месяц, а то и два. В конце концов Альфред уступил и пошел с нами вверх по долине.

Солнце уже успело скрыться за высокими гребнями. Деревья росли очень густо, и огромный навес крон лишь кое-где пропускал бледные лучи света. Вспомнились слова Библии о «долине смертных теней»... Впрочем, при выкнуд к сумраку, я обнаружил нечто такое, что несколько подбодрило меня: подлесок состоял почти из одних апельсиновых деревьев. Мы шли через апельсиновый лес, и на каждом дереве висели сотни зеленоватых плодов!

— Жаль, что они не созрели, — сказала Мария-Тереза, — после блюд нашего кока хорошо бы отведать апельсинового сока.

— Они созрели, — возразил Альфред. — Здесь апельсины никогда не бывают оранжевыми.

Он спиб палкой несколько плодов, и мы принялись уписывать за обе щеки. Тысячи апельсинов гнили на земле вокруг. Я удивленно спросил, почему их никто не собирает, не отправляет на Таити, где за них можно получить хорошую цену.

— Дружище, что ты понимаешь в делах! — рассмеялся Альфред. — Капитаны шхун посылают матросов в лес, и те берут апельсины бесплатно. Да и то не больше двух-трех ящиков. Привези больше, сразу в Папэте цена упадет.

— А островитяне? Они ведь могут посылать апельсины багажом.

— И ты думаешь, апельсины дойдут в приличном состоянии? Один чужак попробовал, так все апельсины либо погнили, либо были раздавлены. Доставку он, конечно, вынужден был оплатить заранее.

— Хорошо, но почему островитяне разрешают матросам брать апельсины даром?

— Очень просто: не придет шхуна — не будет сахара,

муки, табака, спирта. Попробуйте обойтись без этих товаров. Так что лучше быть в дружбе с капитаном и суперкарго.

— Жаль... Столько апельсинов пропадает...

— Возможно. Здешними апельсинами можно всю Французскую Океанию обеспечить. После шторма, бывает, вся земля, как ковром, покрыта апельсинами, и у воды в ручье апельсиновый привкус..

Мы шагали по скользкой от глины тропе, иногда пересекая ручей с ледяной водой. Воздух влажный, душный. Зелень, зеленъ — повсюду зеленъ. Хоть бы один цветочек! Ни одного красочного пятна, которое нарушило бы веленое однообразие. Куда это Альфред ведет нас?! Вдруг он остановился и указал рукой на склон.

— Здесь!

Присмотревшись, мы разглядели среди огромных — с велосипедное колесо — листьев таро большие камни заброшенной платформы. Так вот где жили молодой ученый и его жена! Альфред вытащил из ножен длинный нож и стал прорубать дорожку в зарослях. Художник тотчас присоединился к нему, вооружившись ржавым перочинным ножиком. Он мечтал вслух, как построит себе хижину из бамбука. Но мы были слегка озадачены. Бесспорно, давным-давно тут жили островитяне. Но тогда долина, наверное, выглядела иначе! Она была светлой, приветливой, руки людей расчищали заросли. Или сумрак и влага не так уж опасны? Ведь были же довольны ученый и его супруга. Если расчистить немного...

— Конечно, когда тут жили Тури и его жена, все выглядело веселей, — заметил Альфред точно в ответ на мои мысли. — Если бы вы видели дом Тури!

Тури... Тури... Молодой ученый... Я напряг память. Где-то я уже слышал это имя, слышал историю о доме Тури в апельсиновой долине. И вдруг меня осенило. Как я раньше не догадался! Ведь Тури сам рассказывал мне о своих приключениях, потому что Тури — это же Тур Хейердал! В молодости он отправился в свадебное путешествие в Полинезию и долго жил на Маркизских островах*. Я плохо знал их географию и почему-то решил, что

---

* В 1937—1938 годах Тур Хейердал (тогда студент университета Осло) предпринял свою первую экспедицию — на Маркизские острова в южной части Тихого океана. От университета у него было поручение собрать зоологические коллекции и исследовать

он поселился на Хива-Оа. А выходит, что здесь! Долина, дом на каменной платформе, как раз перед войной — все совпадает! Островитяне называли его Тури, так им легче было произносить имя норвежца.

Между прочим, именно рассказ Тура Хейердала помог мне и Марии-Терезе реалистически оценить Маркизские острова и побудил нас запастись всяческим снаряжением. Я хорошо знал историю Хейердала, причем в гораздо более мрачной версии, чем та, которую нам преподнес Альфред.

В тридцатых годах Тур и его жена уехали из Норвегии. Они пресытились цивилизацией и твердо решили в корне переменить образ жизни. Кстати, Тур далеко не первый вступил в конфликт с нашим нервным, напряженным и жестоким цивилизованным бытом. Уже во времена Руссо в придворных кругах Франции было модным, облачившись в костюм пастушка или пастушки, прогуливаться в дворцовых парках, ведя на привязи белеенькую овечку. Последующие поколения писали примитивистские стихи или становились нудистами.

Тур Хейердал с презрением относился к подобным полумерам. Уже тогда ему было присуще стремление все делать основательно. И он решил вернуться в каменный век, проверить, так ли уж хороша эта хваленая первобытная жизнь. Его рай должен был обладать приятным климатом и находиться возможно дальше от цивилизованных мест. Тщательное изучение вопроса привело его к выводу, что лучше всего этим требованиям отвечают Маркизские острова. И он без колебания купил два билета. В один конец.

Казалось бы, что удивительного в том, чтобы отираться в Полинезию? Сотни, если не тысячи людей ежегодно едут туда, намереваясь, подобно Туру, начать новую, лучшую жизнь. Вернуться к природе. Но откровенно говоря, они жульничают. Во всяком случае, все те, кого встречал я. Они возут с собой немалую толику столь пре-

---

происхождение местной фауны. Уже тогда у Тура Хейердала возникло предположение, что первые поселенцы прибыли на эти острова со стороны Америки. Вскоре после возвращения в Норвегию он выпустил свою первую книгу «В поисках рая» (в русском переводе издана в 1964 году издательством «Мысль»), в которой рассказал об экспедиции. Бенгт Даниельссон пятнадцать лет спустя как бы прошел по стопам Тура Хейердала.— *Прим. перев.*

зираемой ими цивилизации: инструменты, деньги, княжи, одежду и прочее. Кое-кто пытается, правда, вести тот же образ жизни, что нынешние островитяне, но они забывают: в наши дни полинезийцы живут совсем иначе, чем прежде. Они не добывают огонь трением, а пользуются спичками. Они варят пищу в кастрюлях. Пьют молоко, едят сыр и говядину — продукты, ввезенные европейцами. Это перечисление можно продолжать бесконечно. Нет, тот, кто уподобляется современным островитянам (а даже на это мало кто согласен), не возвращается к природе. Для этого нужно вернуться в гораздо более отдаленное прошлое.

Именно так собирались поступить Тур Хейердал и его жена. Их опыт был единственным в своем роде. И готовились они к нему основательно. Они не только изучили древнюю жизнь по книгам, но, прежде чем плыть на Маркизские острова, провели несколько месяцев на Таити, чтобы на практике перенять у полинезийцев все, что те еще помнили из старинных нравов и обычаев.

Почему Тур выбрал именно Омоа, я не знаю. Возможно, это было предрешено заранее, а может быть, тогда, как и теперь, Альфред как никто другой во всем архипелаге, радушно встречал белых. Так или иначе, им отвели участок в долине, чтобы они построили себе там домик. Расчищая площадку, они первое время жили во временной постройке. Из раковин сделали тарелки, из скорлупы кокосового ореха — миски; плоды, которыми питались, пекли на костре. Принимали освежающие ванны в каменном бассейне, куда поступала вода из ручья. Им казалось, что они обрели рай.

Но первые восторги быстро прошли. Хотя они работали не покладая рук, чтобы расчистить участок, им не удалось до конца победить сумрак и влагу. Пицца, лачуга, люди — все покрывалось плесенью. Полчища комаров отравляли существование, собранные плоды пожирали муравьи, жуки и прочие твари. Стало ясно, что пужен настоящий дом, но без помощи островитян его нельзя было построить достаточно быстро. Фатухивцы охотно вызвались помочь за хорошую подешную плату. Но почему-то дело подвигалось очень медленно. С утра помощники отправлялись в заросли за бамбуком и возвращались только вечером — с пустыми руками. В конце концов бамбук все же был заготовлен, но выяснилось, что его надо сушить. И так во всем.

Словом, дом строился очень долго и обошелся дорого. А островитяне потребовали еще плату за участок.

Новое жилище было неплохим, зато все труднее становилось с питанием. На участке были только апельсиновые деревья и кокосовые пальмы. Выше в долине росло хлебное дерево, были бананы, но добывать плоды оказалось не так-то просто и не всегда они были зрелыми. Да и однообразная это пища. Туру и его жене опротивели фрукты, к тому же они никак не могли наесться досыта. Силы убывали — то ли из-за непривычного образа жизни, то ли из-за недостатка витаминов.

Как раз в ту пору, когда они особенно нуждались в помощи, фатухивцы отвернулись от них. Все, кроме долговязого Пакееее, который по возможности их поддерживал, учил ловить речных раков, показывал, где растут лучшие фруктовые деревья, приглашал к себе на обед. Как ни странно, его помощь окончательно все погубила. Выяснилось, что островитяне не ладят с Пакееее: он был единственным протестантом среди католиков. Вопросы религии играют в Полинезии большую роль, различные церкви враждуют подчас очень ярко. Узнав, что Тур и его жена протестанты, Пакееее страшно обрадовался единоверцам. Разумеется, он не преминул рассказать об этом другим; тотчас вражда католиков обратилась также на Тура и его жену. Фатухивцы наотрез отказались даже за деньги помогать им и всячески старались отравить их существование.

А тут наши герои еще и заболели. Пока здоровье было в порядке, они кое-как справлялись с повседневными делами, но всего лишь через несколько месяцев отвратительная болезнь, именуемая тропической язвой, роковым образом ограничила их способность к передвижению. Началось с маленьких болячек, на которые они даже не обратили внимания. Потом болячки стали увеличиваться, загноились, образовались огромные язвы, против которых были бессильны все снадобья и перевязки.

Скрепя сердце Тур и его жена решили покинуть Омоа и отправиться за медицинской помощью на Хива-Оа, где жил, по слухам, искусный лекарь-островитянин. Как назло, в это время сильно упали цены на копру, и шхуны перестали заходить на Маркизские острова. А фатухивцы не давали Туру лодок. Тогда он решился на отчаянный шаг. На берегу лежала погребенная песком старая рассох-

шаяся шлюпка; он откопал ее и стал чинить. К нему присоединилась горстка островитян, которым тоже было необходимо уехать; вместе они закончили ремонт и вышли в океан. От Фату-Хивы до Хива-Оа сорок миль, и море здесь очень бурное. Понятно, что плавание в беспалубной лодке с большими гребцами не было воскресной прогулкой. Только счастливая звезда помогла им добраться до цели.

Кто угодно пал бы духом после таких лишений, но не Тур Хейердал. Как только он и его жена немного поправились, они при первом удобном случае вернулись на Фату-Хиву, чтобы начать эксперимент сначала. На сей раз они обосновались в заброшенной долине на восточном берегу, где жил всего лишь один старик. Он радушно принял гостей, и им, быть может, удалось бы наладить счастливую примитивную жизнь, если бы не обитатели Омоа, которые тоже начали перебираться на восточную сторону. Не из дурных побуждений — просто их влекло сюда любопытство. Вскоре и здесь стало невмоготу, Тур сдался и покинул Юлинезию. Как-никак он больше года храбро сражался с трудностями.

...Мы не спеша направлись вниз по долине к дому Альфреда. Художник и Альфред шли впереди, оживленно жестикую. Мария-Тереза и я шагали следом, погруженные в раздумье. Рассказ Тура сильно отличался от того, что говорил Альфред..

Почему Альфред так усердствует, чтобы выставить все в розовом свете, скрывая, как туго пришлось Туру? Почему так добивается, чтобы мы остались? Он производит впечатление человека радушного, доброго, беззлобного. Денег он на нас не наживет, да и не похоже, чтобы они его сильно привлекали. Ответ мог быть только один: Альфред страдает от одиночества, он из всех сил старается обеспечить себе общество.

Вот и дом нашего хозяина. Мы расположились на террасе. Уже стемнело, но подвешенная на ржавой проволоке керосиновая лампа очертила на полу круг света, в котором мы как раз уместились. Терраса была обращена к океану. Мы смотрели в тьму, слушая гул волн. Вдруг мигнул огонек. Еще один. Видимо, рыбаки охотятся за летучей рыбой... Число огоньков множилось, они плясали, словно светлячки. Альфред и художник притихли, и вот уже все молча лобуются океаном, наслаждаясь свежим вечерним ветерком, слушая стрекот сверчков.

Красивая молодая женщина с распущенными волосами и заткнутым за ухо белым цветком тихо подошла к Альфреду и что-то прошептала ему.

— Это твоя жена? — вырвалось у меня, прежде чем я успел сообразить, что мое любопытство может, пожалуй, показаться нескромным.

А получилось так потому, что я задумался над тоской Альфреда по обществу и попытался представить себе, каково это — оказаться единственным белым в глухой маркизской долине.

— Да, «жена». Во всяком случае, сейчас. У меня была много «жеп». Здесь их не трудно найти — и еще легче от них избавиться. Большинство белых мужчин были бы счастливы иметь такую спокойную кроткую жену, как здешние жительницы. Недаром Полинезию называют раем для мужчин. Но ведь одно дело турист или моряк, который попадает сюда на короткое время, и совсем другое — плантатор и торговец, выпущенный, подобно мне, оставаться тут всю жизнь. Я бы охотно женился и завел себе семью в европейском смысле этого слова. Но на полинезийке так не женишься. Она не сможет сохранять верность. И дети быстро вышли бы из-под моей власти. Здешние дети делают что хотят, бродят пайками, веселятся. Не всегда это веселье невинно. Если родители пытаются их воспитывать, дети убегают в другую семью, а то и начинают жить самостоятельно. В Омоа уже двенадцатилетний может прокормить себя. Но хуже всего то, что между белым и местной женщиной не создается духовной близости. Они принадлежат к различным мирам. Поговорят о кокосовой плантации, о соседях, доме и детях — и все, больше говорить не о чем. Она не понимает хода его мыслей, даже языка. Ее мышление и поведение определяется совсем иными нормами, своя родня ей ближе, чем муж. Пожалуй, было бы лучше, если бы отец не научил меня французскому языку и я не знал бы книг. Тогда я был бы таким же маркизцем, как остальные жители долины. Некоторые европейцы отлично тут осваиваются, дело вовсе не в цвете кожи. А вот я освоился только наполовину. Почему не уеду во Францию? Гм, да я бы там не прокормился, ведь только и умею, что копру заготавливать. Пропал бы ни за грош. Здесь-то живу хорошо, почти богач. Могу с любой обвенчаться. Но это только все осложнит. Даже патер Альберт меня понимает.

Я тоже понимал Альфреда. Ему и впрямь нелегко; не удивительно, что он соскучился по обществу европейцев. Но мы с Марией-Терезой не сомневались, что в Омоа нам будет плохо. Не такое место мы искали, и даже дружба Альфреда не помогла бы нам долго переносить окружение равнодушных, если не враждебно настроенных людей. Зато художник, хоть мы и рассказали ему историю Тура, ни минуты не колебался. Тем более что он совершенно не разделял взгляда Альфреда на маркизских женщин — во всяком случае, на Хакапау. Заявив, что ему осточертели натурщицы, рассуждающие о теории искусства, он опять погрузился в счастливое опьянение.

Где-то во мраке мужской голос затянул веселую песню, ее тотчас подхватили другие. Несколько островитян возвращались с рыбной ловли; судя по песне, улов был хороший. Возле террасы они остановились и завели разговор с Альфредом. Потом сели там, где кончался свет фонаря. Мы с трудом различали влажные тела и светлые набедренные повязки. Кто-то из женщин принес гитару, зазвучали красивые старинные напевы. Пение продолжалось долго. Фонарь погас, художник захрапел, Альфред куда-то исчез. Видимо, мы с Марией-Терезой уснули, потому что когда очнулись, уже светало. Мы сильно продрогли от сырости. На террасе съезжившись лежали спящие люди.

— Слышишь, какой страшный кашель? — вдруг спросила Мария-Тереза, сжав мою руку.

В самом деле, как я не заметил раньше? Напрягая зрение, я как бы забыл о слухе. Но теперь я отчетливо слышал кашель различных тонов. Он доносился сразу со всех сторон.

Капитан говорил мне, что в сырых маркизских долинах свирепствует туберкулез. И он явно не преувеличивал. Среди спящих на террасе было немало больных чахоткой.

— Нет, — решительно сказал я, — это место не для нас.

— А что же делать с художником? — озабоченно спросила Мария-Тереза.

Мы решили еще раз попытаться уговорить его плыть с нами. Увы, безрезультатно. Все наши возражения он отметал изящными жестами, извергая при этом поток слов. Его перебил пронзительный гудок. Это пришла за нами «Теретаи».

Мы быстро попрощались с Альфредом; в знак сочувствия я подарил ему сочинение Бутюса «Утешение филосо-

фши», которое совершенно неожиданно обнаружил под одной из коек на шхуне.

— Добро пожаловать на выставку! — улыбаясь, сказал художник, когда мы в последний раз пожимали ему руку.

Мы прошли вброд через прибой и вскочили в лодку. Матросы тотчас навалились на весла и стали грести с таким рвением, точно тоже успели пресытиться Омоа. Вот за пальмами на берегу скрылись, идя под руку, художник и Хакапау. Альфред одиноко сидел на камне, почесывая затылок. Еще гудок, шхуна вышла из бухты, долина Омоа исчезла вдаль.

4

МЫ СТРОИМ СЕБЕ ДОМ

И все-таки мы не зря побывали на Тахуате и Фату-Хиве. Теперь мы гораздо лучше представляли себе местные условия, знали, каких ошибок следует остерегаться, когда мы наконец сделаем выбор и приступим к строительству жилья.

С самого начала мы понимали, что голыми руками райской жизни не создашь, и предусмотрительно запаслись инструментами, утварью, консервами, плащами, книгами. Правда, мы рассчитывали, что на Маркизских островах, как на Рароиа, нас будет поддерживать помощь и дружба островитян. Оказалось, ничего подобного не выйдет. Слишком много вероломства, неблагодарности и жестокости видели маркизцы со стороны белых, чтобы сохранить хоть какое-то теплое чувство к нашему брату. Мы их не упрекали. Скорее можно было удивляться тому, что безразличие не сменилось давным-давно активной ненавистью.

Пока шхуна, качаясь на волпах, словно усталая утка, шла на север, к Хива-Оа, мы с Марией-Терезой строили новые планы. Итак: нам нужно высокое место, поближе к солнцу и ветру, и в то же время подальше от деревни, чтобы не опасаться туберкулеза, слоновой и прочих болезней. Зато нам очень помогло бы соседство европейского поселенца. Мы во многом полные невежды, и опыт предшественника нам бы не помешал. Приступим к расчистке, начнем строить дом и одновременно закажем в Папеэте

недостающее снаряжение. Все ясно. Вот только где найти идеальную долину, отвечающую всем нашим требованиям?

— Спросим Генри Ли, — предложила Мария-Тереза. — Он единственный может дать нам дельный совет.

Генри Ли — норвежец, с которым мы познакомились, когда он приезжал на Таити. Он прожил на Маркизских островах сорок два года. Капитан предупредил нас, что через два дня мы придем в его долину.

— Помнишь, он звал нас к себе, — начал я нерешительно. — Что если в самом деле сначала...

— Нет уж, — перебила Мария-Тереза. — Как это можно стеснять людей! Надо сразу строить собственный дом. И ведь у Генри Ли лавка в долине Нуамау, где живет четыреста островитян. Где же тут спокойная жизнь?

Н-да, перспективы довольно мрачные... Разве что Генри Ли сможет нам порекомендовать хорошее место. Сходить на берег где попало — велело, приютиться на то время, пока мы осмотримся — негде. Кстати, это один из минусов Маркизских островов, о которых большинство случайных посетителей как-то забывает. Капитаны шхун, матросы и таптяне всегда найдут приют у своих родных или у друзей в долинах. Совсем в ином положении заметный турист. После долгого плаванья он сходит на берег, разбитый, грязный, мечтая где-нибудь отдохнуть, привести себя в порядок. Но где? Гостиниц нет. Маркизцы даже за деньги не пустят его к себе; ни помыться, ни переодеться, ни поесть, ни вздремнуть... И броди в пропотевшей одежде, пока идет погрузка копры, а она может продлиться несколько дней...

Естественно, немногочисленные белые, обосновавшиеся на островах, считают своим долгом заботиться о приезжающих европейцах. Мы с радостью пользовались этим обычаем, во одно дело — погостить день-два, другое — обосноваться на несколько недель. Нельзя же злоупотреблять традиционным гостеприимством. Надо знать меру.

Итак, перед нами стояла простая и в то же время сложная проблема: найти подходящее место, пока не ушла шхуна и пути к отступлению не отрезаны. То, что мы видели до сих пор, не очень обнадеживало. Но, может быть, найдется все-таки достаточно сухая, приветливая долина, в которой живет одинокий, стосковавшийся по

людям поселенец? Ответить на этот вопрос мог только Генри Ли. Если и он не поможет, можно с таким же успехом возвращаться вместе с Ларри на Тапти.

Чем ближе к Хива-Оа, тем хуже мы себя чувствовали. Разумеется, отчасти виной тому были большие волны и резкий запах копры из трюмов. Даже Белоснежка и Нефеликс, которые обычно не боялись качки и без вреда для себя угощались копррой, начали страдать морской болезнью. Нас же просто мутило. Но даже больше, чем волны и копра, нас угнетала неопределенность. Чем-то кончится наше маркизское приключение?

Прошло десять дней, как мы покинули Папеате. В эту ночь мы почти не спали и уже в пять утра заняли наблюдательный пост на носу. Как обычно, едва различимые, несмотря на начавшийся рассвет, отвесные серые скалы... Но вот рулевой крикнул капитану в каюту:

— *Эиаоне и муа!*

Мы подошли к долине, которая называется Эиаоне. Поглядели на карту: так, теперь уже недалёк и до Пуамау, где живет наш норвежский друг.

Все четче вырисовывалась долина Эиаоне. Светлыми полосами среди темной зелени вытянулись стволы пальм. Чтобы отвлечься от тревожных мыслей, мы отправились на шлюпке на берег. На фоне белого песка выделялось несколько темных фигур; встречающие указали на сарай поодаль — там хранилась копра. Матросы тотчас поспешили туда, начались переговоры на таитянском и маркизском наречиях о ценах и меновых товарах. Мы уныло сели на камень, размышляя о своих злоключениях. Вдруг сзади нас послышался бодрый голос:

— А вы как сюда попали?

Генри Ли! В соломенной шляпе и очках, в руках — бухгалтерская книга.

— Генри! — удивился я. — Что ты здесь делаешь? Разве ты живешь не в Пуамау? Мы собирались к тебе туда.

— Я давно оттуда переселился! Неужели вы не слышали про большое наводнение, которое унесло мою лавку? Это было еще первого апреля девятьсот сорок шестого года. Только мы сели обедать в моем доме на берегу, вдруг жена вскрикнула и показала рукой на море. Обращиваюсь — с океана идет огромный вал! «Бегом! — кричу. — Вверх по долине!» И схватил младшего сына.

Только мы взбежали на пригорок, как дом исчез под водой. Ученые считают, что на дне океана, где-то у Алеутских островов, произошло вулканическое извержение, да такое мощное, что с севера на юг через весь океан прокатился вал десятиметровой высоты. На Таити и других островах, защищенных коралловыми рифами, он особой беды не причинил. Там рифы приняли на себя главный удар. Зато здесь, на Маркизах, много долин было опустошено. Особенно пострадала обращенная к северу Пуамау.

Моя лавка стояла на берегу, на участке, который я получил от родителей жены. Исчезла в несколько секунд, вместе с жилым домом, складом, библиотекой и коллекцией маркизских произведений искусства, оружия и инструментов. Сорок лет собирал... Один могучий вал все смыл в океан. Он так стремительно налетел, что мы едва успели спастись. И остался я таким же нищим, каким был в девятьсот девятом, когда бежал с корабля на Хива-Оа. Мы долго ходили по берегу, искали, но океан выбросил только несколько деревянных украшений. Однако долину Эиаоне, где мы сейчас находимся, волна не смогла у меня отнять. Мне уже давно опротивело заниматься торговлей, без конца препираться с покупателями. И решил я начать новую жизнь. Переехал сюда, построил себе дом. Теперь у меня плантация, это куда лучше.

Закончив свой рассказ, Генри сделал в книге пометку о сдаче партии мешков с копррой.

Пока мы разговаривали, совсем рассвело, и теперь можно было осмотреться в долине. Сразу чувствовалось, что Генри северянин, с совершенно иным взглядом на жизнь, чем у островитян, да и у большинства поселенцев, которых мы встречали в Полинезии. Долина простерлась на два километра в длину и на километр в ширину, и нигде не было видно не только кустиков, но даже сорняков. Пальмы выстроились стройными рядами, точно их муштровал прусский канрал, а вокруг плантации тянулась отличная ограда — проволока в шесть рядов на врытых в землю столбах из дерева миру. Тут и там паслись тучные коровы и сильные лошади. Между пальмами росли апельсиновые деревья; земля была усыпана орехами.

Во всей Французской Океании я не видел такой аккуратной плантации.

Но еще больше мы удивились, когда подошли к стоящему в глубине долины жилому дому. На холме вместо

ставшей уже привычной для нас ветхой и грязной лачуги из досок и ржавой жести стояло сверкающее краской отличное деревянное строение на цементных опорах. Крашенные полы и стены, в комнатах электричество, красивая мебель из лучшего дерева. Ванная комната! Душ! Уборная!

Только тот, кто жил на уединенном островке в самых примитивных условиях, способен полностью оценить такие, казалось бы, тривиальные вещи. Мы от души, вполне искренне хвалили увиденное. Второй такой ванной не было ни на одном из прочих островов архипелага; пожалуй, и на Таити мало таких.

Уписывая вареные плоды хлебного дерева и жаркое из дикого петуха и заедая все это сочными апельсинами, мы рассказывали Генри и его родичам о наших планах. Как мы задумали поселиться в тихой долине на одном из Маркизских островов, поработать спокойно годик и на собственном опыте испытать заманчивую жизнь поселенцев, обходящихся без всякой помощи извне.

— Что ж, — заговорил Генри, мешая английские, французские, норвежские, маркизские и таитянские слова, что-бы всем было понятно, — я, кажется, знаю, что вам нужно.

Он подумал и продолжал:

— Так, все ясно. Вам незачем плыть дальше. Идеальное место — здесь. Стройте свой дом на соседнем пригорке. Место солнечное, с отличным видом на окрестности. Конечно, надо расчистить участок. Возле пригорка растут бананы и таро, есть папайя. Берите, сколько понадобится, пока не разобьете собственную плантацию. Мир и покой гарантирую. Во всей долине живут только две семьи, они работают у меня. Воды предостаточно, а если вы что-нибудь забыли — до лавки в Пуамау всего час езды верхом. Так что приступайте, если вы задумали все это всерьез.

Как раз то, что мы искали! Мы предались розовым мечтаниям, но Генри быстро вернул нас к действительности. Глянув на берег, он воскликнул:

— Эй, чего вы ждете? Шхуна скоро уйдет! Скорей забирайте свой багаж.

В самом деле, зачем мешкать? Мы опрометью бросились на берег и поспешили на шхуну за багажом. Шум разбудил Ларри, и он почему-то осведомился, вооружены ли мы? Нам некогда было выяснять, что он подразумевает; вскоре

Все наши вещи перекочевали в шлюпку. Только она отчалила, как на палубе показался Ларри. Обняв мачту (ноги плохо держали его) он с присущим ему тонким юмором, завопил:

— Эй, Адам и Ева! Подождите, я сделаю несколько снимков! Клянусь Юпитером и всеми богами Парнаса, меня осенила идея. Правда, в утробе у меня все перемешалось, быть может, я теперь думаю кишками — черт с ним. Вам приходилось видеть рекламу средств против полноты? Жертва до курса лечения — и после него! Я сниму вас перед началом вашего райского эксперимента, а когда вернетесь, — впрочем, сомневаюсь, чтобы вы вернулись, — сделаю новые снимки! Подозреваю, что вас родная мама не узнает. Счастливо! Если после эксперимента у вас будет достаточно страшный вид, — гарантирую бесплатную поездку в Америку! Мой журнал будет рад такому материалу!

Мы молчали; пусть тешится, бедняга, может, ему легче... Последнее «клянусь Юпитером», и он опять нырнул в каюту. Шлюпка доставила нас на берег, мы нагрузились вещами и пошли к своему участку.

Пригорок, который нам отвел Генри, возвышался над всей долиной, но вид с одной стороны заслоняли густые заросли пурау. На остальной части пригорка стояли опаленные панданусы, подлеска не было. Генри Ли свел его огнем, заодно пострадали и взрослые деревья, но он считал, что это к лучшему. Будет легче расчищать участок, а площадь немалая. В радиусе пятидесяти метров нужно повалить все панданусы, чтобы они потом не раздавили наш домик.

К счастью, валить панданус гораздо легче, чем сосну или ель. У пандануса длинные тонкие воздушные корни, которые торчат из ствола на высоте двух-трех метров и спускаются до самой земли. Взрослое дерево видом напоминает песочные часы: пышная метелка корней, тонкий ствол и широкая крона. Ствол внутри мягкий, так что срубить панданус можно большим ножом. Еще легче работать, когда знаешь, как взяться за дело. Не все корни одинаково прочны, часто дерево держится только на нескольких опорах. Достаточно перерезать главные корни, чтобы остальные сами ложились.

Вот почему вид полусотни панданусов высотой до двадцати-тридцати метров нас ничуть не смутил. Вооружив-

шись ножами, мы стали думать, — откуда лучше всего начать. На макушке пригорка покачивался, дергая опаленные воздушные корни, высоченный панданус. Я взмахнул ножом и ударил по ближайшему корню. Р-раз! Корень лопнул. Р-раз! Лопнул второй. И не успел я замахнуться в третий раз, как дерево с треском рухнуло наземь.

— Ур-ра-а-а! — закричала Мария-Тереза; я присоединился к ней.

Но наши голоса потонули в оглушительном грохоте. Первое дерево, падая, потянуло за собой второе! Мы метнулись туда, но не успели сделать и пяти шагов, как третье дерево последовало за двумя первыми. Цепная реакция шла с нарастающей скоростью, в итоге не меньше шести панданусов упали. Я решительно возобновил атаку; десять минут спустя реакция повторилась. Теперь нас уже нельзя было остановить, и к вечеру пригорок выглядел так, словно над ним пронесся ураган. Конечно, предстояло еще немало потрудиться, убирая поваленные стволы, но мы не сомневались, что справимся. Главное сделано, можно приступить к строительству!

Пурау тоже придется вырубить: без его веток и луба нам не обойтись. Так мы сразу уьем двух зайцев: и материал добудем и заросли расчистим.

Мы все-таки нуждались в некоторой помощи, чтобы скорее управиться, и, прежде чем лечь спать в доме нашего норвежского друга, устроили совещание. Решили, что Алексис, сын Генри, и один из маркизцев помогут мне поставить каркас. Женщины займутся плетением циновки из листьев кокосовой пальмы для стен и крыши.

Теперь большинство маркизцев строят себе деревянные дома, редко увидишь строение, сделанное по-старинке. Во-первых, строить на европейский лад считается «модным», во-вторых, деревянный дом прочнее и в конечном счете обходится дешевле. Хижину из стволов пандануса, ветвей пурау и сплетенных вместе пальмовых листьев быстро разрушают влага и насекомые, ее по сути дела через каждые два-три года надо восстанавливать. Правда, строительный материал ничего не стоит, но застройщику не обойтись без помощи, а за рабочие руки здесь, как и всюду на земле, надо платить. Тёс привозят из Канады, он очень дорог, зато этот материал живет и тридцать, и сорок лет — в десять раз дольше, чем панданус, пурау, пальмовые листья. И не надо то и дело строить заново.

Мы собирались прожить на острове год, от силы два, и нам вполне годилась самая простая и дешевая конструкция. К тому же в доме из циновок прохладнее. В полдень в деревянном доме с потолком и жарко и душно, а под кровлей из пальмовых листьев зной не страшен. Листья — лучшая термоизоляция. Вы часто увидите в Полинезии деревянные дома, железные крыши которых застелены листьями! Единственные недостатки этого строительного материала — воспламеняемость и непрочность: пальмовый лист не может противостоять атакам крыс. Но наш примус был надежно защищен кожухом, лампы — сетками, а кошки Марии-Терезы великолепно расправлялись с крысами.

Маркизцы удивились: европейцы строят дом на местный лад — где это видано! И они упорно носили нам обрубки досок и куски жести, пока мы наконец не убедили их, что действительно предпочитаем местные материалы.

Занимаясь расчисткой, мы обнаружили старую каменную платформу, которая нам тотчас приглянулась. Отбрав шесть панданусовых стволов попрочнее, поставили столбы — четыре по углам и два — повыше — по концам продольной оси. На эти опорные столбы положили коньковую балку и с помощью луба приторочили к ней стропила; несколько столбов поменьше поставили там, где предполагали сделать двери и окна. Из длинных прямых сучьев настелили основу для крыши. Тут нам показалось, что дом получается маловат. Тогда мы возле одного торца метрах в двух вбили два столба пониже и соединили наклонными жердями со всей конструкцией. Получилась еще комнатка.

Разумеется, работа шла не так быстро, как может показаться из моего описания, но за четыре дня каркас был готов. Тем временем женщины сплели из пальмовых листьев триста циновок длиной восемь, шириной два фута. Очень удобные размеры: в торцовую стену укладывались полторы циновки, в длинную — две. Мы установили, что в старину здесь применяли точно такие «панели». Алексис и Хеиао, мои единственные помощники, перенесли циновки к дому, я же нарезал луб пурау для вязки. И вот уже мы настиваем крышу. Мои товарищи хотели начинать сверху, я, на туамотуанский лад, снизу. Они настояли на своем, утверждая, что маркизская техника единственно верная... Что ж, в чужой монастырь со своим уставом не ходят,

даже если речь идет всего-навсего о настилке пальмовых листьев.

Затем принялись не за стены, хотя это могло бы показаться более логичным, а за пол. Дело в том, что мы, наученные опытом, решили делать цементный пол — главным образом, чтобы преградить путь всевозможным насекомым. Естественно, для этой работы нужна была крыша (чтобы не помешал дождь) и не нужны стены (чтобы ветер быстрее просушил готовый пол). Разровняв землю, мы положили цемент пятисантиметровым слоем. Конечно, ходить босиком по цементу холоднее, чем по дереву, но это не проблема, можно постелить циновки. А их Мария-Тереза заготовила множество.

Пока схватывался цемент, мы из пурау сколотили кровать, два стола и четыре стула. Не очень прочный материал, но зато его было вдоволь и он легко поддавался обработке. Не успели мы покопчить с мебелью, как Алексис притащил откуда-то две длинные трубы диаметром в дюйм.

— Для водопровода, — объяснил оп. — Не спускаться же каждый раз с ведром в долину.

Важная деталь, которую мы совершенно упустили из виду! Алексис тотчас отправился еще за трубами. В собранном виде наш водопровод протянулся метров на триста. Магистральная труба лежала в долине, но напор оказался недостаточным, чтобы вода одолела подъем на наш пригорок. Мы быстро смастерили лавку, из бамбука сделали «кран» с затычкой, положили плоские камни и между ними прорыли канавки. Можно и стирать и посуду мыть!

— Почти как в отеле в Папезте, — заметил Алексис. — У вас будет горячая и холодная вода. Только не по выбору, а поочередно. Холодная — утром, после того как трубы за ночь остынут. Горячая — с полудня, когда солнце опять их нагреет.

Мы сделали отвод и подняли на дерево конец трубы, к которому прикрепили жестяной кружок с дырками. Душ готов!

— Трубы, — сказал Алексис, — едва ли не самый важный материал для поселенца на Маркизских островах. Между тем, мало кто привозит их с собой. Если есть достаточно труб, можно строить дом на пригорке — сухо, светло, чистый воздух и воды вдоволь, как в долине. Ежедневно носить воду на гору, хотя бы и несколько сот метров, мало кому под силу. Вот большинство и селится внизу,

где темно и сыро. Лишь потому, что не догадались трубы захватить.

— А разве нельзя для водопровода использовать бамбук? — поинтересовался я.

— Нет, нельзя: в бамбуке через каждые полметра узлы, внутренние перегородки. Чтобы убрать их, надо каждый раз делать сквозную дыру, — а потом, сколько ни конопать, все равно протекать будет.

За несколько дней пол высох, и мы стали набирать стены из циновок. Кроме того, из бамбука сделали перегородку между «залом» и пристройкой, а пристройку разгородили на кухню и спальню. Окна затянули от комаров металлической сеткой, снаружи повесили сплетенные из пальмовых листьев ставни для защиты от ветра и дождя. Затем внесли в комнату самодельную мебель, и наша «вилла» была готова. Ровно десять дней ушло на ее постройку; мы обошлись без всяких чертежей и лицензий на строительство. Еще одно преимущество: окажись дом мал, нам ничего не стоило пристроить комнату-другую.

В помощь будущим застройщикам на Маркизском архипелаге привожу таблицу всех наших расходов (в таитянских франках):

Участок	0
Проект	0
Лесоматериал	0
Пальмовые листья	0
Мебель (гвозди)	50
Вино («обмывка» крыши)	350
Цемент, шесть мешков	600
Металлическая сетка для окон	1000
Жалованье двум мужчинам за 10 дней	2030
Жалованье двум женщинам за 4 дня	800

Итого 4800

У нас было много всякого снаряжения, но провизия не хватало, и мы решили отправиться в Пуамау. С помощью Алексиса поймали двух лошадей. Это оказалось труднее, чем мы думали: они сразу догадались, что им грозит, увидев людей с арканами. Алексис уверял, что смиреннее и добрее животных на всем архипелаге не найти. Возможно, он был прав; да, видно, здесь слова «смирный» и «добрый» имеют совсем иной смысл, чем в Швеции. В конце концов нам удалось все-таки взобраться на норовистых

четвероногих. Навьючили корзины, ящики, мешки и прочую тару и двинулись в путь. Да как лихо! Я не видел ничего похожего на тропу или дорогу, но лошади явно знали маршрут и мчались так, что только кусты трещали. Я и так и сяк тянул за повод (веревочный — уздечки, конечно, не нашлось), но толку от этого было чуть. Впрочем, скоро мне стало не до таких тонкостей: ноги мои все время цеплялись за кусты, низко висящие ветви поминутно заставляли кланяться. Судя по возгласам Марии-Терезы, ей приходилось не слаще.

Не очень многообещающее начало... Но ведь не тащить же на спине все, что задумали купить. И мы продолжали нестись вскачь. Честно говоря, у нас не было выбора: поди, останови этих рысаков! К счастью, вскоре начался подъем, и наши ретивые скакуны поневоле замедлили бег. Появилась извилистая тропка, зеленые поросли немного расступились. И на крутом повороте мы вдруг увидели внизу всю долину Энаоне. А сверху через «окно» в чащобе заметили горный гребень. Видимо, за ним пачиналась долина Пуамау.

Пока лошади карабкались на склон, мы едва удерживались в седлах. Наконец вышли на перевал. Здесь нас встретил и чуть не заставил отступить мощный пассат. Но вот проход форсирован. Впереди раскинулась терраса. А внизу широким, километров на десять, амфитеатром простерлась Пуамау. За ней — безбрежный океан.

Склон, по которому змеилась тропа, был довольно крут, но это не помешало нашим рысакам развить полную скорость. Нас безбожно трясло, и когда спуск наконец прекратился, мы давно перестали разбирать, где перед, где зад, где что...

— *Те ихеа те фаре гаоа?* — крикнули мы встречному, но он только вытаращил глаза в немом удивлении.

Впрочем, лошади сами знали, где лавка. Не обращая внимания на наши причмокивания и попытки править ими, они доставили нас прямоком к серому деревянному строению, возле которого стояло огромное дерево ауте. Под деревом несколько захмелевших гуляк играли на гитаре, развлекая кучку слушателей на террасе. Нас никто и не заметил, все смотрели на плечистого мужчину: он вскарабкался на перила, выжал стойку и медленно пошел на руках. «В точности, как в шведской деревушке», — подумал я. Молодежь скучает. Развлечений нет, собираться негде,

время убивают в кафе или возле лавки. Чтобы отличаться перед другими, выпивают, меряются силой, ходят на руках...

Мы вошли в лавку; вся толпа последовала за нами. На прилавке стояли старомодные весы. Вдоль одной стены выстроились бочки, подле другой лежали пакеты спичек и сигарет. Над ними висели ножи, несколько шляп, недоуздок, стоял будильник и большая банка масляной краски. За прилавком виднелся шкаф со стеклянными дверцами, в нем — кипы хлопчатобумажной ткани. Продавец маркизец, как и множество его коллег во всем мире, щеголял в фуражке, за ухом торчал карандаш.

— Пожалуйста, десять килограммов муки,— попросили мы.

— Муки? Муки у нас нет. Вы поступайте, как все в Пуамау. Мы сами хлеба не печем, покупаем у китайца. У него есть пекарня, настоящая каменная печь.

Разумеется, нам нисколько не улыбалось каждый день ездить в Пуамау за хлебом; но, может быть, китаец продаст нам муки?.. И мы перешли к следующему пункту в моем списке: сахар.

— Сахар, к сожалению, весь вышел,— улыбнулся продавец.— Мы тут пемного покутили.

Гм. Я совсем забыл, что на Маркизских островах запрещено продавать спиртное. Зато запретить торговлю сахаром нельзя, а из сахара и цветочного сока кокосовых пальм или проросших орехов получается отличный самогон.

Мы снова заглянули в список и попросили килограмм соли.

— К сожалению, соль испорчена. Шлюпка с товаром перевернулась и весь груз упал в воду. Но через месяц придет следующая шхуна.

— А как с говяжьей тушонкой?

— Есть говяжья тушонка! — отчеканил торговец и бросил на прилавок ржавую банку со вздувшейся крышкой.

Нам уже пришлось однажды испытать на себе действие старой тушонки, и мы поспешили вычеркнуть ее из списка...

Что бы мы ни спросили, результат был тот же: либо товара нет, либо он испорчен. Только спичек и сигарет было предостаточно. И мы купили спички — огромный па-

кет, около семисот коробков! Меньше продавец не отпускал. Когда этот громоздкий груз навьючили на моего коня, мне почти не осталось места на седле.

Опять лошади взяли на себя инициативу. Рысью они доставили нас к розовому дому, перед которым, перебирая какие-то свертки, стоял китаец. Уж не подслушали ли лошадки наш разговор в лавке?

— *Фалаоа?* — спросил китаец, который подобно всем своим соотечественникам вместо «р» произносил «л». — Да-да, я пекарь. Все покупают хлеб у меня. Самый лучший белый хлеб.

Мы заглянули в пекарню. Грязный полуобнаженный человек месил тесто сомнительной окраски. Подле него стоял мешок с мукой, в которой копошились черви. Мы быстро дали задний ход и вскочили на своих скакунов. Обойдемся без хлеба. Глупая европейская привычка — есть бутерброды.

Мы надеялись, что лошади завершили свой маршрут по Пуамау, но нет — они решительно направились в дальний конец долины. Сразу видно, что наш друг Генри объезжал Пуамау по одной и той же, тщательно разработанной программе.

Остановились перед деревянным домом с лиственной крышей. На лавку не похоже... Зачем нас сюда принесло? Но тут из дома вышел пожилой мужчина, типичный маркизет с виду, и сердечно приветствовал нас по-французски. Это был местный протестант. Очень радушно он пригласил нас войти. Слухи распространяются в Полинезии сказочно быстро; он уже знал, кто мы, зачем приехали на Хива-Оа, какой у нас дом, сколько мы пробудем на острове и множество иных подробностей.

— Вы правильно сделали, что выбрали Энаоне, — твердо сказал он. — Там никто не будет вам докучать. Спаситель проповедовал мир на земле, а здесь не прекращаются скандалы и драки. Все гонят самогон. Поглядите внимательно... Видите? Почти на всех пальмах вдоль ствола зарубки для ног. Это чтобы легче было собирать цветочный сок. Перерезают стебель и подвешивают к нему банку. Раз в день опорожняют ее, из этого сока можно делать шестидесятипроцентный спирт. Пуамау — гиблое место. Спаситель призывал возлюбить ближнего, а тут все относятся друг к другу с недоверием. Заметили — свиней почти нет. Знаете почему? Никто не хочет их откармливать — все

равно украдут. Так же и с плантациями. Какой смысл сажать, выращивать что-то, если урожай тебе не достанется. Все едят консервы и белый хлеб, в лавке покупают. Большинство даже рыболовством не занимается, слишком хлопотно.

Помните притчу о милосердном самаритянине? В деревне почти все больны. А лечить некому. И болезни распространяются все быстрее. Больные только рады, когда еще кто-нибудь заразится. Прежде каждое племя держало сплоченно. Теперь даже семьи распадаются, дети ничуть не заботятся о стариках родителях. Трудись в поте лица своего, призывает евангелие. Какое там... Большинство заготавливает копры ровно столько, сколько нужно, чтобы купить контрабандный спирт или сахар для самогона. Власти постановили, чтобы все взрослое мужское население отвечало за состояние дорог. Казалось бы, каждому на пользу, если связь с соседними долинами улучшится, но дороги никто не расчищает. Так и с водой: много лет население жаловалось, что в Пуамау нет водопровода, что за водой очень далеко ходить. Наконец власти закупили и прислали трубы, много миллионов франков потратили. Никто не захотел тянуть водопровод, пусть-де власти платят за работу. Но ведь для себя же надо делать!

Нет, прежде у нашего народа было больше энергии и желания работать. Но, к сожалению, наши предки все свои силы отдали служению сатане. Поглядите на идолов в верховье долины. Сколько труда и искусства потребовалось, чтобы их изваять. Хоть бы жители Пуамау приложили столько усилий на постройку церкви. Да только не дожить мне до той поры*.

И наш новый знакомый мрачно понурился.

Впрочем, излив душу, он заметно повеселел, и мы воспользовались случаем попросить его показать нам знаменитые культовые сооружения Оипона; до них было всего несколько сот метров.

В давние времена маркизцы сооружали огромные каменные террасы для своих ритуалов. Сооружения Оипона очень характерны, и они хорошо сохранились. На верхней

---

* Полная деморализация, царящая среди остатков коренного населения Маркизского архипелага, отмечается всеми наблюдателями с конца XIX века. Это — следствие как тяжелого материального положения и эпидемических болезней, так и ханжеской политики миссионеров, преследующих все «языческое». — *Прим. ред.*

террасе, где происходили человеческие жертвоприношения, остались даже каменные скульптуры*. В других частях Маркизского архипелага статуи либо давно разрушены, либо увезены. Но здешние устояли против всех покушений — слишком они велики.

Рост самого большого истукана — два с половиной метра, ширина — полтора метра, толщина — метр; он высечен из одной глыбы. Пропорции хорошо соблюдены. Руки сложены вместе на животе, голова — огромная, с широким ртом и круглыми глазами. Если вспомнить, что скульпторы, которые изваяли статую, располагали только каменными орудиями, невольно проникаешься почтением к их мастерству. А каково им было без помощи колес — их здесь тогда еще не знали — тащить многотонного великана на каменоломни на террасу?!

Предание гласит, что имя каменного богатыря — Такаки; прежде рядом с ним стояли две статуи ростом поменьше. Одна из них попала в Этнографический музей в Берлине; ее еще до первой мировой войны с огромным трудом доставили на торговом судне в Германию. Вторая оказалась слишком тяжелой, ее обезглавили и увезли голову. Нам объяснили, что увезенные идолы отомстили вандалам — прокляли немцев, и те проиграли обе мировые войны! (Позднее я узнал, что и статуя и голова были разбиты во время бомбежки Берлина в 1944 году. Выходит, наша машинная цивилизация все-таки сильнее древних языческих истуканов...)

Ниже террасы, на которой стоит Такаки, есть еще одна своеобразная фигура. Человеческое существо с огромной стилизованной головой лежит на животе, согнув руки и ноги. Ничего похожего нет на других островах архипелага, да и во всей Полинезии. Только в Южной Америке обнаружено нечто в этом роде. Ученые немало поломали голову над необычной позой фигуры; большинство, как ни странно, решило, что статуя изображает женщину во время родов. Конечно, в Полинезии роды происходят не так, как у нас. Я видел женщин, которые рожали, повиснув на

---

* В Полинезии каменные изваяния найдены на островах Пасхи, Питкерна, Раиваваэ и Маркизских. В последние годы Тур Хейердал развил теорию о том, что искусство вааяния пришло в Полинезию из Южной Америки. Маркизские статуи он относит к XIV веку, пасхальские, по его мнению, самые древние. — *Прим. перев.*

руках на веревке; здесь рожают также, сидя на корточках и дую в пустую бутылку. Но чтобы рожали, лежа на животе, — нет, по-моему, трудно придумать более неудачную теорию. К тому же вообще неизвестно, изображает ли статуя женщину.

Мы удалились, предоставив каменным истуканам, подобно сфинксу, молча размышлять над человеческой ограниченностью. Голова Такаи, возвышаясь над кронами деревьев, круглыми печальными глазами глядела на заброшенную культовую площадку.

На обратном пути кони сами (теперь уже в последний раз) остановились у одного из крайних домов Пуамау. Войдя во двор, они жадно припали к бочке с водой. Возле дома в тени сидели на поваленном дереве несколько человек. Почти у всех страшно распухли ноги. Слоновая болезнь... Здоровые совершенно не обращали внимания на рой комаров, по милости которых они очень скоро могли оказаться в не менее тяжелом состоянии.

Главная причина распространения элифантиаза (слоновой болезни) — невежество островитян. Болезнь вызывается маленькими, тонкими, как нитка, личинками, которые разносятся кровью. Дойдя до лимфатических узлов, они закупоривают их, вызывая болезненные опухоли рук, ног, половых органов. Подобно малярии, болезнь переносится комарами, которые вместе с кровью больных всаывают в себя личинки. Искоренить ее можно, либо истребив комаров (что очень сложно), либо изолируя больных, пока те не перестанут быть заразными. Но маркизцы считают делепостью бороться с комарами, а об изоляции больных никто и слышать не хочет. Все теории белых о заразительности болезней кажутся им такими же фантастическими, какой показалась бы нам попытка объяснить рак деятельностью неких злокозненных обитателей Марса, которые якобы подвергают нас облучению.

Большинство островитян уверены, что болезнь передается при соприкосновении с больными или вызывается определенной пищей. О том, какая именно пища вредна, единого мнения нет, и, когда я спросил об этом, все наперебой стали говорить свое. Одни совершенно точно знали, что можно заболеть, если пить стоячую воду, другие называли какие-то плоды. Я попытался изложить свой собственный взгляд, но моего запаса слов не хватило, чтобы объяснить столь сложные вещи.

Когда же начнется борьба против суеверий, когда островитянам при помощи кино и наглядных пособий привьют хотя бы элементарные сведения о санитарии и гигиене? На Таити борьба со слоновой болезнью уже началась — скоро ли настанет черед позабытых Маркизских островов?..

Меня отвлек от размышлений голос Марии-Терезы, которая беседовала с молодой женщиной. У женщины на руках был шестимесячный младенец, он отчаянно визжал.

— Знаешь, как она его воспитывает? — жалобно обратилась ко мне Мария-Тереза. — Шлепает. Хочет его таким образом успокоить.

— У меня больше нет сил! — воскликнула молодая мать и бросила ребенка на лежанку. — Который день вот так орет.

— Наверно, болен, — сказал я. — Дайте, я посмотрю.

Мы осмотрели малыша. Он казался на редкость здоровым и все-таки ревел, как фабричная сирена.

— Кажется, я нашла причину, — вдруг сказала Мария-Тереза. — Смотри, что он ест.

И она показала на банку с побуревшим, прокисшим сгущенным молоком. Мамаша окунула туда палец, облизнула его и буркнула, что молоко «не хуже того, которое едят другие здешние дети». Мы в этом и не сомневались... Но мать продолжала твердить, что ребенок кричит ей назло, и не успели мы отойти от дома, как она снова принялась его плепать.

После знакомства с мрачной долиной Пуамау мы с облегчением возвращались к себе домой в Эиаоне. Решили впредь обходиться тем, что есть, а коли уж очень понадобится что-нибудь — заказывать на шхуне. Конечно, придется ждать, но зато мы будем избавлены от необходимости посещать Пуамау. Мы сознательно изолировались. На Рароиа нас окружали веселые и доброжелательные люди; после знакомства с маркизцами нам захотелось для разнообразия пожить отшельниками, общаясь только с кошками и великолепной природой.

Мы не сразу освоились с обстановкой, но постепенно у нас установился твердый распорядок дня. Вставали с восходом солнца — то есть в шесть часов. После бодрящего душа шли вверх по долине на плантации, чтобы запастись провиантом, пока не кончилась утренняя прохлада. Мы уже начали сажать самое необходимое, а пока нам было

разрешено вторгаться во владения Генри; его плантации могли бы прокормить целый дом отдыха!..

Между кофейных зарослей мы с рюкзаками на спине шагали по тропе, ведущей к «огородам» Генри. Вдоль узкого худосочного ручейка выстроились сотни банановых палм ростом с яблоню. На каждой растет только одна гроздь плодов; чтобы добыть их, просто-напросто срубают верхушку мягкого «ствола» * толщиной около полуметра. Гроздь весит килограммов двадцать-тридцать, нужна и сила и сноровка, чтобы вовремя поймать ее, не дать бананам разбиться о землю. Честно признаюсь: первое время я почему-то очень часто оказывался накрытым листьями и плодами... Одной грозди нам хватало на неделю. Как всегда делают в тропиках, мы собирали плоды зелеными; дозревали они дома.

Здесь готовят бананы примерно так же, как у нас картошку: варят или парят. Пресытившись ими, мы переходили на таро, распространенное в Полинезии растение со съедобными клубнями. Толщина клубня пять-десять сантиметров, длина — сантиметров двадцать, вес достигает пяти килограммов. Он очень твердый, и варить его надо вдвое дольше, чем картофель. В готовом виде таро приобретает неприятный фиолетовый цвет, но вкус — превосходный. Таро мы тоже запасали сразу на неделю.

Но некоторые фрукты мы собирали ежедневно: кокосовые орехи, авокадо и манго. На Рарона мы каждый день выпивали содержимое одного, а то и нескольких орехов; не было никаких оснований отказываться от этой прищипки. Авокадо по виду напоминает грушу, но внутри плода — большая косточка. Мякоть очень нежная, богатая жирами, недаром авокадо называют масляным плодом. Во Французской Океании его часто едят с хлебом. Манго формой похоже на сливу, растет на высоких пышных деревьях, имеет кисловатый привкус скипидара.

Это была наша основная пища; кроме того, мы ели дыню, местный салат, папайю, сахарный тростник, ананасы и апельсины. И были вполне довольны. Европейских фруктов и овощей Генри не выращивал. Они не прививаются на полинезийской почве, а если бы и привились, муравьи и прочие насекомые тотчас расправились бы с ними.

* Банан — не дерево, а многолетняя трава с толстым корневищем, от которого отходят листья. У банана ложный ствол.— *Прим. перев.*

У местных плодовых растений есть еще то преимущество, что они почти не нуждаются в уходе.

Куда труднее было доставать свежее мясо. Курятина еще попадала к нам на стол, так как долина кишела одичавшими курами. В горах бродили козы, но только у Алексиса хватало опыта и выдержки охотиться на этих дикарок. Разумеется, мы с удовольствием ели козлятину, когда он приносил, но чаще обходились яйцами, консервами, рыбкой. И даже при всем этом обилии пища иногда казалась нам однообразной.

Помимо кокосового молока мы пили минеральную воду. Ее привозила шхуна. Кроме того, долина изобиловала кофе; за несколько часов можно было без труда собрать десять килограммов. Иногда Алексис заготавливал тонну-другую для продажи в Папэте, но чаще всего кофейные бобы пропадали. Ирония судьбы — мы с Марией-Терезой кофе не любим и за все время пребывания в этой долине не выпили ни одной чашки!

Итак, продовольствие на день заготовлено. После этого мы садились за самодельный письменный стол у окна с видом на океан и несколько часов работали. Вот где идеальные условия для работы! Никаких телефонных звонков. Почта приходит не чаще раза в месяц. Соседей нет. Шум уличного движения не мешает. Не надо никуда спешить на автобусе или трамвае, не надо следить за часами. Календарь — и тот мы убрали. Не все ли равно, который час, какое число? Солнце было нашим единственным ориентиром. Поднимется высоко, начнет припекать — делаем перерыв, едим и ложимся вздремнуть, как положено в Полинезии.

Просыпались мы, когда солнце скрывалось за гребнем на западе и снова воцарялась приятная прохлада. Работали по дому, бродили по Эиаоне и соседним долинам. Всегда находилось какое-нибудь дело: починка, расчистка, стирка, фотографирование и так далее. Вдали от цивилизации волей-неволей будешь мастером на все руки! В шесть часов быстро смеркалось, наступал вечер. Но так как мы вставали в шесть утра, то нас это несколько не огорчало. Я всегда с особым удовольствием буду вспоминать вечера в Эиаоне. Никаких развлечений, разумеется, на несколько сот миль вокруг не было, но нас это не волновало — мы довольствовались книгами. Наверно, с каждым так бывает: книги, которые надо прочесть, копяты, копяты, ко-

УСЛОВИЯ ЖИЗНИ НА МАРКИЗСКИХ ОСТРОВАХ

Погода	<p>Средняя температура: ноябрь — апрель — 27°; май — октябрь — 25°.</p> <p>Круглый год дует пассат либо с юго-востока, либо с северо-востока.</p> <p>Долгие засухи неравномерно чередуются с затяжными ливнями.</p> <p>Бывают циклоны.</p>
Земля	<p>Для строительства дома: легко получить бесплатно или арендовать за небольшую плату.</p> <p>Для плантаций: разделена на маленькие клочки, купить почти невозможно.</p>
Жилище	<p>Из местного материала: легко строить, но простоят не больше трех лет.</p> <p>Из привозного материала: дорого, но долговечно.</p>
Пища	<p>Мясо: на плато можно охотиться на коз, свиней и коров.</p> <p>Овощи: европейские, как правило, не привозятся. Местных мало.</p> <p>Корнеплоды: в пищу годятся только таро и ямс.</p> <p>Фрукты: в изобилии дикорастущие манго, много апельсинов. Кокосовые пальмы, папайя, бананы и хлебное дерево растут хорошо, дают обильный урожай.</p> <p>Рыба: в большом количестве, но ловить трудно из-за неудобных берегов.</p> <p>Вода: много ручьев и ключей, однако они порой пересыхают.</p>
Сообщение	<p>В пределах острова: отсутствует, не считая труднопроходимых вьючных троп.</p> <p>С Панэте: от силы одна шхуна в месяц.</p> <p>С другими пунктами: никакого.</p>
Почта	<p>Существует, когда вождь не ленится и не забывает раздать письма.</p>

Здравоохранение	Врач: в Атуане на Хива-Оа; фельдшер: в Таюхаэ на Нукухиве.
Полиция	Там же по одному жандарму и по одной тюрьме.
Школы	Шесть на весь архипелаг.
Церкви	Чуть ли не в каждой долине.
Развлечения	Радио, книги, местные празднества, прогулки.
Налоги	Отсутствуют.

пятся... Мы с Марией-Терезой привезли целый ящик таких книг. И теперь при свете керосиновой лампы принялись за них, жадно поглощая страницу за страницей, пока не копчались керосин или мы сами не засыпали...

День за днем, неделю за неделей текла наша спокойная, счастливая, гармоничная жизнь. Иногда мы брали «отпуск» и отправлялись в поход в какую-нибудь незаселенную долину или на поиски памятников древности в горы. Открыв, сколь увлекательно ловить речных раков, мы по ночам, вместо того чтобы спать, шли на реку, вооруженные факелами, копьями и сетками. Под утро промокшие, усталые и довольные возвращались домой с уловом — когда пяток, а когда и сотня отличных раков.

Часто навещали нашего друга Генри. У него был радиоприемник последней марки, американские и скандинавские журналы. Мы рассеянно слушали передачи, листали журналы, но наше отношение к цивилизованному миру настолько изменилось, что интерес к сенсациям и новостям угас. Конечно, мы знали, что не сможем окончательно отречься от цивилизаций, сжечь все мосты. И все-таки на расстоянии нам казалось, что там, в Европе, люди уж больно торопятся, суетятся, им некогда даже задуматься над смыслом того, чем они заняты. Все из последних сил рвутся вперед, вверх. И ведь не похоже, чтобы они при-

близились к своей цели: всё чем-то недовольны, хотят еще большего...

Мы не спеша возвращались в свою лачугу, благодаря судьбу, удачу, капитана шхуны и Генри Ли. Наконец мы обрели пристанище, о котором давно мечтали.

5

ВЕРХОМ В «СТОЛИЦУ»

Мы, наверно, так и осели бы в тихой долине Энаопе, если бы не одно непредвиденное обстоятельство. Нет, не несчастный случай и не стихийное бедствие изгнали нас. Никто не нарушил нашего спокойствия, и отношения с местными жителями не испортились. Мы ни в чем не испытывали нужды. А случилось то, чего мы иногда втайне побаивались: Мария-Тереза и я заболели.

Хотя мы не признавались в этом друг другу, оба опасались, как бы не возобновились нелады с желудком и общая слабость, которые вынудили нас покинуть Рароиа. Но таких симптомов не было, зато по истечении нескольких месяцев жизни на новом месте у нас появилось непривычное недомогание. Руки стали удивительно тяжелыми, прямо свинцовыми, не то что работать, а даже поднять — и то трудно.

Вывод мог быть только один. И когда мы рассказали Генри про странные симптомы, он подтвердил наши подозрения.

— Ясно, как дважды два: элѐфантиаз, — тотчас ответил он. — Суставы не обязательно распухнут сразу. Может пройти много времени, даже несколько лет. У вас еще пока первая стадия: тяжесть в руках и ногах, иногда повышение температуры.

Кому знать об этом, как не Генри: он сорок лет болел слоновой болезнью.

— Послушай, а разве в Атуане нет врача? — спросил я его; кто-то говорил мне, что в «столице» Хива-Оа живет лекарь.

— Есть на ваше счастье. Прежде он жил на Нукухиве, тогда к нему можно было попасть, только если случайно подвертывалась шхуна. Берите лошадей и отправляйтесь на обследование, тут очень просто добраться.

Очень просто? К этому времени я уже успел убедиться, что у жителей архипелага свое, весьма отличное от моего, представление о верховых прогулках... По прямой от Эиаоне до Атуаны около двадцати километров. Но ведь придется ехать по узенькой тропке, которая вьется вдоль гребня. Следовательно, путь окажется по крайней мере вдвое большим. Наши экскурсии в Пуамау и другие долины убедили нас, что даже непродолжительная поездка может быть очень утомительной. Решение напрашивалось само собой: поеду один. Ведь у нас с Марией-Терезой одинаковые симптомы. Достаточно, если врач осмотрит одного.

Тропа была указана на карте, которую нам дал Генри. Но я знал, сколь далеки местные карты от действительности, и предпочел найти себе проводника. Как раз в это время в Эиаоне появился Пуане, который возвращался из Пуамау домой, в Атуану. В Пуамау он ввязался в драку и теперь боялся, что за ним снарядят погоню. Таким образом, я мог быть совершенно уверен, что он будет двигаться быстро, не станет нигде задерживаться, чтобы собирать чудодейственные лекарственные растения, навещать родичей, ловить раков в речушках, просто отсыпаться... Мне нужен только добрый конь и побольше мягких одеял на седло — и уж как-нибудь я от Пуане не отстану!

Мы отправились рано утром по холодку. Поднимаясь по хорошей тропе, которая из долины идет круто вверх в горы на запад, я сидел очень прямо и лихо помахивал прутиком, чтобы все видели, что я правлю конем, а не наоборот. Мария-Тереза, Генри и прочие обитатели долины стояли у калитки, махая нам вслед. Но вот они исчезли за поворотом, и я не замедлил принять более естественное для меня положение.

Увы, торная тропа быстро кончилась. Дальше мы двинулись по узкому руслу мелкого ручья, окаймленного цепким кустарником. Но не это обескуражило меня больше всего, а зрелище, которое открылось нам с первого же гребня. Отрог за отрогом чередовались с глубокими долинами. Здешнюю местность можно сравнить с рукой, растопыренные пальцы которой указывают на море. Я-то надеялся, что мы — так обещала карта — вначале поедем вдоль берега по ровному месту, а оказалось, что все время придется петлять по горам и долам! Крутые гряды, между

которыми зажаты тесные долины, обрываются прямо в море. Только взберешься на гребень — уже крутой спуск. Разность высот достигала трехсот-четырёхсот метров, и мы продвигались очень медленно. Через несколько часов сделали привал, одолев каких-нибудь пятнадцать километров, а по прямой — от силы семь...

Но вот тропа стала сворачивать в глубь острова, поднимаясь все выше и выше. Мотая головами, кони взбирались вверх по гребню шириной не более метра. С обеих сторон — круто обрывающиеся склоны; далеко внизу — долины с пальмами, которые нам казались совсем крохотными. Растительность в горах была скудная и однообразная. Кустарники сменились высоченным древовидным папоротником. Даже обыкновенный папоротник был мне по пояс.

Вдруг пошел дождь. Хлынул внезапно, точно где-то открыли кран, — как всегда в тропиках. Я не успел достать плащ, как уже промок насквозь. Плотная завеса дождя все заволокла, я едва различал перед собой лошадь Пуане. А мой проводник как ни в чем не бывало продолжал путь. Оставалось положиться на провидение и на своего коня. Минул и час, и два, но дождь все не унимался. Такой ливень только в кино увидишь, в каком-нибудь экзотическом голливудском фильме!

Так же внезапно дождь прекратился. Подъем продолжался, но теперь я уже не видел пропасти: все застилало море облаков, из которого наподобие спины доисторического чудовища торчал гребень отрога.

— До Топакееее доберемся и отдохнем, — сказал Пуане.

— А там что — дом есть?

— Нет, это такое место, там сорвалась в пропасть лошадь по прозвищу Кееее. После дождя часто бывают оползни. Вдруг прямо под погами обваливается часть тропы. Обычно всадник успеваешь соскочить, но лошадь погибает. Отсюда до дна долины тысяча метров, только сейчас не видно.

«И слава богу, что не видно», — подумал я. Но на всякий случай зажмурился.

Добравшись до Топакееее, мы доели нани припасы: говяжью тушонку и хлеб.

— А дальше будут еще места с такими названиями? — осторожно справился я.

— Конечно,— ответил Пуане с непонятной мне радостью в голосе и перечислил с полдюжину названий, которые все начинались с Топа (упасть). Одно закачивалось словом Тиока; лошадей так не называют.

— Верно, там сорвался один приятель по имени Тиока,— подтвердил Пуане, весело смеясь.— Не успел вовремя соскочить с седла. Он был почти такой же плохой наездник, как ты.

Я понял тонкий намек и в дальнейшем наиболее рискованные места проходил пешком, ведя коня в поводу.

Наконец тропа вывела нас на горное плато. Подъем стал легче, воздух здесь был чист и свеж. Выглянуло солнце, в небе изогнулась великолепная радуга — точно ворота в сказочный край. Я быстро убедился, что место здесь и впрямь необычное. На островах Маркизского архипелага редко пайдешь большие ровные площади. А тут на пять километров в ширину и вдвое больше в длину простерлось чудесное плато. Сперва мы ехали лесом между высоких манговых деревьев и таману. Никаких зарослей, заслоняющих вид; часто попадались светлые прогалины. Потом тропа вышла на просторный луг, за которым начинались кофейные кусты.

Вдруг что-то зашумело, и через тропу метнулась здоровенная черная свинья, сопровождаемая выводком поросят. Пуане, задремавший было в седле, молнией соскочил на землю и исчез в кустах. Визг, хрюканье, гомон говорили о том, что добыче не удалось уйти! А вот и Пуане — тащит отчаянно визжащего поросенка! С довольным видом он привязал визгуна к седлу сзади.

— Отличные места для охоты,— сказал Пуане.— Свины, быки, лошади, козы... Потомство домашних животных, которые ушли в горы. Видишь — следы. Где-то поблизости есть дикие коровы.

— Гм,— буркнул я.— А что если мы встретим дикого быка?

— Ничего страшного. Бык не тронет. Хуже, если встретим диких лошадей, тогда наши кони могут пуститься за ними вдогонку. И не скоро успокоишь!

Кажется, здесь действительно райская обитель! Пусть даже не совсем похожая на тот рай, который обычно представляют себе. Хватит места для всех эмигрантов и любителей природы, мечтающих поселиться в Полинезии и кормиться собственным трудом. Горное плато куда больше

подходило для поселенцев, чем жаркие долины, где к тому же вся земля занята. Тут не только прохладно и безлюдно, но и достаточно осадков, чтобы не опасаться опустошительных засух — бича долин... Вот где можно попытаться осуществить идею, с которой носился наш друг живописец. С каким пылом он расписывал идеальное поселение для художников, писателей, композиторов — эдакую республику духа!..

Но тут я вспомнил мудрые слова старого таитянского вождя Териеро а Териероатераи. У него был свой, хорошо обоснованный взгляд на толпы европейских искателей рая и счастья, ежегодно прибывающих в Папеэте с мечтой пожить «на туземный лад». Когда эти «банановые туристы» (как их здесь называют) обращались к нему за советом, он отвечал:

— У вас есть капитал? Если нет, выкиньте из головы все ваши планы. Земля тут очень дорогая, если только вам вообще удастся что-нибудь найти. И ведь маленьким огородом не обойдешься. Кстати, вы подумали о том, что будете сажать? Если привезли с собой европейские растения, можете сразу выбросить их в море. Они здесь не приживутся. Земля плодородная, но только для местных растений. У вас большая семья, есть помощники? Нет? Так вы не справитесь с работой. Полинезийцы к вам не пойдут, нанять китайцев вам будет не по карману.

На плато Хива-Оа участок — не проблема: без труда можно получить бесплатно концессию, во всяком случае, французскому гражданину. А вот чтобы решить, что разводить, необходимо сперва научно исследовать почву. Впрочем, кофейное дерево отлично прижилось, и уже на нем можно неплохо заработать. Наверно, найдутся другие подходящие культуры. Но откуда взять рабочую силу? И главное: как доставлять на берег то, что будет выращено в горах? Дорог нет, только узкие тропки вдоль гребней.

Нет, похоже, что высокогорный рай на Хива-Оа останется необитаемым, пока власти не вспомнят о существовании Маркизских островов и не займутся ими всерьез...

Возможно, я бы еще долго предавался возвышенным мечтаниям, если бы крутой спуск не привел нас в мрачную долину Ханайапа. От края плато вниз, через таинственные папоротниковые заросли устремлялась головокружительная тропа. И вот уже наши усталые лошади вступили в единственную на всем пути из Эиаоне в Атуану населен-

вую долину. Я давно перестал питать какие-либо иллюзии относительно марнизовских деревень, но Ханайапа меня потрясла...

Возле лужи со стоячей, дурно пахнущей водой выстроились штук шесть лачуг из гнилых досок и ржавой жести. Женщина с распухшими ногами сидела на опрокинутом ящике, тупо глядя перед собой. Больше ни души не было видно. Мы заглянули в ближайший дом, чтобы узнать, нельзя ли тут отдохнуть. Одна-единственная комната без какой-либо мебели, пол прогнил... В углу, тяжело дыша, лежала старуха с опухшими суставами. Рядом с ней сидел мужчина с язвами на руках и лице (видимо, проказа); он сколачивал длинный ящик.

— Что такое? — удивился я. — Никак, он на глазах старухи делает гроб для нее?

— Подумаешь, — невозмутимо ответил Пуане. — Надо же мерку спясть.

Мужчина глянул на нас раз-другой, но не произнес ни слова. Мы поспешно отступили и направились к следующему дому. В дверях показался белый человек, его голова и руки были обмотаны бинтами. На ломаном французском языке он закричал:

— Уходите, я болен!

— Может быть, я могу вам помочь?

— Уходите!

В третьем доме мы застали рослого, широкоплечего европейца. Он назвался Раймоном. На хорошем французском языке Раймон предложил нам присесть на шаткие стулья, затем решительным жестом убрал со стола грязные бокалы и поставил вместо них другие, которые мне показались ничуть не чище. Наполнив бокалы красным вином, хозяин провозгласил:

— Выпьем, сегодня население Ханайапы уменьшится на одного человека! Вам не нравятся болезни? Но ведь они приносят ту же пользу, что в Европе войны. На свете слишком много людей. Болезни, как и войны, уменьшают опасность перенаселенности. Выпьем за болезни!

Он громким хохотом заключил свое рассуждение, выходящее сторонника философии сверхчеловека, и налил себе еще вина.

— Не обращайтесь внимания на мои слова. Я свихнулся. У меня даже справка есть. Один раз из Атуаны вызвали жандарма с шестью помощниками, чтобы меня унять. Они

меня так боялись, что связали мне руки и ноги. Да здравствуют сильные! А сейчас пойду топор точить, до свидания.

Его последнее замечание несколько обеспокоило меня, но Пуане невозмутимо объяснил:

— Он только себе вредит. Других не трогает. Много раз пытался покончить с собой. Однажды поднес к виску пистолет и спустил курок. Но он слишком близко держал дуло, и пуля застряла в черепной кости. Очнулся — и прямоком в церковь, там патер Жан как раз читал проповедь. После службы патер оборачивается, а перед ним Раймон — в одной набедренной повязке, из виска кровь сочится. «Ты что здесь делаешь?» — спросил Жан. «Молюсь, — ответил Раймон. — Ведь это церковь». Патер Жан послал за жандармом, Раймона связали и доставили в Атуану, в тюрьму ваперли. В камере Раймон подрался с другим заключенным, тот ему так двинул по голове, что пуля выскочила. Когда Раймон пришел в себя, у него голова соображала лучше прежнего, вот ему и позволили вернуться сюда. Но все-таки он не совсем нормальный. Рано или поздно покончит с собой. Хоть бы поскорей, я его не люблю.

Не знаю, откуда во мне взялась прыть, но я уговорил Пуане тотчас отправиться дальше. Выйдя из дома, мы увидели на берегу нескольких помеченных печатью сифилиса мальчишек, которые резвились, кидая камни в чашк. К моему удивлению, один из них попал в цель!

Только мы сели на коней, появился Раймон со своим топором.

— Будьте осторожней при подъеме на следующее плато, — предупредил он, посмеиваясь. — Под вечер дикие коровы спускаются в долину на водоной. Тропа идет через тесное ущелье, и если вы их там встретите, — вам крышка. Они не останавливаются и не поворачивают назад. Словно ожившая река... Помните правило: выживает сильнейший!

Он потрогал пальцем лезвие топора и громко рассмеялся; этот смех мне всегда вспоминается, когда я думаю о долине Ханаиана...

Мы без приключений поднялись на последнее плато — Хаамау — и пустили лошадей галопом, чтобы до темноты успеть к месту назначения.

На Хаамау почти нет кустов и деревьев, зато все плато поросло папоротником метровой высоты. Тут и там вид-

пелись тропки, протоптанные дикими коровами. Вдруг мы недалеко от нашей тропы заметили трех коров и быка. Пуане соскочил на землю, отдал мне поводья своего коня и, став лицом к животным, подвнял руку, чтобы проверить направление ветра. Ветер дул на нас — можно было приступить к охоте.

Прячась за папоротником, Пуане стал подкрадываться к «дичи». Коровы, ничего не подозревая, спокойно щипали траву. Осталось метров сто... Пуане лег на живот и пополз. Внезапно бык поднял морду и громко фыркнул. Коровы на миг окаменели, потом обратились в бегство. Но Пуане уже успел настичь ближайшую корову.

Я с таким волнением следил за тем, как он крадется, что только теперь смекнул: ведь у Пуане нет ружья! Как он овладеет своей добычей? Это не поросенок, на руки не поднимешь, к седлу не привяжешь. Мое недоумение длилось недолго. У маркизцев есть свой, довольно варварский способ охотиться на коров. Пуане схватил корову за хвост, шлепнулся наземь и напел точку опоры для своих ног. Корова на какой-то миг замерла на месте, Пуане выхватил длинный нож и молниеносно перерезал жилы на ее задней ноге. Перехватив нож в другую руку, он рассек жилы на второй ноге. Бедняга, мыча от боли, повалилась на бок. Пуане зверем набросился на нее и вонзил нож в шею. Не буду вдаваться в подробности; зрелище, которое мне довелось увидеть, было куда более кровавым, чем бой быков.

Пуане вернулся с победным видом и навьючил на наших копей два огромных куска мяса. В Атуане ему за мясо хорошо заплатят, можно будет выпить...

— Почему ты не охотишься с ружьем? — спросил я.

— Власти не разрешают маркизцам иметь ружья. Говорят, слишком много будет несчастных случаев. Да так даже интереснее.

Сопровождаемые тучами мух, грязные, мокрые, смертельно усталые, мы уже в сумерках въехали в Атуану. Одновременно с другого конца в «столицу» архипелага верхом на конях галопом ворвались несколько женщин, среди которых я увидел знакомых из Пуамау. Двое из них были беременны, остальные держали на руках детей. Они избрали другую дорогу, вдоль южного берега острова, куда более опасную. Я подумал о проделанном мной пути: десять часов в седле, ливень, обрывы, крутые

тропы... Что побудило их добровольно подвергать себя такому риску? Оказалось, они спешили на праздник. Какой праздник? Я обратился с этим вопросом к Пуане; он удивленно ответил:

— Разве ты не знаешь? Четырнадцатое июля — национальный праздник Франции! Мы всегда отмечаем его в Атуане, сюда собираются люди со всего острова.

В самом деле, ведь давно начался июль; это я знал, хоть и перестал следить за числами. И вот оказалось, что годовщина взятия Бастилии и начала Великой французской революции — главный праздник здесь, на краю света! На улицах кишел народ, отовсюду доносились песни. Крикнув на прощание «*каоха нуи!*» — Пуане исчез в одном из домов.

Смеркалось, и я не успел как следует разглядеть деревню. Впрочем, она меня сейчас не очень занимала, я думал только о том, как бы найти приют на ночь. Куда пойти? К вождю? К жандарму, к миссионерам, в тюрьму? Надю, осчастливорю жандарма. Я зашагал к сверкающему свежей краской зданию с вывеской «Резиданс». Под лампой на террасе сидели в мягких креслах двое. Только я вступил в освещенный круг, как один из них вскочил на ноги и закричал:

— О-ля-ли, мой cher ami, а я-то думал, что ты погиб! Иди сюда, чокнемся!

Художник, наш друг, которого мы оставили на Фату-Хиве! Мы обнялись, потом меня заключили в объятия хозяева дома — местный жандарм, его супруга и дети, все милейшие люди. Вот только областной диалект французского языка, на котором они говорили, звучал необычно для моего уха. Жандарм привычной рукой приготовил «луниш» из рома, апельсинового сока и сахара. Я осторожно присел на самый кончик стула, опасаясь испачкать мебель.

Но почему у художника такой унылый вид? Я не удержался и с легким ехидством спросил, как ему жилось в райской долине на Фату-Хиве.

— Райская долина! — Он вскочил, точно ужаленный. — Рай для воров, бандитов, мошенников и проституток, вот это что! Я потерял все, что имел, и не написал ни одной картины! Но, кажется, и в твоей долине не слаще? Ты-то почему здесь очутился?

Я рассказал ему, что мы устроились очень хорошо, вот

только захворали, и я приехал в Атуану к врачу. Не без смущения художник открыл свой секрет:

— Я ведь тоже к врачу... Но у меня другая болезнь, весьма распространенная на здешних островах. Помнишь ту красотку?

— Хакапау, твою любовь?

— Ага, Хакапау. Это она меня наградила. Я уже поделю как приехал, но врач еще не вернулся с Нукухивы. Он там больных навещает. Вчера служебное судно почти пробилось в залив, вон у того мыса было. Из-за ветра пришлось отступить, идти назад, на Нукухиву. Там сплошь и рядом бывает, несколько заходов делают. Ведь судно-то какое — катер, да к тому же мотор отказал. Вот и ходят под парусами, на которые катер не рассчитан. Так что приготовься ждать.

Печальные новости. Однако я слишком устал, чтобы принимать что-либо близко к сердцу. Мы еще потолковали о том, о сем, чокнулись раз-другой, и я даже не заметил, как заснул на своем стуле. Художник — добрая душа — потащил меня под душ. Ледяная вода привела меня в чувство настолько, что я сумел сам раздеться и лечь. Хозяин предоставил мне самую лучшую кровать для гостей. Всю ночь мне снилось, что я, сидя верхом на коне, с дирижерского пульта управляю огромным оркестром, который играет «Верхом в голубые дали»...

На следующее утро вместе с художником и нашим новым другом, жандармом, я осмотрел «столицу». И убедился, что для Маркизских островов Атуана и впрямь большое селение, да к тому же довольно живописное. Жилые строения такие же, как в других полинезийских деревнях, разве что веселее и аккуратнее на вид. Над поселком возвышается каменная церковь, настоящий собор; рядом с ней разместилось несколько построек миссии. На площадке за церковью стоит огромное распятие, причем Иисус и разбойники вылеплены из гипса шоколадного цвета, — видимо, для того, чтобы христиане чувствовали вселенский характер церкви.

Католическая миссия — самый крупный землевладелец в долине Атуаны. Она неплохо зарабатывает на своих плантациях кокосовых пальм. Это позволило провести интересный опыт: миссионеры уже пятьдесят лет держат школу-интернат для девочек. Работают в школе французские монахини, которые приезжают сюда на всю жизнь.

Старшей из них больше восьмидесяти лет, она приехала девятнадцатилетней девушкой и ни разу не покидала Маркизских островов. Но как ни стараются монахини, не похоже, чтобы их просветительская деятельность давала желаемый результат.

Девочки поступают в школу пяти лет и остаются там до четырнадцати. Родители обязуются всецело доверить дочерей попечению монахинь и видется со своими детьми не чаще нескольких раз в год; зато миссия берет на себя все расходы по содержанию воспитанниц. Когда я посетил интернат, в нем были восемьдесят три ученицы, преимущественно в младших классах. Им преподавали французский язык, домоводство, закон божий, рукоделие, пение, очень отрывочно историю. Современные педагогические приемы сюда еще не дошли, обычно учительница читала вслух, а дети хором вторили ей. Они с поразительной скоростью выпаливали молитвы, спряжения, пословицы, имена королей, псалмы, ничего во всем этом не смысля.

Как только четырнадцатилетние девочки выходят из школы, в их жизни тотчас наступает коренная перемена. Бывшие затворницы познают полную свободу. Их родители, как принято у полинезийцев, совершенно не интересуются, чем занимаются дети; к тому же девочка в четырнадцать лет здесь считается взрослой, способной жить самостоятельно. Вот почему воспитанницы, покинув интернат, предаются веселью и забавам. Потом наступает пора замужества, и все, чему их учили в школе, быстро забывается. Через несколько лет остается разве что умение шить. Маркизские женщины способны без конца шить себе пестрые платья.

Школа по сути дела никак не повлияла на нравы полинезийцев и их жизненный уровень. Одна из главных причин этого — оторванность школы от внешнего мира, а также отсутствие интерната для мальчиков. Кроме того, не нужно быть слишком придирчивым человеком, чтобы усомниться в правильности методики, которую избрала миссия. Не лучше ли обучать детей нужным профессиям, давая одновременно необходимые теоретические познания в области биологии, зоологии, ухода за больными, мореходства? Увы, главная обязанность миссии — спасение душ (об этом напомнила мне начальница интерната, когда я попытался поделиться с ней своими соображениями). Все прочее — постольку, поскольку...

Велико могущество миссии, одним из его вещественных воплощений был новенький, сверкающий лаком грузовик. Им даже иногда пользовались, хотя в долине всего несколько сот метров дороги, а в поселке можно проехать лишь по главной улице. Второй в Атуане грузовик (на номерном знаке крупная, чтобы жандарм не спутал, цифра два!) принадлежал новозеландской торговой фирме и выглядел, разумеется, не таким нарядным. Вместе с жандармом и художником я зашел в двухэтажное (единственное во всем архипелаге) здание фирмы. Надо же знать и светских владык долины... Перед дверью выстроилась длинная очередь.

— За вином, — лаконично объяснил жандарм.

— Цивилизация! Чем тебе не Европа! — отозвался я.

— Не совсем. Здесь, на Маркизах, вино продают только в Атуане и Тапохаэ, там, где есть жандарм.

— А норма какая?

— Два литра в неделю.

— Кроме того, полинезийцы за любую работу требуют вина, — смеясь, добавил художник. — От денег отказываются. Не дашь вина, не будут работать. И набирается еще четыре-пять литров в неделю. Выпивают все в один присест. Каждый вечер в поселке гулянье и драки. В воскресенье надевают чистую, аккуратно выглаженную одежду — недаром жены в интернате учились — и отправляются в церковь слушать проповедь о вреде пьянства. Но в понедельник открывается лавка, и вечером — снова драки, несколько человек попадают в кутузку. Выйдут оттуда — и опять в очередь за вином. Да здравствует цивилизация! Кто на этом зарабатывает? Фирма, разумеется! Она почти такая же могущественная, как миссия. К сожалению, они служат разным господам, и бедные островитяне оказываются сбитыми с толку. Один европеец говорит одно, другой — прямо противоположное. Белые сами не знают, чего хотят, и так во всем. Кому верить? В итоге полинезийцы вообще перестают верить бѣлым.

Разумеется, кроме новозеландской фирмы в Атуане были китайские купцы и пекари. Они не упускали возможности нажиться на чем угодно; кубики льда, лимонад и хлеб и здесь стали предметами насущной необходимости. Беспечные маркизцы способны отдать немалые деньги даже за дыню, хотя вполне могли бы вырастить

ее в своем огороде. Были в Атуане такие лентяи, которые каждое утро покупали в лавке горячую воду для кофе! Зачем самому возиться, если купец так дешево продает ее: один франк чашка...

Местные достопримечательности не исчерпывались миссией и лавками; в Атуане был свой телеграф, школа, кинотеатр. Правда, последний помещался в одном из зданий миссии, и «крутил» фильмы сам епископ, но он не ограничивался картинами религиозного содержания и показывал вестерны*, фильмы с участием певца Тино Росси, фарсы, герои которых лихо швыряли друг друга в физиономию торты, — словом, весь обычный для французской Океании репертуар. Прочие картины вызывают у островитян восторг. Причина столь резко очерченных симпатий ясна: не зная языков и европейских условий, полинезийцы других фильмов просто не понимают, тогда как бесхитростная фабула вестернов и фарсов доступна любому; песни и музыка островитянам тоже по душе.

Маркизцы принимают всерьез все, что происходит на экране, отчего подчас происходят удивительные недоразумения. Я пошел однажды вечером в кино на вестерн: американские солдаты и колонисты крошили почем зря жи в чем не повинных индейцев. Зрители выражали восторг как же бурно, как мальчишки в Америке или Швеции. После сеанса началось оживленное обсуждение. Разумеется, меня втянули в разговор, считая, что любой белый должен знать все о диком Западе.

— Не страшно тебе было в Марите? — спросил плечистый мужчина, который казался мне страшнее всех индейцев вместе взятых. (Марите — Америка).

— Нет, — честно ответил я. — Индейцев осталось очень мало, и к тому же это чрезвычайно миролюбивый народ.

— Миролюбивый? Просто они боятся... А завоеваешься, так небось подкрадутся сзади и...

— Да нет же. Большинство из них — самые обыкновенные люди, работают в поле, водят автомобили, ходят в кино. И одеваются, как все.

— Брось, мы видели в фильме: они носят на голове перья, одежда у них из шкур. А Кита Карсона ты знаешь?

— Кита Карсона? Постой-ка... Да ведь он давно умер.

* Фильмы из жизни американского Запада. — *Прим. ред.*

— Умер? Мы его только что видели в фильме. Когда же он успел умереть?

Я сдался. Мой собеседник тоже решил, что не стоит со мной говорить. Отходя, он бормотал себе под нос:

— Этот иностранец вовсе и не бывал в Марите.

На праздник четырнадцатого июля собрались даже самые древние деды, и я воспользовался случаем расспросить их о старине. Ничего нового я не услышал, но каждый считал своим долгом сочинить какую-нибудь потрясающую историю. Правда, они знали названия своих земельных участков; это позволило мне составить карту Атуаны и соседних долин, обозначив на ней сотни старинных названий. Сравнив список с тем, который я привез из Рароиа и Такуме, я и впрямь нашел много такого, что подтверждало версию о приходе их населения с Маркизских островов. Главный алтарь Такуме, почитаемый также и раройцами, называется Атурона, а так как в маркизском диалекте «р» впоследствии выпало, получилось — Атуона*. Предки раройцев говорили, что происходят из Нуку в стране Хива-Нуи. Общеизвестно, что Хива-Нуи — древнее наименование Маркизских островов; но для меня было новостью, что западная часть Хива-Оа, где находится Атуана, называется Нуку. Все это отлично совмещалось с раройским преданием, которое, в частности, гласит, что беженцы из Хива-Нуи назвали открытый ими коралловый остров Нуку-попои-фано, то есть «Нуку, перемещенное [вместе с] попои». Как уже говорилось, попои — национальное блюдо маркизцев.

Чем дальше я углублялся в исследование, тем больше совпадений находил; их количество наглядно свидетельствует о старых связях между Хива-Оа, с одной стороны, Рароиа и Такуме — с другой.

Несколько дней спустя в одном из исторических мест острова, где несомненно жили предки раройцев, бурно отметили четырнадцатое июля. Островитяне готовились к празднику основательно, нанесли горы бананов, таро, плодов хлебного дерева, сахарного тростника, бобов, свинины и говядины. Как всегда, обязанности были распределены заранее. Одному поручили месить плоды хлебного дерева, другой приготавливал таро, третий носил дрова, чет-

---

* В советских атласах принято название «Атуана»; во французских встречается и то и другое.— *Прим. ред.*

вертый колос свиней... И каждый ревниво ограничивал круг своих обязанностей. Специалисту по таро не пришлось бы в голову помочь тому, кто нарезал сахарный тростник, хотя бы он полчаса сидел без дела в ожидании дров. (Принести их самому? Что вы!) Такой порядок несколько тормозил работу, но никто и не спешил. Если угощение не будет готово четырнадцатого июля, можно устроить пир и пятнадцатого и шестнадцатого!

И только атуанские французы считали, что праздник надо отмечать вовремя и непременно на французский лад. Кроме жандарма, епископа и шести монахинь в долине еще жили бывший жандарм и два плантатора. Если добавить художника и меня, получалась изрядная компания, так что на плечи жандарма ложилась тяжелая ответственность. Он метался, как угорелый, следил за сооружением почетной трибуны, определял порядок торжественного шествия, разучивал соло на трубе, заставлял художника и меня прилежно репетировать. Зато когда настал великий день, все шло, как по маслу.

Под звуки военного марша (в исполнении синлого граммофона) мы во главе с епископом вступили на главную площадь и выстроились лицом к флашптку. Впереди стоял епископ, за ним монахини, дальше вождь, маркизцы и все мы. Солнце жгло нещадно, и большинство местных жителей не меньше меня томилось в праздничных нарядах: тщательно отутюженных брюках, длинных белых платьях... Но вот под звуки фанфары взвился флаг, и мы затагнули «Марсельезу». Как ни странно, все знали слова, но в маркизском произношении получалось примерно вот что:

Арò, арò, афà те ра патí,
Те хор те ра коар етаривè...
...Отàме титоаèне
Фоме во натахòн...*

Однако никто не улыбался. Кончив петь, прокричали «ура», потом опять зазвучал марш. Дальше выступил с

---

* Это искаженные в полинезийском произношении слова национального французского гимна:

Allons, allons, enfants de la patrie!
Le jour de gloire est arrivé...
Aux armes, citoyens!
Formez vos bataillons!..

Прим. ред.

речью епископ. Как и подобает, он углубился в дебри истории. Чтобы основательно анализировать события, которые привели к Французской революции, оратор начал с древних галлов. Когда он дошел до Людовика XIV, у меня закружилась голова и зарябило в глазах; я вынужден был укрыться под деревом, стоящим на краю площади. Придя в себя, я вернулся в строй. В это время уже говорил жандарм, который не менее добросовестно излагал историю своего сословия. Пришлось еще раз отлеживаться под деревом. За жандармом настала очередь вождя, он повторил на маркизском диалекте все сказанное до него и от себя добавил кое-что о второй мировой войне и атомной бомбе. После него выступали вожди долин; последним взял слово художник. Он посвятил свою речь современному положению, даже крикнул «ура» де Голлю, но, кажется, некстати, потому что его быстро остановили. Мне казалось, что мой мозг кипит, бурлит, расплавленный солнечными лучами... Когда церемония кончилась, я облегченно вздохнул: наконец-то можно будет уйти.

Но не тут-то было. Предстояло концертное отделение, и меня в числе прочих почетных гостей пригласили на трибуну. Повеселел я только, когда вождь объявил маркизский танец рари: теперь редко увидишь старинные пляски.

Перед трибуной в три колонны выстроились исполнители. Среднюю колонну составляли женщины. Одетые в белое танцоры больше всего напоминали конфирмантов. Платья и брюки они не снимали, видимо, не хотели огорчать епископа. Не пцая оборочек и складок, все сели на землю, скрестив ноги. По знаку вождя женщины завели грустную мелодичную песню. Мужчины, сидя вполоборота к женщинам, не пели, только аккомпанировали ритмичным сопением. Вот женщины начали покачиваться из стороны в сторону, их руки плавно извивались в воздухе; мужчины вращали торсом. Вождь бегал между рядами и, помогая себе жестами, кричал: «Мы едем, едем!» Я догадался, что артисты изображают отходящее от берега судно. Скупая мимика женщин передавала их горе. Мужчины подражали движениям штурвального.

— Они вспоминают последнюю инспекционную поездку епископа по островам,— шепнул мне на ухо жандарм.

Но почему такая печаль? Или это жители островов выражают горе и раскаяние по поводу своих грехов? Но-

вая пантомима... Ага, это епископ сходит на берег, встречаемый населением: женщины почтительно склонили головы, мужчины изображают рукопожатие. Грустное пение продолжалось. Представление было красивым и выразительным, но ему не хватало жизни, непринужденности.

Впрочем, скоро появилось и то и другое! Стоило удалиться епископу, монахиням и жандарму, как праздник принял совсем иной характер. Пошли по кругу бутылки с вином. Двое мужчин принесли жестяные банки и забарабанили по ним ладонями. И вот уже участники праздника разбились по парам в шылком танце, очень распространенном и популярном на островах Полинезии. Движения простые, но требуют гибкости и большой трепировки.

Женщина выбегает на площадку и ритмично вращает бедрами, руки ее делают призывные движения, ноги быстро-быстро переступают на месте. Иногда танцовщица делает несколько шагов в сторону, кружится. Главная роль в этом танце отведена бедрам и глазам. Чем энергичнее движутся бедра, тем быстрее вращаются и глаза исполнительницы. Время от времени она вызывающим взглядом обводит сидящих в кругу мужчин, которые аккомпанируют, хлопая в ладоши.

Но вот от толпы зрителей отделяется мужчина, становится лицом к лицу с женщиной и начинает повторять ее движения. За ним другой, третий, уже несколько человек кружатся около нее, поочередно выступая партнерами, но никто не касается танцовщицы. Идет своего рода состязание за ее благосклонность, и темп все нарастает. Кое-кому становится не под силу попевать, они отходят в сторону; оставшиеся танцуют все быстрее, быстрее. Жестами, мимикой женщина дает понять, кто достоин продолжать танец, и остается только один, самый искусный. Темп движения невероятный, танцоры точно бьются в экстазе. Внезапно музыка смолкает, и исполнители без сил падают на землю.

У этого танца есть варианты — в нем, например, могут участвовать сразу несколько женщин и около каждой группируются мужчины. Так было и теперь. Европейское платье давно измялось и загрязнилось, и танцоры сменили его на набедренные повязки и лубяные юбочки. Несколько человек принесли обтянутый акулей кожей де-

ревянный барабан; ритмичный стук сразу стал громче.

Вдруг среди танцующих появился вождь. Он проводил почетных гостей и по пути явно успел основательно подкрепиться, так что только бодрящая музыка помогала ему с трудом удерживаться на ногах. Кстати, я давно заметил: благодаря своей музыкальности полинезийцы могут танцевать, даже если выпито столько, что без музыки они и пяти шагов не сделают.

Вождь явно задумал что-то сказать, но язык не слушался его. Чтобы освежиться, он снял свою огромную шляпу, зачерпнул ею воду в ручье и снова напил на голову. Струи потекли вниз по лицу, плечам, испортили элегантный костюм. Но душ помог: вождь издал дикий вопль, который заставил всех танцующих остановиться.

Он говорил очень невнятно, и я с трудом разобрал, что он предлагает перенести пляски на другую площадку, подальше от посторонних глаз. На меня никто не обращал внимания, и я вместе со всеми перешел на красную поляну в глубине долины. Здесь вождь увел мужчин в заросли, а женщины сели в ожидании по краям площадки.

Внезапно из кустов послышался страшный рев. «Но иначе, вождь опять принял душ», — подумал я. Но на этот раз рев входил в спектакль. За ним последовали еще более громкие грозные крики, и на прогалину вырвались мужчины, раскрашенные голубой краской и прикрытые лишь листьями. Начался варварский танец, подобного которому я в жизни не видел. Двое несли на палке какой-то длинный предмет, обернутый банановыми листьями, остальные прыгали вокруг, кричали и размахивали руками, точно их преследовал рой ос. Женщины запели ликующую песню, каждый куплет которой кончался словами «пуака роа». Всякий раз, как звучали эти слова, вождь показывал рукой на предмет, подвешенный к палке, громко повторяя: «Пуака роа, пуака роа».

Меня осенило: танцоры изображали маркизских капиталов, возвращающихся домой после победоносного сражения. И несли они «пленного», которого предстояло испечь и съесть. В старину убитого пленника называли «пуака роа» — «длинная свинья», и маркизцы приравнивали человека по его вкусовым качествам к свинье. Но что все-таки завернуто в листьях? Мое неведение длилось недолго: внезапно носильщики бросили свою ношу на землю, и из листьев выскочил ухмыляющийся танцор, ко-

торый принялся извиваться, жалобно завывая. Ликование «победителей», разумеется, стало еще более бурным, они «кололи» и «били» пленного, пока он не упал «замертво». Пантомиму завершил вопль, который, наверно, был слышен в соседних долинах. Снова по кругу пошли бутылки и бутылки; большинство пили настолько усердно, что я уже усомнился, смогут ли они еще танцевать. Немного погодя новый танец все-таки начался; он оказался заключительным. Вождь очень метко назвал его «танцем влюбленных свиней».

Исполнители снова образовали три колонны, но теперь они стояли на четвереньках; музыки не было. Мужчины, хрюкая, ритмично кружили около женщин. Скоро строй смешался, участники принялись тереться друг о друга плечами, подражая движениям «влюбленных» свиней. Потом все скрылось в зарослях, и наступила тишина. Со мной остался только вождь — он то ли перепил, то ли оказался «третьим лишним».

— Н-да, как бы это сказать... — начал я. — Не совсем обычный способ отмечать четырнадцатое июля. И всегда так бывает?

Вождь буркнул что-то себе под нос, точно не расслышал или не понял мой вопрос. Впрочем, слова «четырнадцатое июля» дошли до его сознания и затронули какую-то струну — он вдруг вытянулся во фронт и заорал:

— Да здравствует отечество!

До сих пор не знаю, что он подразумевал: Францию или же дикую, каннибальскую отчизну своих предков...

6

БЕСНОВАТЫЙ ХУДОЖНИК

Рано утром — это было через несколько дней после праздника — меня разбудил художник. Я сел на кровати, а он все продолжал трясти меня, крича:

— Она здесь, она здесь!

— Кто? Хакапау, твоя любовь?

Он помрачнел.

— Не будь таким злым, знаешь ведь, что она, слава богу, осталась на Фату-Хиве.

— Значит, какая-нибудь новая любовь? Ты такой приткий, за тобой не поспеть.

— Бессовестный. Я говорю про мадам Гоген!

— Мадам Гоген?

— Ну да! Точнее, дочь Поля Гогена. Она замужем за маркизцем и у нее, конечно, местное имя. Но она все равно дочь Великого Мастера.

(Честное слово, мне послышались в последних словах заглавные буквы!)

Я принял душ, оделся и стал прибираться в комнате. Художник был возмущен моей медлительностью и все время торопил меня. Наконец не выдержал и чуть не силой потащил во двор.

На крыльце, нанизывая на нитку цветы тиаре, сидела женщина лет пятидесяти с длинными черными волосами. Очень полная, неуклюжая, пораженная тяжелой формой элифантиаза... Ее ноги были вдвое толще нормального. Руки тоже опухли. Женщина улыбалась.

— Здравствуй,— сказал я,— меня зовут Пенетито. А тебя?

— Тауа Тикаомата. Мою мать звали Ваеохо, отца Кокé.

Кокé — так маркизцы выговаривают «Гоген». Видимо, Тауа уже привыкла к тому, что ее происхождение ценный козырь. Она продолжала:

— Кокé был Эната-папаи-хохоа — «человек, который рисует картины». У тебя есть закурить?

Мой друг поспешил дать ей сигарету. Она жадно затянулась и снова принялась нанизывать цветы.

— Где ты живешь? — спросил я.

— В Хекеани, это на побережье, недалеко отсюда.

— А почему не пришла сюда раньше? Праздник уже кончился.

— Я не знала, какой день. Нас в Хекеани только две семьи. Церкви нет, и никому следить за числами.

— Ты мало что потеряла. Еще праздники будут.

— Конечно. У тебя есть что-нибудь выпить?

Видно, любовь к вину — единственное, что она унаследовала от своего знаменитого отца... Мы вручили ей бутылку вина и поблагодарили за интервью. Ничего интересного Тауа не могла сообщить. Все подтверждали, что она дочь Гогена, но ей был всего один год, когда он умер.

Может быть, в Атуане есть другие, знавшие Гогена? Он скончался пятьдесят лет назад, следовательно, местные старики в молодости встречались с ним. Атуана была тогда маленькой деревушкой, все знали друг друга. И мы решили пройтись по «столице», поискать человека, который мог бы нам что-нибудь рассказать.

Но средняя продолжительность жизни на Маркизских островах не велика, мы в этом наглядно убедились: на триста с лишним жителей Атуаны было всего около десяти старше шестидесяти пяти лет (то есть таких, которым было больше пятнадцати, когда Гоген прибыл на остров). К тому же большинство стариков и старух то ли совершенно одряхлели, то ли просто не желали иметь с нами дела — они только тупо таращили на нас глаза и бормотали что-то бессвязное. Лишь худая женщина по имени Апоро Кехи оказалась несколько приветливее и заявила, что хорошо помнит «мсье Кокé». Она ходила к нему на «праздники» и, судя по ее громкому смеху, отменно повеселилась в ту пору. Поразмыслив, она вспомнила, что у «мсье Кокé» висело на стенах много «неприличных картинок», а в комнате стояло пианино (у него действительно был орган), на котором он играл.

И-да, не густо... Мы уже готовы были сдатьсь, но когда прощались с Апоро Кехи, она вдруг посоветовала:

— Если хотите узнать что-нибудь про мсье Кокé, пойдите к епископу. Он его знал.

А что в самом деле! Епископ, который принимал Гогена в Атуане, умер несколькими годами позже художника, но возможно, что нынешний владыка тогда уже был на острове в качестве молодого миссионера. И мы тотчас отправились в миссию.

Его преосвященство монсеньер Ле Кадр принял нас в большом зале епископского дома, сидя подле стены, на которой висели карты Маркизского архипелага. Румяный гном очень любезно расспросил о наших впечатлениях и планах, затем поднялся и из красивого резного шкафа достал бутылку и три огромных бокала.

— Разрешите предложить вам старое церковное вино. Химически чистое, вам, наверно, понравится.

Он налил полные бокалы, мы торжественно пригубили. Не знаю, что монсеньер понимал под выражением «химически чистое», но я тотчас ощутил тепло во всем теле. Мы продолжали беседовать о том, о сем; наконец, когда

все хорошенько согрелись, я решил, что настало время задать свой вопрос.

— Простите, монсеньер, вы сами встречали когда-нибудь Поля Гогена?

Епископ поглядел длинную седую бороду и иронически взглянул на меня.

— Поля Гогена? Вы подразумеваете бесноватого художника? Да уж, я его знал. В первый раз, когда мы познакомились, он сидел на том самом стуле, на котором сейчас сидите вы. Здешние миссионеры отличаются долголетием. За сто лет я — четвертый епископ. Гоген только что прибыл в Атуану и пришел в миссию спросить, нельзя ли купить участок. Епископ, мой предшественник, был в отъезде, и посетителем принимал я. Я объяснил мсье Гогену, что только епископ может решить такой вопрос, придется ждать его возвращения. Мы разговаривали долго, но у нас были различные взгляды и беседа получилась довольно сдержанная.

Епископ снова наполнил бокалы (мы с художником успели выпить только половину) и продолжал:

— Откровенно говоря, мсье Гоген был довольно бесхарактерный тип, и его образ жизни не назывешь... э-э-э... безупречным. В такой маленькой деревне, как Атуана, все белые на виду, и поведение одного человека способно нанести большой вред деятельности миссии. Поэтому мы не рады чужакам, которых нельзя назвать во всех отношениях безупречными. (Мне показалось, что он пристально смотрит на моего друга.)

— Епископ пошел ему навстречу, продал участок земли, принадлежавший миссии. Но дело кончилось плохо. В доме Гогена собиралась молодежь, шли бесконечные оргии.

— А после вы с ним больше не встречались? — спросил я.

— Нет, не приходилось. И другие члены миссии тоже не соприкасались с ним. Наши идеалы были несовместимы. Он умер, не испросив отпущения грехов. Его кончина была такой же удручающей, как вся его жизнь. Многие говорят за то, что он покончил самоубийством.

— Самоубийством? — удивился я. — Вы первый человек, от кого я слышу такое предположение!

— Возможно. Во всяком случае, рядом с его телом нашли пузырек из-под яда. Правда, он часто делал себе

вливания, чтобы смягчить боль — у него была повреждена нога. Быть может, нечаянно принял слишком большую дозу яда. Кто знает? Пусть покоится в мире. Лучше, чтобы он оставался в забвении.

— В забвении? — не удержался я. — Вот уж чего о нем не скажешь!

— Конечно, я знаю, что он прославился после смерти, что его картины очень высоко ценятся кое-кем, за них дают большие деньги. Откровенно говоря, не понимаю почему. Я видел много его картин здесь, в Атуане, они мне никогда не нравились. Возможно, он был неплохой рисовальщик — но какие ужасные, варварские краски!

И епископ быстро перевел разговор на другие темы, в частности на приближающийся праздник Святой Девы. Сказать по совести, мне было нелегко поддерживать беседу — а все из-за церковного вина! Едва я, собравшись с духом, одолел свой бокал, как епископ тотчас извлек откуда-то новую бутылку. Я всячески старался не ударить лицом в грязь перед его преосвященством, который прилежно пил за наше здоровье. Меня не покидала надежда что-нибудь еще выведать о Гогене. Но в конце концов пришлось сдаться. Голова кружилась, внутри все горело. Я вежливо попрощался с епископом и тотчас удалился, сопровождаемый недоумевающим художником.

Наверно, наши изыскания так ничего бы и не дали, не выручи нас один из старейших французских жителей Атуаны, бывший учитель Ле Броншек. Он прибыл на остров в 1910 году, семь лет спустя после смерти Гогена, но память о «бесноватом художнике» еще была жива, и Ле Броншек предусмотрительно записал все, что ему рассказали. Мы познакомились с его записками. Кроме того, он прошел с нами по деревне — и при его посредничестве вдруг заговорили некоторые старики. Драгоценные записки Ле Броншека, устные свидетельства островитян, а также письма и книги самого Гогена позволяют довольно ясно представить себе, как художник жил в Атуане, и лучше разобраться в трагических событиях, которые привели его к смерти.

* * *

Впервые восхищение Гогена «примитивной экзотикой» отчетливо проявилось в 1886 году, три года спустя после того, как он оставил службу на парижской бирже и

всерьез занялся живописью. «Я все еще не достиг задуманного,— писал он жене Метте.— Но можешь не сомневаться, я это сделаю, и тогда меня поймут. Христианство и цивилизация постарались лишить человека веры в себя и в красоту примитивных инстинктов; в итоге она стала мифом, но мифом, который каждый человек все еще носит в себе. Я хочу его вновь оживить».

Программа довольно неопределенная, и Гоген хорошо понимал это сам. Он еще ищет, но уже твердо знает, что ему *не* нравится и *не* подходит. Он презирает нарочитость, искусственность парижской жизни, мечтает обрести вдохновение среди простых, естественных, примитивных людей. Отправляется в Бретань и поселяется в деревушке Пон-Авен. Художник много и плодотворно трудится. Его живопись становится проще и содержательнее, но Бретань, разумеется, не может вполне отвечать его мечте о примитивности, и Гоген начинает подумывать о путешествии в тропические страны. К этому его побуждают и чисто практические соображения. Он надеется, что сможет жить там с минимальными расходами, наконец-то отделаться от надоевших материальных затруднений. Вот его собственные слова: «С каждым днем мое имя становится все более известным, но пока я жду окончательного признания, бывает, что я по нескольку дней не ем».

Возможно, воспоминания молодости, когда Гоген побывал в Бразилии, питают его оптимистическую мечту о райской жизни на лоне природы. Так или иначе, он ищет край с теплым климатом и примитивными условиями, где можно дешево прожить. Ему удается собрать денег на поездку в Панаму. Почему именно в Панаму? Один из родичей занимается там коммерцией, и Гоген надеется на его помощь. Однако родич сразу же дает понять художнику, что не желает с ним звать, да и Панама не оправдала его ожиданий. Спелые плоды не падают Гогену прямо в рот, и в конце концов он поступает на строительство канала. За шестьсот франков он по двенадцати часов в день орудует киркой под лучами палящего солнца, окруженный роем комаров. Через две недели его увольняют; наверно, только это и спасло Гогена: больше половины его товарищей по строительству погибли от тропических болезней.

Заработанных денег едва хватает для переезда на Мартинику, где Гоген тотчас заболевает желтой лихорадкой.

кой и дизентерией. Несмотря на жалкое состояние и скверные условия жизни в грязной лачуге, ему за полгода удается создать двадцать картин! Губернатор отказывается отправить художника на родину за государствен-
ный счет; Гоген нанимается на судно матросом и таким образом возвращается во Францию в конце 1887 года, неполных девять месяцев спустя после того, как отправился искать тропический рай...

Но путешествие не во всем оказалось неудачным. Гоген стал более зрелым художником, он начинает понимать, что сюжеты действительно нужно искать в тропиках, что жизнь среди примитивных людей может стать решающим толчком для его вдохновения. «Будущее принадлежит живописцам экзотики и тропиков, которые до сих пор не показаны ни одним художником», — заявляет он по прибытии на родину. Но он еще не достиг творческого расцвета, а публика далеко не созрела для восприятия его революционизирующих идей. Он участвует в двух выставках, но пожинает только насмешки. Однако Гоген непоколебим. Он уверен в своем даровании, сомнения его не гложут. «Настанет день, когда наши дети смогут представиться где угодно и кому угодно и само имя отца обеспечит им уважение», — пишет он в Данию жене, которая корит его за отсутствие заботы о детях.

Для развития и совершенствования ему необходимо обрести нужную среду, другими словами, снова отправиться на юг. После бурного лета и осени в обществе Ван-Гюга (который «одобряет мои готовые произведения, хотя вечно не согласен с тем, как я их пишу») и исполненной трудов зимы в Париже Гогену удается с помощью друзей собрать достаточно денег для нового путешествия. Он долго колеблется в выборе, куда ехать. Пытается получить место в Тоннвиле, некоторое время мечтает о Мадагаскаре. И останавливает свой выбор на Таити, вероятно, прежде всего потому, что более удаленный уголок трудно себе представить, следовательно, там должны быть наиболее примитивные условия.

Несмотря на панамскую неудачу, Гоген весь в плену романтики Южных морей, он надеется теперь обрести долгожданный рай, «где достаточно протянуть руку, чтобы найти себе питание». Столица Папеэте с ее барамп, грязными лачугами из жести, женщинами в уродливых европейских платьях, суетливыми торгашами и надутыми

чиновниками выводит его из себя. И Гоген бежит в сельскую местность на юге острова. Но и здесь таитяне на очень-то «дикие». Они пьют, курят, едят консервы, разъезжают в конных экипажах, по воскресеньям наряжаются и ходят в церковь. Правда, несмотря на внешнюю цивилизацию, в душе они сохранили пленительную первозданность. Это простые, цельные, спокойные люди. К тому же им присуща благословенная беспечность, природное дружелюбие и радушное гостеприимство. Гоген, душу которого раздирают противоречия, по-настоящему отдыхает в их обществе и легко забывает менее приятные черты островитян: грубость, корыстолюбие, эгоизм, суеверность.

Последующие два года — самые счастливые и гармоничные в жизни Гогена. Он живет в обществе молодой таитянки, вместе с островитянами ловит рыбу и собирает плоды в горах. Чистые краски здешней природы поражают его, и Гоген неутомимо ищет наиболее действенные средства для их передачи. Художник испытывает творческое удовлетворение. Цель достигнута: он обрел свой стиль, нашел свежие сюжеты. Но он всего-навсего человек и мечтает о признании. Гоген сам не сомневается в том, что стал большим художником, однако хочет, чтобы и другие это поняли и оценили его по заслугам. Ему сорок пять лет, он много трудился и перестрадал. Когда же придет слава? Уверенный в близкой победе, художник возвращается в Париж с шестьюдесятью шестью картинами и множеством скульптур.

Отобрав сорок четыре картины и три скульптуры и снабдив их таитянскими названиями (заметим, что они все искажены или неправильно истолкованы), Гоген выставляет их у одного из самых знаменитых в Париже торговцев предметами искусства. Но обстановка для выставки была совсем неподходящая. Как раз в середине девяностых годов художники и любители искусства разбились на два лагеря — традиционную академическую школу и новую, импрессионистскую. Произведения Гогена нельзя отнести ни к одному из этих двух направлений. Он оказывается в стороне от главных течений. Критики не приемлют тех, кто опережает время, широкая публика просто не понимает его картин. К тому же назначенные самоуверенным Гогеном высокие цены отпугивают покупателей. Выставка терпит провал.

Остается лишь одно: возвращаться на Таити и продолжать работу в ожидании, пока переменятся взгляды критиков и публики. Очень кстати Гоген получает наследство, позволяющее покрыть расходы на дорогу. Огорчения, вызванные провалом, усугубляются венерической болезнью, переломом ноги и экземой, которые всегда будут напоминать ему об этой поездке во Францию...

На Таити Гоген покупает участок в западной части острова и строит себе мастерскую, но, не успев еще приступить к работе над картинами, заболевает так сильно, что вынужден заняться лечением. Его дела запутываются. На радостях он неосмотрительно израсходовался на пирушки и праздники; теперь снова приходится познать лишения и нужду. Но для художника хуже всего то, что он не может работать.

Постепенно Гоген стал поправляться; чтобы выйти из материальных затруднений, он вынужден поступить на работу чертежником в управление дорожного строительства. Вряд ли пыльные комнаты управления видели более квалифицированного чертежника...

Но долго так продолжаться не может. На живопись не остается времени. Жизнь на Таити чересчур дорога. И он снова начинает мечтать о райском уголке, где не ведают денежных затруднений. Теперь Гоген выбирает Маркизы.

В августе 1901 года после пяти трудных лет на Таити Гоген прибыл на Хива-Оа. Мне кажется, он выбрал этот остров потому, что здесь находится самая большая плодородная долина. Возможно, известную роль сыграл вид острова, его природа. Мне пришлось побывать на всех любимых островах Гогена — Мартинике, Таити и Хива-Оа, — и я заметил, что они очень сходны между собой. Та же коническая форма, тот же гористый рельеф, густые папоротники, глубоко врезанные узкие долины. Из островов Маркизского архипелага ни один так не похож на Таити и Мартинику, как Хива-Оа.

Хотя Гоген перед отъездом с Таити продал свой участок и немало картин, на новом месте его ожидают непредвиденные трудности. Он сам писал: «По прибытии я первым делом узнал, что арендовать или купить участок можно только у миссионеров, да и то это не просто. Епископ находился в отъезде, и мне пришлось ждать месяц; мой багаж и строительные материалы лежали на берегу. Весь этот месяц я, разумеется, по воскресеньям ходил в

церковь, вынужденный играть роль ревностного католика и врага протестантов. Это создало мне добрую славу, и епископ, ничего не подозревая, пошел мне навстречу — продал за шестьсот пятьдесят франков каменистый, заросший кустарником участок земли. С новыми силами я приступил к работе, и с помощью нескольких человек, которых нанял по рекомендации епископа, мне скоро удалось вселиться в дом».

Дом Гогена был построен из местного материала, но, вероятно, по его собственным чертежам — ничего подобного до тех пор не видели на Маркизских островах. По свидетельству современников, дом был двухэтажный. На верхнем этаже — спальня и большая мастерская с шестью окнами. Внизу — кухня, столовая, кладовки. Над входом Гоген повесил доску с надписью «Maison de jouir» *. Подле крыльца стояли полуметровой высоты скульптуры мужчины и женщины. На стенах спальни и мастерской висели картины и рисунки обнаженных фигур.

Довольный новым домом и своей независимостью, он начал писать. Местные люди, как он и надеялся, проще и непринужденнее, чем тайтаны. И природа более суровая, дикая. «Я все больше радуюсь своему решению, — писал он другу. — Уверю тебя, с точки зрения художника здесь все великолепно. Какие сюжеты! Чудо!.. Никто не может представить себе, сколь спокойно я живу тут в полном одиночестве, среди деревьев... Мне бы только два года здоровья да не слишком много денежных забот, которые меня всегда изводят...»

Увы, судьба не пожелала исполнить эту скромную мечту. В тот миг, когда Гоген нашел подходящую для себя обстановку и был в расцвете творческих сил, ему изменило здоровье. К недомоганию, связанному с ногой, и экземе прибавилось внезапное ухудшение общего состояния. Многолетние лишения и беспорядочный образ жизни, а также болезнь подорвали организм. Он страдает от сердечных приступов, портится зрение. Нога все время болит, не давая спать. Чтобы заглушить боль и забыться, Гоген прибегает к морфию и алкоголю. Недавно нашли его книги расходов; из них видно, что в одном лишь 1902 году он выпил 224 литра красного вина, 32 литра абсента, 55 литров рома, 3 бутылки виски и 96 бутылок пива. Пусть ему

* «Обитель веселья» (фр.).

помогали в этом маркизские друзья, все равно цифры жарядные.

Взаимоотношения Гогена с епископом и миссионерами быстро портятся. Хотя по происхождению он католик, он никогда не был настоящим верующим, и ему наплевать на мнение святых отцов о его поведении. Кстати, у них есть основания прийти в ужас, так как Гоген ведет себя, мягко выражаясь, экстравагантно. Чаще всего он появляется в синей набедренной повязке, зеленой рубашке и зеленом берете. По деревне разъезжает только в коляске, с островитянами вежливо здоровается, а миссионеров, врача и жандарма точно не замечает. Особенно возмущает епископа вольное обращение Гогена с женщинами. «Здесь женщины легко доступны... достаточно одного взгляда и апельсина. Цена апельсинов один-два франка штука, можно не скупиться», — цинично замечает Гоген. И берет себе в подруги четырнадцатилетнюю Марию Розу Ваехо, уговорив родителей забрать ее из миссионерской школы. Не только любовь побудила Ваехо прийти к пятидесяти-трехлетнему художнику; это видно хотя бы из того, что в качестве «свадебного подарка» она получила тридцать один метр ткани и швейную машину... (Вероятно, большая часть подарка досталась родителям.) Епископ разгневан, но художник глух ко всем увещаниям. Он вырезает из дерева дьявола с лицом епископа и ставит на столб у своей жалитки. Второй столб украшает скульптурным изображением юной миловидной островитянки, которая служит в доме епископа. Все многозначительно посмеиваются, глядя за эти фигуры.

Гоген быстро становится героем в глазах полинезийцев. Он не боится жандарма, отзывается о нем очень непочтительно. Островитяне не решились бы на такое... А в остальном он словно один из них. Покуда чувствует себя сносно, охотно пьет и ширует с ними. Никогда не читает им мораль и не сует нос в их дела. Ему обесценена популярность, впрочем, дешевая, легко обретаемая, ее цельзя смешивать с подлинной дружбой и уважением.

Гоген не так одинок, как можно заключить из его писем. Кроме миссионеров, врача и жандарма в Атуале есть еще несколько белых, с которыми он общается. Большинство — офицеры в отставке, сменившие военную карьеру на коммерческую. У них тоже не раз были нелады с жандармом, так как они любят выпить и незаконно продают

спиртное местным жителям. Конечно, это они подбивают Гогена изводить жандарма.

Итак, Гоген быстро становится недругом местных властей. А здоровье его продолжает ухудшаться. Боли, сердечные приступы, слабость... Он подолгу не может работать. «Вот уже два месяца меня одолевает смертельный страх, что я не прежний Гоген, — пишет он в мае 1902 года, всего через полгода после приезда в Атуану. — Последние ужасные годы и недомогание сделали меня чрезвычайно уязвимым, а в таком состоянии я не пахожу в себе энергии (и рядом нет никого, кто мог бы поддержать меня и утешить) и чувствую себя совсем одиноким».

Вернуться для лечения во Францию? Но скоро он понимает, что дело не только в болезни: истощаются жизненные силы. Может быть, все-таки поехать, чтобы добиться признания? Он более чем когда-либо уверен в себе и в своем даровании. Художник нашел свой путь и знает, что создал настоящие произведения искусства. Но он догадывается, что опередил свой век, что критики и публика еще не могут его оценить.

Лучший друг Гогена, художник Даниель де Монффрид, ясно говорит об этом в своем письме, содержащем пророческие слова: «Вы легендарный художник, там вдали, в Южных морях, вы создали поразительные, неповторимые произведения, совершенные творения большого человека, уединившегося от мира. Ваши враги (а их у вас, как и у всех, кто бросает вызов посредственности, много) молчат, не смеют с вами бороться, даже не помышляют об этом. Вы так далеко! Вам не следует возвращаться! Вы так же неприкосновенны, как умершие великие люди. Вы уже принадлежите истории искусства!»

Гоген и сам чувствует себя живым трупом. Чтобы отдохнуть от болей и страданий, все чаще делает себе уколы морфия. Ваеохо рождает ему дочь, но он остается равнодушным. Когда Теура на Таити десятью годами раньше родила мальчика, Гоген был горд и счастлив, назвал сына Эмилем — как и своего первенца. Теперь он даже Метте вспоминает лишь иногда, да и то с горечью. Гоген любил ее, любил семью и всегда надеялся, что вынужденной разлуке придет конец, они снова соединятся. Но Метте, оставшаяся в Европе, относится к нему все более отчужденно, и он понимает, что ему уже не увидеть ни ее, ни детей. Его жизнь подходит к концу.

Гоген стойчески — но не пассивно, не бездеятельно! — ждет смерти. Он хочет закончить еще две картины. Одна из них изображает распятие на кресте — необычная тема для старого безбожника. Среди распятых фигур — сам Гоген. Название картины короткое и красноречивое: «У Голгофы». По ночам, когда невозможно уснуть, он садится за письменный стол, делится с бумагой мыслями, воспоминаниями. Постепенно получается книга.

«Передо мной кокосовые пальмы и бананы, всюду зелень. Что можно сказать всем этим пальмам? Но все-таки хочется говорить. И я сажусь писать», — извиняется он перед читателем.

Конец все ближе. Но и в последние месяцы жизни старый враг — жандарм — не дает ему покоя. Причина новых неладов — запутанное преступление на острове. Гоген обвинил жандарма в злоупотреблении властью. Присланный с Таити судья приговорил Гогена за оскорбление жандарма к тысяче франков штрафа и трем месяцам тюремного заключения. Чтобы обжаловать приговор, Гоген должен ехать в Папеэте, но у него нет денег на дорогу.

Разъяренный собственным бессилием, доведенный до отчаяния безденежьем, измученный физическими страданиями, Гоген, естественно, не может сосредоточиться, чтобы работать. И это, разумеется, ему тяжелее всего. «Все эти заботы убивают меня», — записывает он в феврале 1903 года. Лишь два человека ему верны: сосед Тиока и протестантский священник Вернье. Но он отвергает все их предложения лечиться, понимая, что это бесполезно. С Вернье говорит только об искусстве.

Проходит еще два месяца; Гоген все чаще теряет сознание. Восьмого мая он рано утром приглашает Вернье. Тот застает художника в тяжелом состоянии, Гоген уже не может отличить дня от ночи. Однако он вскоре приходит в себя и, как обычно, начинает говорить об искусстве и литературе. Затем Вернье уходит, а в одиннадцать часов к нему прибегает островитянин, крича: «Скорей, европеец умер!» Вернье застает Гогена лежащим на кровати. Одна нога свесилась на пол, сердце не бьется. Тиока бросается к другу и кусает его за голову — так маркизцы проверяют, действительно ли человек мертв. Никакого сомнения... С криком «*Уа мате Кокд!*» Тиока выбегает из дома. Вернье тоже выходит. На мольберте он видит незаконченную картину — заснеженная деревня в Бретани...

Война продолжалась. Когда Вернье возвратился, тело Гогена исчезло. Им завладели католические миссионеры, которые при жизни не могли сломить художника. Формально Гоген был католиком и епископ не мог допустить, чтобы его похоронили на ином кладбище. Рано утром следующего дня прах Гогена потихоньку предали земле.

Жандарм тоже восторжествовал напоследок. Так как Гоген не уплатил штрафа и долгов, он назначил все его имущество к продаже с молотка. Картины и еще кое-какие предметы было невозможно сбыть в Атуане, их отправили на аукцион в Папезте, где продали по несколько франков за штуку. Хохот наградил остроумие аукционера, когда он повернул последнюю картину Гогена («Бретань») вверх ногами и назвал ее «Ниагарский водопад». Семь франков — цена, на которой кончились торги.

Через несколько лет эта картина стояла огромных денег. В наши дни музеи прямо-таки дерутся за произведения Гогена. По случаю столетия со дня его рождения в Париже состоялась юбилейная выставка; на ее открытии присутствовали президент и все правительство. Ученые профессора делят историю искусства на периоды догогеновский и послегогеновский. Критики наперебой превозносят его гений. Даже самые неискушенные люди с благодарностью смотрят на его произведения. Нет, не напрасно жил Гоген! В конечном счете он победил.

Так думали мы с моим другом художником, размышляя о жизни Гогена. С грустным чувством прошли мы мимо участка, где некогда стоял его дом. Как и все прочее, участок был продан и впоследствии не раз менял владельца. Теперь от дома ничего не осталось, мы увидели на его месте большое здание китайской пекарни. Не слишком онятные пекари месят тесто, и жандарм с епископом, в отличие от своих предшественников, не избегают этих мест, напротив, они то и дело заходят купить французские булочки китайской выпечки.

Мы долго не могли решиться пойти на кладбище, где погребен Поль Гоген. Строили иллюзии, внушали себе, что место его последнего упокоения должно быть необычайно прекрасным, что там мы испытаем особое чувство.

И вот мы наконец собрались. Покинув деревню, пошли по крутой тропе на восток, на пригорок, где расположено католическое кладбище Атуаны. Расстояние невелико, около километра. Выйдя из густого сумеречного леса, мы

вдруг очутились на вершине, с которой открывался вид на море. Внизу простерлась долина с извивающейся речушкой. Отвесные склоны горы Хеани терялись вверх в облаках. Над морем величественно кружили огромные фрегаты. Волны поблескивали на солнце...

Мы повернулись. Вот кладбище, обнесенное проволочной изгородью. Двести метров в ширину, несколько больше в длину. Ворота из некрашеного цемента. Прогнившая деревянная створка валялась на траве. Мы вошли. Прямо перед нами высилось трехметровое распятие; рядом с ним покоились в цементных склепах два епископа. Дальше строгими рядами протянулись сотни могил. На большинстве — подгнившие деревянные кресты, но попадались и каменные плиты, ржавые ограды.

В первом ряду крайняя справа — могила Гогена. Наши иллюзии развеялись быстро: она выглядела совсем заурядно. На гладком цементном надгробии простая плита белого мрамора, поставленная несколько десятилетий назад «Полинезийским обществом». И надпись:

Здесь покоится

ПОЛЬ ГОГЕН

французский художник

7 июня 1848 года

8 мая 1903 года

Цветов, разумеется, не было. Кто их принесет? Для благочестивых белых жителей долины Гоген остается «бесноватым художником». А островитяне так боятся тупау — привидений, что на кладбище появляются только после смерти...

— Бедняга Гоген, — вздохнул художник. — Даже в могиле ему нет покоя. Какой художник может покоиться в мире под таким уродливым сооружением...

— Зато отличный вид, — возразил я.

— Да-а, — протянул он и пошел к ограде, чтобы взглянуть на океан. Казалось, он весь ушел в свои мысли. Но вдруг повернулся ко мне:

— При первой возможности поеду домой, во Францию. Теперь я понимаю, что пытался стать всего-навсего эпигоном, подражателем. Гоген был настоящим гением. Он открыл Полинезию и новыми художественными средствами

рассказал о здешней природе и людях. Стыдно думать о том, чтобы пытаться подражать ему. Ведь как ни крути, кроме имитации ничего не получится. Не всем дано быть гениями. Мое место — в парижских кварталах художников. Пусть я не создам великих произведений — я могу хоть рассказать о них. О, до чего одиноким, заброшенным я себя чувствую здесь. Гоген выдержал, потому что перед ним стояла большая задача. А я...

Бросив последний взгляд на могилу, он пошел прочь. Я последовал за ним. Мы молча спустились в поселок.

7

ВЕСЕЛОЕ ПЛАВАНИЕ

Больше недели пришлось мне ждать врача. Наконец он прибыл. Анализ крови показал: слоновая болезнь. Врач сказал то, чего я опасался...

— Немедленно возвращайтесь в Европу, — посоветовал он. — Там вам не грозит опасность заразиться вторично. Личинки постепенно исчезнут, обойдется без осложнений. А останетесь, рискуете заболеть всерьез. Опухоли появляются обычно через год-два после первой инфекции. Но приступы лихорадки будут и раньше. Теоретически вы и здесь можете поправиться, если сумеете избежать укусов зараженных комаров. Но это вряд ли осуществимо. Самое верное — уехать.

Болезнь художника тоже оказалась не слишком серьезной, врач не сомневался, что в несколько дней вылечит его. Наш друг снова воспрянул духом, однако твердо стоял на своем решении вернуться в Париж.

Разумеется, Мария-Тереза не меньше меня будет огорчена. Жаль так скоро расставаться с нашей мирной долиной... Но выбора нет, ведь и она, наверно, больна. К тому же мы заранее условились: уедем даже в том случае, если заболит только один из нас. Теперь остается выяснить, когда появится шхуна, которая сможет доставить нас на Гаити.

От радиотелеграфиста я узнал, что две недели назад из Цанзете вышла «Теретан». На борту радио нет, и нельзя точно установить, где она сейчас. Где-то в Маркизском архипелаге... По словам радиста, «Теретан» возвратится в

Папаэте, как только наберет полный груз, на что обычно уходит от семи до десяти дней. Значит, скоро должна появиться... Но станет ли капитан заходить в такое глухое место, как Эиаоне? Я уже знал, что это возможно лишь в том случае, если он не набьет трюмы кофрой в других долинах. И если я поспешу вернуться через горы к Марии-Терезе, мы, чего доброго, еще застрянем там.

Нет, сколько ни ломай голову, выход один: оставаться в Атуаане и ждать. Когда мы плыли на Маркизские острова, капитан относился к нам очень хорошо; неужели же я не уговорю его зайти из Атуааны в Эиаоне за Марией-Терезой и нашим багажом?!

Я написал ей длинное письмо и вручил его островитянину, который возвращался в наши края, а, кроме того, на всякий случай роздал несколько копий жителям Пуамау, приехавшим на праздник в Атуаану. Мария-Тереза будет заблаговременно предупреждена и доставит вещи на берег; таким образом, капитан «Теретан» не потеряет ни одной драгоценной минуты.

Мне собраться несложно: две рубахи, шорты, пара обуви, записная книжка, фотоаппарат, сборник стихотворений Карин Бойе — вот и все, что я сунул в мешок, отправляясь в Атуаану. У художника немногим больше. Но именно потому, что мы не были заняты приготовлениями, бездельное ожидание скоро стало нас раздражать. Большую часть дня мы торчали на пригорке у так называемого маяка — будки с застекленными окнами, в которой вешали керосиновый фонарь, когда ожидался приход шхуны.

И вот поздно ночью нас разбудили радостной вестью: шхуна пришла! Мы бросились к «маяку»; разумеется, именно в эту ночь фонарь не горел, смотритель забыл его заправить. Все-таки капитан вошел в бухточку, по берегам которой выстроились складские сараи, и бросил якорь в ста метрах от пристани. Дул сильный ветер, сигнальные фонари шхуны качались и прыгали так, что я невольно спрашивал себя, как будут проводить погрузку-разгрузку? Берег крутой, скалистый. Стоя на верху утеса, я слышал, как бшует вшзу прибой.

Впрочем, к утру ветер стих, волнение умирилось. Переговоры увенчались успехом, капитан согласился зайти в Эиаоне, забрать Марию-Терезу и наш багаж. Но сперва ему нужно проведать два острова в северной части архипелага. Что ж, это только к лучшему: у Марии-Терезы

будет больше времени для сборов. Погрузка длилась два дня, стояла хорошая погода, и мы с художником предвкушали приятное плавание. Вдруг за несколько часов до отхода судна снова подул сильный ветер. А тут еще команда напоследок основательно кутнула. В итоге посадка оказалась бурной вдвойне.

Лодочная пристань всего на метр-два возвышалась над водой, да и то лишь в тихую погоду. В шторм пристань совершенно исчезала под волнами. Между валами — ложбины, и шлюпка «Теретаи» несколько раз пропадала из виду. С большим трудом матросам удалось причалить. Чтобы шлюпку не разбило, пока идет посадка, двое что было мочи гребли навстречу волне, а третий, стоя на скале, крепко держал брошенный с лодки конец.

Пассажиры, несколько местных жителей, видно, были люди ко всему привычные. Выждав на середине крутой цементной лестницы, которая спускалась с утеса на пристань, они в нужный миг опрометью кидались вниз и, когда волна поднимала шлюпку вровень с причалом, прыгали в нее. Тут требовался точный расчет, и, надо сказать, они с честью справились с задачей, если не считать одну тучную матрону, которая поскользнулась и плюхнулась прямо в воду. Расторопный матрос тотчас выловил ее багром. Забавный случай вызвал общий смех.

Ни капитан, ни остальные члены команды еще не пришли из деревни, и мы решили пропустить один рейс. Успеет в следующий раз! И как же мы потом жалели об этом решении... Но поди знай, что матросы так напьются и что их будет значительно больше, чем мест в шлюпке!

Услышав вопли и крики на дороге, соединяющей утес с деревней, мы заподозрили неладное. А затем увидели занятную картину: пять-шесть матросов брели к утесу, до предела нагружившись бутылками. Двое несли пятидесятилитровую бутылку, судя по всему, уже пустую. Все горланили песни, орали; если кто-нибудь падал, товарищи пускались в пляс, издавая дикие вопли. Следом семенили пять монахинь в белых облачениях, спешившие по своим делам. Они, конечно, предпочли бы обогнать захмелевших морячков, но никак не могли собраться с духом. За ними в отдалении шли капитан и местный вождь. Оба следили за тем, чтобы никто из гуляк не остался. Только кто-нибудь из матросов устраивался поудобнее на земле-матушке,

вождь и капитан тут как тут — поднимали его, встряхивали как следует и подталкивали вперед.

Наконец первые пьянчужки добрались до маяка. Да тут и полегли. Отставшие, подоспев, повалились на них. Монахины проشمыгнули мимо и свернули вдоль берега. Подошел сердитый, весь в поту капитан.

— Свиныи вы, настоящие свиньи! — закричал он. — Стоит на берег сойти — сразу напиваетесь! Да если бы я за вами не присматривал, валялись бы в канаве все, как один, и вас бы давно собаки съели!

Приметив художника и меня, он добавил:

— Полюбуйтесь, я уже за няньку стал. Сам и рюмки выпить не могу. Нарочно каждый раз оставляю несколько человек на борту, есть хоть кому шлюпку пригнать.

Он нагнулся и приподнял ближайшего матроса, но едва отпустил его, как тот опять повалился на бок. Как-то он доставит их на борт? Но капитану было не впервой. Вместе с вождем они взяли одного из пропойц за руки и за ноги, стащили его вниз по лестнице и швырнули в шлюпку, точно мешок с копррой. За первым последовал второй, третий, и все было бы хорошо, да волна обдала гуляк брызгами и привела в чувство. Ободренные соленым душем, они вскочили на ноги и принялись тузить трезвого товарища.

— Скорей, пока они не вылезли опять на берег! — крикнул капитан нам с художником, прыгая в шлюпку.

Мы не замедлили последовать его примеру и нырнули в мешанину трезвых, пьяных и полупьяных, которые с усоением дубасили друг друга. Как только нам не досталось в этой кутерьме! Гребцы то и дело бросали весла, чтобы защититься от кулаков. В конце концов мы все-таки добрались до шхуны. Кто мог, поднялся на борт, прочие остались лежать в шлюпке; капитан взял ее на буксир.

— Свежий ветерок да водичка им только на пользу, — сердито сказал он, пуская мотор.

Сам он стал за руль, кок занял место машиниста, художник превратился во впередсмотрящего, я раздавал аспирин. Спустилась ночь, и вскоре темнота поглотила Хива-Оа.

Двое матросов пролежали в лодке до утра. Проснувшись, они стали кричать, что заболели. К радости капитана, мы с художником вызвались врачевать их. У одного просто-напросто разболелся зуб. Он настойчиво требовал болеутоляющего, сиречь коньяку, но я решил, что он и так

уже достаточно «лечил зубы», и прописал ему морозки от головной боли. Второго беспокоила спина. То ли мышцу растянул, то ли ушибся во время потасовки в шлюпке. Мы предложили натереть его мазью, но об этом он и слышать не хотел. Ему нужен был только настой из трав, чудодейственное лекарство, которое готовят здешние жители. Превозмогая боль, он решил ждать следующей стоянки, чтобы собрать трав для этого снадобья.

Вскоре показался Уапу. Еще несколько часов, и шхуна бросила якорь у острова. Капитан — он тоже твердо верил в чудодейственные полинезийские травы — сразу отпустил на берег больного. Двое пошли на лодке с балапиром к маленькой излучине, а мы сели завтракать и обсуждать полинезийскую медицину.

Много писали и рассказывали об удивительных лекарствах островитян. Даже живущие во Французской Океании европейцы верят в их целительное действие (хотя сами, коли что серьезное, предпочитают лечиться в больнице Папесте). Конечно, некогда врачебное искусство было широко распространено во всей Полинезии, особенно же на больших, сравнительно богатых растительностью островах Маркизского архипелага. Здесь есть сотни растений, из которых готовили снадобья. Иные из них и впрямь целебны. Но в наши дни предпочитать их современным лекарствам — все равно что добывать огонь трением, когда есть спички. На каждое эффективное полинезийское средство можно найти десяток более действенных в аптеке.

Кстати, большинство болезней (этого никак нельзя забывать), свирепствующих во Французской Океании, привезены туда нами, белыми. От этих недугов у полинезийцев собственных лекарств не могло быть; и все-таки они предпочитают свой снадобья.

Чуть ли не каждый островитянин знает какие-нибудь старинные «верные» рецепты. Я видел, как здесь лечатся от головной боли, связанной с сифилисом. Варят в большой кастрюле травы, потом заворачивают их в полотенце и обвязывают голову. Разумеется, без толку. Или пьют сок растения, смешанный с соком кокосового ореха. Рано или поздно любая головная боль проходит; полинезийцы считают, что лекарство помогло..

Островитяне приписывают целительные свойства яйцам. Они убеждены, что глотая сырые яйца, можно выле-

читься от любой болезни, начиная корью и кончая помещательством. Если колет в груди (воспаление легких), нужно намазать яйцом кожу! Полинезийцы редко различают лекарства для внутреннего и наружного употребления.

Приведу особенно нелепый пример слепой веры островитян в действенность своих панацей. Один полинезиец пытался избавиться от недуга при помощи *ракау Мао-хи* — «настоящего местного средства». Я спросил, как он приготовил лекарство. Оглянувшись по сторонам — как бы кто не подслушал! — он сообщил, что смешал лимон, сгущенное молоко и *ракау куракура*. Вот тебе и «настоящее местное»! Лимонное дерево на Маркизские острова доставил капитан Кук. Сгущенного молока островитяне, естественно, тоже не знали до появления европейцев. А *ракау куракура* — декоративное растение, привезенное во Французскую Оксианию лет двадцать назад ботаником американцем.

У средств, которые я описал, хоть то достоинство, что они безвредны, чего, к сожалению, нельзя сказать о других снадобьях, применяемых местными знахарями. Есть, увы, и на Маркизских, и на других островах шарлатаны, которые берутся лечить за изрядную плату. Помню случай, когда такой врачеватель вызвался избавить грудного ребенка от высокой температуры. Объявив, что в ребенка «вселился бес», он стал изгонять его смесью спирта, золы, коралловой крошки и других подобных веществ. Разумеется, бес остался невредим, а ребенок вскоре скончался.

Спор о лекарственных травах, наверно, продолжался бы бесконечно, тем более что верящих в них оказалось примерно столько же, сколько скептиков. Но нас отвлекли маркизцы, которые подошли к шхуне на лодках с балансирами. Суперкарго тотчас разложил на палубе свой товар — ткани, эмалированные кастрюли, консервы и прочие редкости, за которые заломил бешеную цену. И вот уже на палубе толпятся покупатели... Меня удивил их опрятный вид и приветливые улыбки. Подошел долговязый островитянин и поздоровался по-французски. Это был учитель из Хакахау, один из немногих на Маркизском архипелаге. Мы сразу подружились, и он пригласил нас к себе приять душ — первое, что предлагает здесь каждый гостеприимный хозяин.

На лодке учителя мы с художником быстро добрались до черной полоски берега, отороченной пенной каймой прибоя. За пляжем раскинулась большая светлая долина. Не только природа казалась тут более радостной, поселок тоже располагал к себе. Чистенькие дома стояли в окружении цветников, на дорогах не было мусора, мы увидели опрятные свинарники, луга, на которых паслись ослики. Я обратил также внимание на возраст местных жителей: нам почти не попадались старики.

— А где же старики? — спросил я учителя.

— Их нет, — улыбнулся он. — По последней переписи, семьдесят процентов населения Уапу моложе двадцати лет.

Такое явление не могло быть случайным, и, однако, объяснение, которое я услышал от учителя, оказалось для меня совершенно неожиданным. Большое число молодежи, опрятность в быту, достоинство, с которым держались местные жители, — все это отчасти были плоды энергичного труда одного миссионера. Когда патер Симеон в начале девятисотых годов прибыл на Уапу, пьянство и болезни процветали на острове точно так же, как в других местах архипелага. Но Симеону удалось завоевать доверие островитян, и они стали к нему прислушиваться. Возможно, его способы борьбы против болезней и злого змия не всегда были демократичными, зато они многим спасли жизнь. Корнем зла были шхуны, поэтому он начал с того, что запретил островитянам посещать их. Стоило показаться судну, как патер звонил в колокол и, собрав население поселка, заирал всех в церкви. На воле оставались только те, кто участвовал в погрузке и разгрузке; за ними Симеон наблюдал самолично. Конечно, он не мог помешать матросам сойти на берег, но они всякий раз заставляли опустевший поселок и постепенно привыкли к тому, что на Уапу особые порядки.

Кое-кто из островитян продолжал тайком гнать самогон, но очень мало. По прихоти природы кокосовая пальма не привилась на Уапу, а без ее сока трудно приготовить самогон. Симеон повел решительное наступление, он застигал грешников в их тайниках и собственноручно ломал аппараты. Мало-помалу большинство местных жителей стали трезвенниками.

По мере того как на смену старому поколению приходило новое, более здоровое, исчезали распространители

болезней. Численность населения заметно росла, заселялись опустевшие было долины. Патер Симеон недавно умер, но его усилия еще долго будут приносить плоды. Как раз теперь подросло новое поколение женщин, не страдающих бесплодием из-за венерических болезней, поэтому скоро станет намного больше детей. Один специалист рассчитал, что за пятнадцать лет население острова удвоится.

Сравнение с другими островами Маркизского архипелага показывает, что Уану занимает особое положение. В 1902 году население Маркизских островов, без Уану, составляло 3290 человек. Перепись 1946 года дала цифру 2303, показав заметное сокращение. (Оно особенно коснулось южных островов, на севере положение было несколько лучше.) За то же время на Уану численность населения возросла с 272 до 685 человек! Трудно найти более убедительный пример, показывающий, чего может добиться настойчивый, энергичный человек.

...Как обычно, копры оказалось немного, всего несколько мешков, зато суперкарго с радостью взял около ста мешков кофе. Разочаровавшись в кокосовой пальме, почти все местные жители стали заниматься сбором кофейных бобов. Я сознательно не употребил здесь слова «возделывание», потому что на Уану, как и на прочих островах архипелага, кофе не возделывают, дикорастущие кусты не требуют никакого ухода. Для доставки урожая с плато на побережье пользуются осликами, и здешние ослики славятся во Французской Океании не меньше, чем местное кофе. Когда-то на Уану были и лошади, но ослы их почему-то недолюбливали и всех забили копытами. Я долго отказывался верить, что смиренные на вид, малорослые ослики могли одолеть рослых, сильных коней, но позднее мне на другом острове довелось самому видеть лошадь, с которой только что расправился осел. Видимо, жители Уану рассказывали правду.

Простившись с Хахахау, мы подошли к Хакахетау; долины были так же схожи между собой, как названия. На берегу нас встретил тот самый матрос, который жаловался на спину. Вид у него был весьма бодрый, в руках он держал целую охапку всяких трав. Если верить его словам, они оказались настолько чудодейственными, что ему было достаточно поспать на траве, чтобы поправиться. Но я подозреваю, что его вылечило жаркое солнце. Ра-

зумеется, я промолчал о своих подозрениях: вера помогает исследению — зачем же вредить человеку.

Еще сотня мешков кофе перекочевала в трюмы шхуны. Суперкарго сиял ярче тропического солнца. Закупочная цена была двадцать пять таитянских франков за килограмм, и, хотя кофе при поджаривании теряет в весе, фирма могла надеяться на изрядную прибыль, так как в магазинах Папеэте платят около семидесяти франков. Впрочем, на копре тоже неплохо зарабатывают: разница между закупочной и продажной ценой составляет около полутора франка на килограмм. Не так уж много? А если учесть, что шхуна забирает сто шестьдесят тонн? На одной копре за рейс можно заработать двести сорок тысяч франков. В действительности доход еще выше, ведь почти все островитяне тратят вырученные деньги на той же шхуне, платя за покупки на сорок процентов больше, чем в Папеэте. Добавим еще, что шхуна никогда не выходит из Папеэте с пустыми трюмами. Возит лес, цемент, кровельное железо и прочие необходимые материалы, за доставку которых заказчикам приходится платить втридорога. Владеть шхуной, ведущей торговлю на Маркизских островах,— все равно, что владеть золотым прииском.

Новый миссионер был куда либеральнее своего предшественника и разрешал всем желающим делать покупки на шхуне. Правда, он все время держался поблизости и присматривал за своими прихожанами. Когда кончилась погрузка и были завершены сделки, он даже пересчитал всех, потом во главе флотилии лодок с балаусирами вернулся на берег. В руке у него был не посох, а багор, как и надлежит настоящему полинезийскому настырю...

Медленно ушли за горизонт причудливые скалы Уапу; свежий зюйд-ост увлек нас к ближайшему острову Уа-Хука. Была суббота, весь следующий день нам стоять на якоре: у островитян выходной день! (В Полинезии особенно ревностно блюдут правило о воскресном отдыхе). Но раз выходной день — значит, праздник, а какой же праздник без обильного угощения! К счастью, мы были недалеко от одного из знаменитых птичьих базаров Маркизского архипелага, и капитан повел шхуну туда.

Над морем метров на двадцать возвышалась плоская скала. Полкилометра в длину, столько же в ширину, ровная, как пол. Как на нее взобраться? Мы обошли остро-

вок кругом, и всюду я видел только отвесную стену, о которую вдребезги разбивались валы.

Став на якорь с подветренной стороны, метрах в ста от берега, капитан велел спустить шлюпку. Матросы побросали в нее ведра и бидоны для яиц, боцман захватил веревку. На веслах поплы к берегу. Где же птицы? Я приметил в воздухе всего нескольких чашек, но матросы заверили меня, что наверху я увижу столько, сколько не видел за всю свою жизнь. Долго искали мы подходящее место, наконец высмотрели карниз примерно на высоте трех метров над водой. С него можно было карабкаться дальше.

Три матроса держали стоймя весло, на которое очень ловко влез юнга. Улучив миг, когда шлюпку подняло на волне, он с весла прыгнул на карниз. Теперь оставалось только бросить ему веревку и зачалить шлюпку. Хотя карниз был узкий, на нем уместились еще два матроса. Чуть выше начиналась расщелина. Обвязав веревку вокруг пояса, юнга встал на плечи товарища и осторожно полез вверх. Вдруг он сорвался и шлепнулся прямо в воду. Но матросы были начеку, быстро выловили царенька, и он, весело смеясь, полез снова. Через десять минут юнга стоял на краю плато.

Остальным уже было легче. Я находился в числе замыкающих и чуть не сорвался вниз — так энергично меня атаковали на краю плато сердитые чайки.

Туча птиц, чем дальше, тем гуще! Крики чашек слились в оглушительный хор. Я чувствовал себя так, словно очутился в кипящем котле. Тут ни глаза, ни уши не выдержат... Вдруг я ощутил, что ступаю по чему-то липкому, скользкому. Посмотрел вниз — ноги вымазаны в гоголемогеле, причем красном. Тысячи, если не сотни тысяч яиц образовали сплошной белый ковер, на котором кровавыми дорожками обозначались следы наших ног.

Покружив у нас над головами, птицы успокоились и сели поодаль. Теперь можно было без помех собирать яйца. Ведро за ведром спускали мы на веревке в шлюпку, и скоро вся тара была заполнена. Пришла очередь птиц: вооружившись длинными шестами, матросы атаковали их. Шесты вертелись в воздухе, точно мельничные крылья, и чайки десятками падали наземь. Оставалось только добывать их. Меньше часа нам понадобилось на то, чтобы до отказа нагрузить лодку яйцами и птицей. И на

кого же мы были похожи! Сами словно огромные птицы: с ног до головы в гоголе-моголе, на который густо налипли перья!

Степанный кок невозмутимо принял груз и сложил в кладовку. А нам в награду приготовил добрый омлет: бросил на огромную сковороду сотню-другую яиц, раздавил их руками, кое-как выловил скорлупу и поставил сковороду на огонь. Приметив, что яйца далеко не первой свежести, я отказался от своей доли омлета. Но художник тщательно отобрал дюжину отличных яиц и приготовил превосходную яичницу, которую я с удовольствием съел, несмотря на ее розовый цвет.

После плотного завтрака мы немного вздремнули, чтобы набраться сил для следующего рейда в грот, населенный омарами. Он расположен в северной части островка, и вход в него настолько мал, что сперва я его не заметил. С острогами в руках мы пробрались внутрь и зацапали по пояс в холодной воде.

— Держись поближе к выступу в стене, — посоветовал мне один матрос. — Здесь посередине провал. Попадешь туда, может утащить течением вниз, прямо в ход, который связан с морем, там страшный водоворот.

После этого предупреждения я стал осторожнее.

Вспыхнули факелы из связанных в пучок пальмовых листьев, и в неровном свете мы увидели, что впереди грот сужается. Протиснувшись через расщелину, мы очутились в просторном подземелье с плоским выступом вдоль одной стены. Я взобрался на него. Последовала команда соблюдать тишину.

Несколько минут прошло в полном безмолвии, я буквально врос в камень. Вдруг один матрос привстал и метнул острогу в воду. Прыгнул следом — и ударил еще раз! Когда он выбрался из воды, на остриях бился здоровенный омар без клешней — их называют лангустами. Он был вдвое больше тех, что мне доводилось видеть на Таити и на островах Туамоту.

От боцмана я узнал, что лангусты селятся в тысячах углублений в скале ниже уровня воды. В гроте они в безопасности от акул и прочих врагов. Здесь всегда можно рассчитывать на хороший улов. И действительно: матросы быстро поймали два десятка лангустов. Они наловили бы еще, да факелы догорели. Обвешанные лангустами, мы двинулись обратно, и я поминутно вздрагивал, когда до-

быча щекотала мне спину или живот: все забывал, что у них нет клешней.

Возвращаясь на шхуну, мы чуть не попали в беду. Один из матросов увидел вдруг ската и решил поймать его. В Полинезии множество скатов, они огромные, иные весят больше тонны, и ловить их нужно с умом. Ромбическое туловище ската сверху покрыто чем-то вроде хрящевого панциря. Когда бьешь ската гарпуном, нельзя целиться ни в голову, ни в спину — он так метнется вглубь, что в лучшем случае порвет линь, а в худшем затянет под воду гарпунера и опрокинет лодку. Надо стараться попасть в самый край бокового плавника: чем дальше от центра, тем меньше сила рывка. А зацепишь плавник, — тогда уж скату не уйти и на лодку не упадет. Остается измотать его и вытащить из воды.

Наш самодеятельный гарпунер поспешил. Едва прилетел под лодкой черный силуэт, ткнул гарпуном — и, конечно, угодил почти в самый центр спины. Скат ринулся прочь с такой силой, что два человека были сбиты с ног линем. Нам, наверно, пришлось бы сдаться и перерезать линь, не подоспей на помощь другая шлюпка. На шхуну подали конец, соединенный с линем; теперь скат уже не мог уйти. Моторная лебедка легко подняла его на борт, и вооруженные ножами и топорами матросы набросились на добычу.

До чего же живуч скат! Казалось, каждый кусок существовал самостоятельно, они сжимались, точно продолжали чувствовать боль от пожей. На обед нам подали вареного ската — он все еще трепетал! Правда, оказалось, что виновата судовая машина, из-за которой наш стол вибрировал...

И-то думал, что нескольких тысяч яиц, двухсот птиц, трех дюжины лангустов и тонны рыбы достаточно для воскресного пира. Но команда была иного мнения. Без летучей рыбы меню не полно! И когда стемнело, мы снова сели в шлюпку. Хотя я днем трудился не особенно много, у меня от усталости слипались глаза. А матросы чувствовали себя прелотлично и весело хохотали!

Лов происходил до смешного просто. Один человек держал над бортом лодки горящий факел, а другой — растянутую на двух палках сеть. Привлеченные светом факела, рыбы подплывали к лодке, взлетали и попадали прямо в сеть. Собирай и складывай! Маленькие живые

снаряды, расправив плавники, поплыли по дуге на высоте до одного метра над морем. Длина полета колебалась от двадцати пяти до ста пятидесяти метров.

К счастью, через полчаса летучие рыбки исчезли, иначе лов продолжался бы всю ночь. Видимо, их напугали тунцы или бопиты. Матросы приуныли и очень неохотно вернулись на шхуну.

Наконец-то отдохнем после утомительного дня... Не тут-то было! На палубе расстелили панданусовую циновку, разлилось вино — и началась дегустация блюд, которые нам предстояло уничтожить в воскресенье. Дегустация была весьма основательной, а затем развернулось сражение в покер, на всю ночь. Большинство еще продолжало играть, когда капитан с помощью боцмана и рулевого через несколько часов после восхода солнца ввел шхуну в Ваипае — «Невидимый залив» — на Уа-Хуке.

На берегу ни души: по случаю воскресенья местные жители были заняты утюжкой своих выходных нарядов. Как только зазвонил церковный колокол, матросы вскочили на ноги, мигом убрали карты и бутылки и достали белые костюмы. И когда они с благочестивым видом, протрезвевшие, в длинных брюках, в инджаках, при галстучке, с псалтырем в руке зашагали к церкви, никто бы не поверил, что эти люди целые сутки не спали.

Впрочем, насколько быстро они приобщились к своей «крахмальной религии», настолько же быстро и забыли о ней. Уже через несколько минут после окончания проповеди белые костюмы висели на пальмах, а матросы в трусах гоняли мяч на главной деревенской площади. Появились благочестивые жители Ваипае, им тоже не терпелось сразиться в футбол. На мою долю выпала почетная обязанность судить игру. Под ликующие крики зрителей начался международный матч между Ваипае и таитянской командой шхуны. И когда я перестал штрафовать за игру рукой, корнер, офсайд и подобные мелочи, состязание развернулось вовсю, мяч то и дело влетал в ворота. Большинство босых футболистов таитян играло мастерски, и местной молодежи пришлось призвать на помощь нескольких пассажиров, чтобы дать отпор.

Истекло сорок пять минут, я дал свисток для перерыва. Всеобщее недоумение. Зачем отдыхать, когда веселье только началось? То же после конца второго тайма. Никому не хотелось прекращать игру. Сам я был распа-

рен палящими лучами солнца и совершенно выдохся. Спасибо, местный звопярь выручил, взял у меня свисток... А игроки продолжали как ни в чем не бывало. И куда девалась лень, якобы присущая полинезийцам! Подозреваю, что они и в других случаях проявили бы бодрость и энергию, надо только, чтобы люди чувствовали, что жизнь их осмысленна и содержательна *.

Когда я уже под вечер, после приятного отдыха в прохладном пальмовом сарайчике вернулся на «поле боя», там шли скачки, матросы состязались с местными парнями. Что за неутомимые люди! Мужчины и женщины постарше готовили все к пиру. На больших банановых листьях горамп лежали яйца, омлеты, лангусты, птица и рыба, доставленные нами; островитяне приготовили свое «фирменное блюдо» — кур, испеченных в воде... Кажется, только в Вашшае стряпают так: женщины разрезали неоципаных кур, удалили внутренности и вложили взамен докрасна раскаленные камни. Потом кур быстро обернули банановыми листьями, обвязали бечевкой и кинули в ручей. Через полчаса их извлекли из воды, ловко очистили от перьев, выбросили камни — можно подавать на стол!

Оказалось, что приготовленная таким образом птица — бесподобное блюдо, и я до отказа пабил себе живот курятиной. Матросы и местные жители, которые без долгих церемоний принялись уничтожать угощение, с легкостью поглощали огромные порции. Рядом со мной сидел боцман; за час-другой он съел двух кур, не меньше десяти летучих рыб, огромный омлет, кусок ската и множество омаров. И запил все это двумя бутылками вина. Остальные тоже могли поспорить аппетитом с Гаргантюа. Если истово, молча. Конечно, это не свадьба и не какой-нибудь другой праздник, требующий искрометных шуток и длинных речей. К тому же, что ни говори, последние дни были для команды довольно утомительными...

Вдруг я услышал непонятный шум. Один из матросов уснул во время еды, не успев даже проглотить свою пор-

* Едва ли не во всех странах, где хозяйничают колонизаторы, они упрекают туземцев в «лени», «нежелании трудиться» и т. п.; этим они пытаются оправдать царящую там бедность населения. Однако факты показывают, что везде, где островитяне Полинезии (как и других областей) могут трудиться не из-под палки, а свободно, в привычных для них общинных формах работы или проявлять свою энергию в игре, искусстве, свободных занятиях, — энергия эта оказывается палицо в избытке.— *Прим. ред.*

цию ската, да так и упал. Соседи отодвинули его в сторону и продолжали пировать. Остальных матросов, одного за другим прямо за «столом» из банановых листьев тоже сморил сон. Я сам было задремал, но взял себя в руки и дотащился до берега, где нашел уютный уголок в сарайчике.

Копры в поселке не оказалось, и на следующее утро мы отправились дальше. Матросы, веселые, оживленные, отыскивали меня в сарае и разбудили. Я спросонок как-то забыл о художнике и спохватился только тогда, когда шлюпка была уже на полпути к шхуне.

— А чего его искать, — вздохнул суперкарго. — Он нашел такие интересные сюжеты для живописи, что решил остаться.

— Господи, новая Хакапау! — ахнул я.

— На этот раз ее зовут иначе, — улыбнулся суперкарго. — Слава Великой Любви!

Художник был явно безнадежен, я не стал даже просить капитана послать за ним шлюпку. К тому же вскоре у меня появились другие заботы. Вдруг обнаружилось, что мы идем не на юг, не в сторону Хива-Оа и Эиаоне, а на запад!

— Эй! — окликнул я капитана; он в этот миг спускался вниз по трапу. — Мы не туда плывем!

Высунув голову из люка, он смущенно ответил:

— Вы уж извините, но сперва надо будет зайти на Нукухиву. Кажется, появился конкурент, я должен его опередить. Придется уж вашей жене обождать немного, ничего не поделаешь. По сравнению с нукухивскими деревнями Эиаоне маленький поселок, я не могу отдать ему предпочтение. Но вы не бойтесь, раз я обещал, значить, найду и туда.

Что мне оставалось делать? Я не мог не беспокоиться. Маршрут нашей шхуны очень уж неопределенный, наперно, пройдет не меньше недели, пока мы доберемся до Эиаоне... Из Атуаны мы вышли пять дней назад; Мария-Тереза, конечно, волнуется. Если получила мое письмо, в чем я, кстати, не был уверен.

На Нукухиве (во всяком случае, в долине Тапоа, куда мы сперва подошли) конкурирующих шхун и в помине не было. Здесь вообще уже несколько месяцев не появлялось ни одной шхуны и скопилось много копры. Капитан и суперкарго сияли: работы на два дня, не меньше! Я же

мрачнел не по дням, а по часам. Если в каждом заливе Нукухивы столько торчать, не скоро доберемся мы до Эиаоне...

Облокотясь на поручни, я уныло размышлял о своем невезении. Вдруг меня окликнул местный вождь:

— *Хое эната туэте коэ?* Ты не швед? А то скорей отправляйся в Таюхаэ, туда пришли твои соотечественники.

По его словам, в заливе Таюхаэ стоял парусник со шведами на борту. Но они собирались вскоре идти дальше, надо спешить, если я хочу их застать. Я знал, что мой друг Сверре Хольмсен вышел с товарищами на «Тамате» в Полинезию. Конечно, не исключено, что вождь видел другое судно. Шведов можно встретить в самых неожиданных местах. На всякий случай я, достав коня, отправился в Таюхаэ. Все равно шхуна придет туда следом.

Четыре-пять часов верхом по плохой извилистой тропе, и я достиг огромного — самого большого во всем архипелаге — полукруглого залива Таюхаэ. Совершенно верно: метрах в ста от берега качался на волнах белый парусник, сверху он казался игрушечным. Я поспешил вниз по склону, предвкушая встречу, и остановился только у маленькой деревянной пристани. Мне повезло. Двое светловолосых мужчин, сидя в лодчонке, переговаривались со стоящим на пристани маркизцем.

— Привет, давненько не видел шведов! — радостно закричал я издали.

— Хелло, — любезно отозвался один из светловолосых. — Я не понимаю по-маркизски. Может быть, вы говорите по-английски?

Они были шотландцы. Я успел лишь перекинуться с ними несколькими словами, как парусник уже приготовился выходить из залива, продолжая свое кругосветное плавание.

8

ТАК МОЖНО И ЗАБЛУДИТЬСЯ

Таюхаэ совсем не похожа на Атуану, с которой соперничает за честь считаться лучшей долиной Маркизского архипелага. Атуана — тесное, глубоко врезанное в горы

ущелье, домики сгрудились в кучу; Таохоаэ — окаймленная полукруглой грядой долина, вдоль узкой береговой полосы цепочкой вытянулся поселок. В Атуане большие, приносящие хороший урожай плантации; в Таохоаэ всего несколько пальмовых рощиц. Правда, у второй есть свое преимущество: широкий залив, защищенный двумя длинными мысами. Природа создала превосходную гавань, в которой может разместиться целая эскадра; как обстоит дело с якорной стоянкой в Атуане, я незадолго перед тем испытал на себе...

Миссионеров в Таохоаэ не было, зато я увидел роскошную резиденцию администратора. Хозяин дома и его супруга приняли меня тепло, они явно были рады гостю. Не удивительно: располагая лишь плохоньким катером, мотор которого постоянно капризничал, они были фактически отрезаны от всего мира. Не представляю себе, как в таких условиях администратор выполнял свои обязанности. Разве что направлял все рвение на заботу о сотне жителей Таохоаэ... Кстати, там вполне можно было найти применение административной энергии — местный люд производил довольно унылое впечатление.

Кроме дома администратора долина могла похвастать церковью, лавкой, принадлежащей шотландцу, тюрьмой и телеграфом. Правда, церковь оказалась на запоре — миссионер уехал на время в соседнюю долину, где строили новый храм божий взамен разрушенного первого апреля 1946 года той самой могучей волной, которая снесла все дома в Пуамау. Лавка лишь в одном отношении отличалась от других, виденных мной в Полинезии: хозяин с такой точностью определил розничные цены, что на ценниках значились даже сантимы. Скажем, 39 франков 87 сантимов, 17 франков 35 сантимов, 3 франка 17 сантимов... Отпуская товар, купец всегда округлял в свою пользу. Кажется, покупатели только радовались этому: легче складывать.

Возле тюрьмы, покуривая, слонялись заключенные. Их «наказали» за изнасилование: предоставили бесплатное жилье и питание. Похоже, они не были огорчены, тем более что не признавали за собой вины. На Маркизских островах, как и во всей Французской Океании, женщины предпочитают, чтобы ими овладевали силой; идя им навстречу, мужчины всего-навсего следуют древнему обычаю. Но кроме обычая есть французский закон; достаточно

кому-нибудь со зла донести властям, и «злодей» попадает в тюрьму. Впрочем, заключенные большую часть времени проводят на вольном воздухе и чувствуют себя совсем неплохо.

Но меня сейчас больше всего интересовала не церковь, не лавка и не тюрьма. Я рвался на телеграф, который поддерживал связь с Атуаной и Папэте. И был вознагражден: у телеграфиста лежало послание на мое имя от Марии-Терезы; ей удалось с оказией отправить весточку на телеграф в Атуане. Она получила мое письмо и в полной готовности ждет шхуну и меня в Эпаоне.

Что ж, отлично! Одно худо: ожидание может затянуться...

В этот день у телеграфиста было много хлопот. Я узнал, что в Таохоаэ должен вот-вот прибыть для инспекции его превосходительство губернатор Французской Океании. Губернатор уже посетил несколько островов архипелага Туамоту; он решил, прежде чем возвращаться на Таити, заглянуть на Маркизские острова. Меня эта новость ничуть не обрадовала. Если губернатор поспеет сюда прежде моей шхуны, местным жителям будет не до того, чтобы грузить копру. Новая задержка...

С телеграфа я отправился осматривать местные достопримечательности: мумию, минеральный источник и Станислава Таупотини — потомка «короля» Темоаны, которого французы сделали монархом в прошлом столетии. Мумия явно считалась ценнейшей туристской достопримечательностью, ибо лежала в гробу под стеклянной (!) крышкой. Минеральный источник потряс меня не больше, чем любая иная лужа. А в Станиславе Таупотини не было ничего королевского. Разочарованный, не зная, куда себя девать до прихода шхуны, я, чтобы убить время, стал читать старый австралийский журнал на террасе лавочника.

На следующий день меня осенила отличная (на мой взгляд) идея. Всего в десяти с небольшим километрах на восток была знаменитая долина Таипиваи, где некогда Герман Мелвилл пережил множество замечательных приключений, описанных в его превосходной книге «Таипи». Зачем томиться скукой, когда можно отправиться туда? Все равно шхуна зайдет в Таипиваи, а я пока хорошенько осмотрю долину. Тропа, как мне объяснили, удобная, коной и проводника найти проще простого. Итак, решено!

Судьба явно благоволила ко мне: утром по пути к морю я встретил молодого человека европейского вида.

— Бонжур, мосье, доброе утро,— сказал он по-французски с заметным маркизским акцентом.

Я остановился, мы разговорились. Немного погодя мой собеседник (его звали Жаном) учтиво спросил:

— Вы, кажется, собирались посетить Таипиваи?

— Да,— ответил я. Видимо, ему рассказал о моих планах лавочник.

— Я живу в Таипиваи,— продолжал Жан.— Как раз собираюсь возвращаться домой, и вы можете присоединиться. На горе у меня есть для вас лошадь. Я всегда оставляю ее там, когда приезжаю сюда, очень уж спуск крутой.

Радуюсь своему везению, я поспешно связал в узел пожитки, добавил к ним несколько банок консервов, и мы тронулись в путь.

Сразу за деревней начинался необычный лес. Огромные кусты акации росли так густо, что под их сводом царил полумрак. Попадались также заросли колючей лантаны; мы с большим трудом пробивались сквозь них.

— Это память о сороковых годах прошлого века, когда здесь стоял французский гарнизон — объяснил мне Жан.— Солдаты посадили лантану для защиты от нападения островитян. Акацию — для красоты. Теперь гарнизона давно нет, форт разваливается. Но акация и лантана заполнили всю долину. Даже кокосовую пальму вытесняют. Пробовали расчищать — снова растут. Надо с корнями уничтожать, но это слишком трудно...

Одолов заросли, мы очутились на горной тропе, такой крутой, что приходилось придерживать руками за камни. Через полчаса выбрались на небольшое плато, с которого открывался красивый вид на Тапохаэ и несколько соседних долин. Тонкая клячонка с необычным деревянным седлом щипала травку под деревом. Жан помог мне взгромоздиться на нее и пошел вперед.

— Постойте, а ваша лошадь где? — удивился я.

— У меня только эта. Но вы сидите. Я предпочитаю идти пешком.

Скоро я понял, почему Жан предпочитал идти пешком. Лошадь хромала так сильно, что я уже через несколько шагов едва не слетел с нее.

— Давно хромает,— виновато сказал Жан.— Но у меня

не хватает духу расстаться с ней. Я ее еще мальчишкой получил; успел привязаться.

— Гм.— Я внимательно посмотрел на Жапа.— Выходит, ей лет двадцать, не меньше?

— Двадцать два.

В таком возрасте любая лошадь заслуживает отдыха, и я решил слезть. Только привстал в стременах, как она дернулась, словно от удара, и я шлепнулся паземь.

— У нее очень чувствительные нервы на шнине,— объяснил Жап.

— Нервы? — Я поднял седло: может быть, что-нибудь трет спине лошади? И увидел страшное зрелище — вдоль позвоночника тянулась гнойная рана.

— Да как вы могли седлать лошадь с такой раной? — возмущился я.

— Конечно, не годится. По мне непременно надо было понасть в Тапохаз к жандарму, а другой лошади у меня нет. Кунить повую — дорого, не по карману.

Мы не спеша побрели дальше, лошадь смиренно ковыляла за нами. Слушая рассказ Жапа, которому не терпелось поведать мне все свои мытарства, я почувствовал, что ему можно верить.

Сам он родился на Маркизских островах, но родители его приплыли из Франции. Отец, итальянец, долго жил на Ривьере, у него там неподалеку от Ниццы было небольшое цветководство. Политические осложнения и личная вражда вынудили его на рубеже двадцатых-тридцатых годов, в разгар депрессии, бросить арендованную землю. Возвращаться на родину, где заправляли фашисты, он не хотел. Во Франции найти работу не удавалось. Один французский плантатор предложил ему бесплатный проезд до Таити, если он согласится работать на его ванильной плантации. После всевозможных приключений и лишений на островах Общества он попал в конце концов на Маркизский архипелаг. В ту пору правительство на льготных условиях продавало участки тем, кто обязывался их возделывать. Отец Жапа с радостью воспользовался долгожданным случаем стать самостоятельным хозяином и добиться достатка.

Благодаря собственному трудолюбию и помощи семьи, которая насчитывала более двенадцати душ, ему удалось возделывать немало земли в северной части Нукухивы. Но, хотя он никак не посягал на владения островитян и ста-

рался наладить с ними хорошие отношения, те смотрели на приезжих как на врагов и всячески отравляли им существование. А тут еще дети подросли и возникла новая трудность. В долине не хватало места всем. Плантация не могла их прокормить, тем более что старшие сыновья подумывали о том, чтобы обзавестись собственными семьями. Правительство больше не продавало землю в рассрочку; а может быть, уже не оставалось свободной земли. Маркизцы наотрез отказывались уступить свои участки. Эмигрировать на Таити? Или в Европу? Как-то еще устроиться... Они привыкли к маркизским условиям, профессии ни у кого не было. По-французски говорили неуверенно, писать прилично могли только по-маркизски.

Белых женщин не было, и сыновья женились на местных. Казалось бы, это решало проблему пропитания, ведь по маркизскому обычаю родители дают за сыном или дочерью в приданое добрый участок земли. Но в этом случае родители сделали исключение: им не хотелось, чтобы чужаки прочно обосновались. Жану и его братьям пришлось работать на местных землевладельцев.

Так как жена Жана была родом из Таиниван, он поселился там, нашел себе даже хорошее место на французской плантации. Но товарищи по работе, маркизцы, ополчились на Жана: уж больно он старается, еще начальство, чего доброго, их сочтет лентяями. И попытались выжить Жана, обвинили его в краже. Вот и пришлось, чтобы постоять за себя и дать отпор клеветникам, отправиться в Тапохаэ к единственному на острове жаандарму.

Жан то и дело прерывал свою печальную повесть, чтобы справиться у меня о параграфах и постановлениях. На Раона и в других частях Французской Океании мне довелось много раз наблюдать споры из-за земли, даже судебные разбирательства, и я смог дать ему кое-какую консультацию. Но в большинстве случаев я, естественно, не знал, что говорит французский закон о замысловатых проблемах, которые волновали Жана. Огорчать своего нового друга мне не хотелось, и я заверил Жана, что он правильно понимает закон. Он заметно приободрился, и постепенно разговор перешел на более веселые темы.

Вдруг Жан воскликнул:

— Хорошо, что вы так быстро приехали, сразу же и осудите этих негодяев.

— Как-как? Осужу?

— Ну да, разве вы не судья? Телеграфист говорил, до губернатора должен приехать судья!

Долго я объяснял бедняге, что и как; наконец недо-
разумение было устранено, а услышав, что я швед, Жан
опять повеселел.

— Шведы — хорошие люди, — сказал он. — Несколько лет назад сюда заходило шведское судно «Альбатрос». Прибывшие на нем ученые захотели подняться на высокогорное плато Товии. Меня наняли проводником и посильтчиком. Должно быть, в Швеции богато живут: у всех были замечательные ботинки! Я даже попросил, чтобы мне вместо денег дали ботинки, да лишней пары не оказалось. Но заплатили хорошо, и консервы у них отличные были. Если встретите кого-нибудь с «Альбатроса», передайте привет от меня.

Потом Жан стал рассказывать о своем путешествии в Папеесте — единственным за всю его жизнь. До двадцати лет он безвыездно жил на Нукухиве, но тут повредил себе спину, и его на государственный счет отправили в Папеесте в больницу. Когда он вышел из больницы, до отхода шхуны оставалось еще две недели. Город произвел на него противоречивое впечатление. Радио и телеграф он уже видел в Тапохаэ, но все остальное было ему вновинку. Автомашинны, велосипеды, самолеты... Он слышал о них, знал по картинкам. А вот мотоциклы увидел впервые, и они его особенно поразили. Теперь Жан больше всего на свете мечтал о том, чтобы обзавестись мотоциклом и гонять на нем по набережной Тапохаэ.

Кино ему совсем не понравилось. Фотоаппараты он и прежде видел и кинокамеры его не удивили. Зато на танцевальной площадке Жан с восторгом разглядывал музыкальные инструменты. Саксофон, труба, кларнет произвели на него неизгладимое впечатление; до тех пор он знал лишь барабан и гитару. (Жан спросил меня, сколько стоят инструменты, и был безгранично удивлен, когда оказалось, что я не в курсе цен!) И еще один предмет вызвал у него восхищение: катушка к спиннингу. Ему даже удалось купить одну, и он с ней не расставался. Жан с гордостью показал мне хитроумную вещь.

Разумеется, он бывал и в общественных учреждениях Папеесте: в банке и церкви. В банке просидел несколько часов — смотрел, как из рук в руки переходят толстые пачки денег, и предавался розовым мечтаньям.

А вот церковь его разочаровала, там он даже попал в неприятное положение. Ничего не подозревая, сел на одну из передних скамеек, а она, оказывается, принадлежала какой-то знатной семье, на спинке была даже серебряная дощечка с фамилией... И как только хозяева явились, Жана прогнали. Он громко возмутился: разве не все одинаково хорошие христиане? Чуть до скандала не дошло.

Не все европейские обычаи ему понравились. Ну зачем, например, в самую жару ходить в костюме, в пиджаке? А вот шляпу, которая необходима для защиты головы от солнца, они поминутно снимают, здороваясь со знакомыми. Удивили его женщины с крашеными ногтями, в туфлях на высоких каблуках. Жан настойчиво допытывался у меня: что это за причуды? К сожалению, я не смог дать исчерпывающего ответа. В самом деле, как это объяснить?..

За разговором мы и не заметили, как добрались до долины Хапаа.

Тропа не сразу спускалась вниз, она извивалась вдоль высокого гребня, окаймляющего долину с севера, и с высоты пятисот метров мы видели одновременно три долины: Таюхаэ, откуда поднялись, Хапаа и вдали Таппиван. Во всем Маркизском архипелаге я не встречал ничего, подобного долине Хапаа: она сообщается с морем только через узкую — в несколько сот метров — расщелину в отроге, отделяющем ее от берега. Могучие гряды отгораживают Хапаа от соседних долин, получается как бы огромная чаша с отбитым краем.

Некогда здесь жило много тысяч человек, теперь — всего одна семья: брат Жана, его жена маркизанка и дочь. Жан предложил передохнуть у них, и мы пошли вниз по склону. На зов Жана откликнулся голос из пальмовой рощи. Мы свернули туда и среди колючих зарослей увидели всю семью. Брат расчищал участок, рядом жена и дочь, трехлетняя замарашка, жгли луб и сухие листья. Воздух был влажный, черная сажа липла к одежде и коже, и мне хотелось как можно скорее бежать прочь отсюда.

Ален (так звали брата) был плечистый сутуловатый мужчина лет тридцати; я заметил у него на руках и теле большие шрамы. Стерев пот со лба и выдернув из ладоней несколько шипов, он сел подле костра на кокосовый орех.

— Конечно, от такого костра дым едкий и сажа, — смущенно сказал он. — Зато комаров отгоняет. Лучше пот и грязь, чем комариные жала.

Жан рассказал брату, чем кончился визит к жандарму. Алех явно был возмущен. Он обратился ко мне:

— Все против нас стоворились. Хотят нас лишить работы, будто она такая уж приятная. Хозяин и я, по здешнему обычаю, делим доход поровну. Может показаться, что это неплохо. Но заготавливать копру здесь — это совсем не то, что на плантациях Таити и других островов. Посадки странно залущены; чтобы добраться до орехов, надо расчищать заросли. Воздух влажный, ядра сушатся очень долго, приходится сооружать навесы, помосты для сушки. Когда копра наконец готова, ее нужно доставить к побережью. У меня только одна лопадь, она больше четырех мешков не возьмет. Чтобы переправить одну тонну, надо пять раз пройти три-четыре километра по горам.

Нет, я не жалею, жить можно. Но что будет с нами, если я потеряю работу? Своей земли у меня нет. Откажутся маркизцы меня нанимать — придется покидать остров. Да я бы давно уехал, знать бы куда. Почти всю жизнь тут прожил. На Таити будет трудно освоиться. А как в других странах? Слышал я, можно эмигрировать в Австралию, в Южную Америку, и народ там приветливый. Кстати, как в вашей стране? Можно туда уехать?

Неожиданный вопрос! В Швеции я встречал сотни людей, которые мечтали о Полинезии, поселились с планами поселиться на уединенном благодатном островке, вдали от всех и всяческих тревог, чтобы не думать о завтрашнем дне. Теперь я сам на одном из этих желанных островов, и что я вижу: та же самая мечта о далеком счастливом крае на другом конце земли!

Я рассказал все, что мне было известно о других странах и возможностях переселиться туда. Алех внимательно слушал; его жена, не понимавшая ни слова по-французски, искала в голове дочурки. Затем разговор перешел на болезни и прочие актуальные вопросы. Алеху хотелось обсудить эту тему более основательно (он жаловался на желудок), и я с благодарностью принял его предложение переночевать у них.

Домик Алехи стоял поблизости. Он несколько отличался от обычных полинезийских конструкций, и весь участок был обнесен широкой каменной оградой, какие очень

распространены в Швеции, в области Смоланд. Перед террасой была длинная клумба с европейскими розами, единственными, которые я видел на Маркизских островах. Буфет и несколько сундуков составляли всю меблировку. В углу комнаты лежали панданусовые циновки. Ален явно жил на маркизский лад. Это было видно и по угощению, которое предложила нам его жена: вареные бананы, печеные плоды хлебного дерева, жареная свинина, кокосовая подливка.

Полулежа на циновке, я уписывал за обе щеки и рассеянно осматривал комнату, поминутно облизывая пальцы. Похоже, стены некогда были оклеены обоями, до сих пор кое-где торчат клочки газет... Мой взгляд остановился на одном из них. Что такое?!

«...Положение угрожающее, неизвестно, сможет ли Швеция избегать...»

От удивления я чуть не подавился куском. Кто оклеивал стены дома Алена шведскими газетами? Читаю в другом месте:

«...Защита «Ганс» никак не заслуживает похвал, особенно слабо играли оба бека. Противник снова и снова прорывался...»

Похоже, газета гетеборгская. Ну да, вот жирный заголовок: «Драка в Мастхюггет», а вот еще строчка: «ГХТ, ..густа 1936»*. Ален мог только сказать мне, что прежде в этом доме жил европеец, который умер, когда Ален еще был юношей. Он его совсем плохо помнит и никогда не слышал, чтобы кто-нибудь называл хозяина шведом. Но в Таинваи мне, наверно, могут рассказать больше, ведь прежний обитатель дома был женат на тамонней жещине; теперь она замужем за островитянином, живет в Таипи.

Неужели и впрямь тут когда-то обосновался швед? Ограда и розы подтверждают, что он помнил Швецию и пытался здесь воссоздать кусочек родины. В тот вечер я долго не мог уснуть, все думал о своем неизвестном соотечественнике...

Обуреваемый любопытством, я рано утром следующего дня вместе с Жаном отправился в путь. Конечно, меня влекли и литературные воспоминания. В «Таипи» Мелвилл увлекательно, с юмором описывает свой побег через пуку-

* ГХТ — сокращенное название одной из крупнейших шведских газет.— *Прим. перев.*

хивские горы и жизнь среди обитателей Таипиван (разумеется, он немало присочинил и приукрасил). Несмотря на каннибализм, образ жизни островитян показался ему очень привлекательным. По его мнению, людям тут жилось куда лучше, чем в цивилизованном мире.

Я так хорошо помнил книгу, что не сомневался — все в долине будет мне знакомым. Два часа ушло на то, чтобы взобраться на крутую гряду, разделяющую долины. Мы пыхтели, согнели; зато когда, пробившись сквозь заросли, увидели Таипиван, оказалось, что ландшафт и впрямь отвечает описанию Мелвилла. Ширина долины всего около километра, зато длина не менее десяти. Вот небольшой залив там, где река впадает в море... Нашел я и памятный по книге водопад высотой около трехсот метров, в верхней части долины.

Но на этом сходство прерывалось. Вдоль главной (и единственной) улицы выстроились жалкие лачуги, типичные для всего архипелага. Тут и там сидели на крыльце улыбые маркизцы. Счастливых детей природы, о которых с такой любовью писал Мелвилл, не было и в помине.

— Сколько всего жителей в долине? — спросил Жан.

— Около трехсот, но они пришельцы из соседних долин. Первоначальные обитатели Таипиван вымерли пятьдесят лет назад. Некоторое время она была необитаема. Затем ее снова стали заселять, но для переселенцев не хватало земли, потому что половину долины купила одна французская компания. И теперь без конца идут споры из-за участков. Я сам довольно долго работал на плантациях компании, скопил даже денег на новый дом.

Жан с гордостью показал мне свое жилище: дощатые стены, цементный фундамент, железная крыша. Едва мы подошли к дому, сидевшая в дверях маркизанка поспешно встала и скрылась между деревьев.

— Не обращай внимания, — сказал Жан. — Это моя жена. У нее странные повадки. Иногда на несколько дней исчезает — шурует со своими. Но всякий раз сама возвращается, редко приходится идти за ней. Сейчас боится, потому что вчера я ее поколотил. Понимаешь, стукнулась с моими врагами...

Было ясно, что сегодня его жена уже не покажется, и Жан предложил мне отдохнуть у него. После некоторых колебаний я согласился. В единственной комнате только и было «мебели» что один матрас на голом цементном

полу. Приподняв матрас, Жан достал из-под него огромную, ярко раскрашенную открытку. Она изображала игорный дом в Монте-Карло, причем окна были нарисованы серебристой краской, которая переливалась на свету.

— Красиво, правда? — восхищенно произнес Жан. — Это мне дядя прислал, он в Ницце остался. Пишет, в игорном доме можно в два счета разбогатеть, если знаешь, как играть. Представляешь себе: в один день заработать столько денег, чтобы на всю жизнь хватило!

Я прервал мечтания Жана, скромно напомнив, что не худо бы и об обеде подумать. Из своего узла я достал консервы. При виде их он просиял:

— Ветчина, овощи, персики!.. Давно не ел таких вещей! Мне они не по карману, да и жена любит только маркизскую пищу.

Подогрев содержимое банок на старом примусе, который Жан вытащил из тайника под домом, мы приступили к обеду. Вдруг что-то грохнуло о стену. Затем последовал дробный стук, точно на крышу обрушился град камней. И снова — удары в стену.

— Опять они, эти негодяи, — вздохнул Жан. — Выйди, покажись им, они сразу исчезнут. Подумают, как и я сначала, что ты судья.

Я не очень-то был в этом уверен, но напустил на себя грозный вид и с дрожью в коленях вышел на террасу. К счастью, атаковавшие нас пять-шесть мужчин были еще более робкого десятка, они тотчас пустились наутек.

— За ними! — вскричал Жан и бросился вдогонку.

Мне оставалось лишь последовать его примеру, хотя в душе я молил бога, чтобы возмутители спокойствия оказались резвее нас. Так и вышло, мы быстро потеряли их из виду. Жан бушевал.

— Трусы несчастные. Если бы мы их догнали, уж я бы задал им тренку. Пусть их шестеро, мы бы всех одолели. Был случай, я один с четырьмя справился!

Я что-то буркнул и попытался изобразить разочарование. Мы вернулись к столу. Поев, по-братски разделили единственный матрас и, как ни странно, всю ночь крепко спали без помех.

Проснувшись на следующее утро, я обнаружил, что мои руки и лицо сплошь усеяны красными точками. Комары потрудились основательно, и новые полчища осаждали нас, когда мы пошли прогуляться по долине.

Кроме огромных каменных террас ничего интересного не было. Многочисленные фундаменты свидетельствовали, что французы, которые сто лет назад насчитали здесь свыше четырех тысяч жителей, нисколько не преувеличивали.

В верхней части долины стояло лишь два-три дома, зато довольно много лачуг сгрудилось на берегу. В одной из них мы увидели полную пожилую женщину.

— Это она, — сказал Жан.

— Кто «она»?

— Которая была замужем за шведом. Тем самым, что построил дом, где теперь живет Ален.

Ах, вот оно что! Я поздоровался с ней, спросил, как дети (тут же откуда-то высипал целый выводок), и мы долго толковали о том, о сем, прежде чем обратиться к теме, которая меня больше всего занимала: к судьбе моего неизвестного земляка. Женщина охотно говорила о своем бывшем муже. Рассказывала она, как и все полинезийцы, ярко и не очень связно:

— Тихоти был добрый, у нас родилось много детей. Многие в школу ходили. Тихоти был небольшого роста, худой, но работал хорошо. Иногда в Таюохаэ приходил к нам европеец, и они до утра беседовали. Тихоти любил охотиться на диких кур, но стрелял скверно. Когда он умер, кто-то взял ружье, не знаю теперь, где оно. Жаль, пригодилось бы. Чудно: Тихоти работал даже тогда, когда в этом не было нужды. Поглядишь — стоит, ограду выкладывает. В один прекрасный день вдруг умер. Наверно, от удара. Вообще-то мне полагалось остаться в том доме, но мне сказали, что он нужен компании. А тот, кто живет там теперь, заготовливает куда меньше копры, чем Тихоти.

Тихоти... Так маркизцы произносят имя Георг, Эста. Но как узнать фамилию моего соотечественника? Женщина ничего не могла сказать. Когда-то она знала, но слово было такое трудное, что она давно успела забыть. Не помнила точно и года, когда умер муж.

— Это было до того, как приходил английский корабль, — сказала она, поразмыслив.

«Английский корабль» — конечно, «Куин Элизабет», который в войну перевозил войска и побывал в Таипиваи. Событие это произвело здесь столь сильное впечатление, что островитяне до сих пор ведут счет годам от визита «Куин Элизабет». Не слишком определенное указание, но,

может быть, земляк оставил какие-нибудь бумаги, способные пролить свет на загадку? Я спросил женщину.

— Нет, но у него были книги, их разобрали.

— Кто разобрал?

— Да наши знакомые. На что мне книги, вот ружье пригодилось бы. Осталась только маленькая книжка, она принадлежала другому европейцу, он живет на Хива-Оа. Все не соберется за ней приехать.

— А можно мне взглянуть?

Она вошла в дом и немного погодя вынесла «Таипи» Германа Мелвилла! Я открыл книгу, из нее вышло желателее письмо, написанное на довольно примитивном французском языке. Оно было адресовано моему атуанскому другу Ле Броннеку. Вот текст письма:

«Ваихи, Нукухива,
15 августа 1938 года.

Уважаемый господин Ле Броннек!

Провило почти шесть месяцев с тех пор, как вы любезно прислали мне «Таипи» Германа Мелвилла.

С сердечной благодарностью возвращая вам книгу почтой, прошу извинить за задержку. Вы, наверно, тоже заметили, что никто, как правило, не торопится возвращать взятые книги?

Я два раза с большим интересом прочитал «Таипи», но убедился, как вы и говорили, что теперь все иначе.

По сравнению с нынешней долиной Таипи,— а я ее знаю уже восемь лет,— то, что пишет Мелвилл, кажется мне сном, прекрасной фантазией. За девяносто пять лет, прошедших с тех пор как он тут жил, «цивилизация» сделала большие шаги. Увы, время уходит безвозвратно!

Нет в долине Таипи красавицы Фаавеи. А может быть, это я, старик, не вижу и не слышу окружающей меня красоты?

Но я ехал сюда, не ожидая чего-то особенного, и потому все-таки доволен даже теперешней жизнью в долинах Таипи и Хапаа.

Еще раз спасибо, извините за задержку.

Искренние приветы.

Ваш
Г. Бенгтсон.

Позднее мне удалось еще кое-что узнать о бывшем книготорговце Ёсте Бенгтсоне и его жизни на Таити и Маркизских островах. Но это все несущественные детали; мне кажется, что письмо, как оно ни коротко, рассказывает о нем неизмеримо больше. Никому не известно, где он похоронен. На Маркизских островах забывают скоро.

«Госпожа Бенгтсон» производила впечатление доброй, хорошей женщины, и я попросил ее, когда придет шхуна, послать за мной кого-нибудь из своих сыновей, чтобы я не прозевал.

— Шхуна? — удивилась женщина. — Она приходила позавчера. Ни в Таохоаэ, ни здесь копры не оказалось, и они прошли дальше.

Позавчера. То есть прежде, чем я дошел до Тапшиваи. Видимо, как раз в тот момент, когда мы с Алепом варили бананы в доме Бенгтсона... Вот так номер! Мария-Тереза ждет, а шхуна придет без меня. Не очень-то красиво со стороны капитана и суперкарго бросить меня на произвол судьбы, но я уже знал по опыту, что для них коммерция превыше всего. Где же теперь ловить шхуну — да и носию ли я на нее вообще? Жан рассказал мне, что есть путь через горы в Аакапа и Хатиху, расположенные в северной части Нукухивы, но посоветовал не рисковать: вдруг капитан пройдет мимо? Лучше вернуться в Таохоаэ. Часто шхуна, обойдя все заливы, наконец возвращается туда.

А что, в самом деле! К тому же есть надежда, что губернатор, который ожидается на днях, сжалится и посадит меня на крейсер. Разумеется, если я не опоздаю в Таохоаэ.

Жан предложил мне воспользоваться его лошадью, но я вежливо отказался и пошел пешком. Ничего, все будет в порядке, достаточно отыскать первую же из многочисленных троп, пересекающих Хапаа. И я смело стал карабкаться вверх по склону гряды, отделяющей Тапшиваи от соседней долины. Поднявшись на гребень, выбрал себе ориентир — характерную вершину и побескал вниз. Но тут у меня порвался сперва один ботинок, затем второй. А других нет, надо терпеть... И я продолжал путь в ошметках.

Два часа быстрого хода среди манговых деревьев и пальм, и я достиг дома, принадлежавшего Бенгтсону. Никого... Бросив последний взгляд на шведскую ограду и красные розы, я поспешил дальше. Тропа была хорошая.

Правда, она часто разветвлялась или пересекалась другими тропами, но я не терял из виду приметную вершину и решительно шагал вперед. Внезапно тропа уперлась в поросший папоротником отрог. И никакого намека на проход!

Тут я растерялся и совершил первую глупость: решил идти напрямик через отрог. Понадеялся, что по ту сторону опять найду тропу. Папоротник был мне почти по пояс, я шел словно по глубокому снегу. Зато, когда одолевала усталость, можно было спокойно прилечь и отдохнуть на мягком пружинистом ложе. И надо признаться, я часто пользовался этой возможностью.

Не знаю, сколько я тут промучился, припекаемый жарким солнцем, но взбравшись наконец на грядку, к своей радости, увидел на другом склоне редкий, легко проходимый лесок. Вот только тропы почему-то нет... Ничего, главное, путь простой. Вдруг что-то больно укололо правую ступню. Я посмотрел вниз — ботинка на правой ноге как не бывало. Подумаешь, невелика потеря! И я бодро продолжал спуск.

Но тут на моем пути появились густые заросли. Пришлось пробираться сквозь них буквально на четвереньках, а когда кусты стали пореже, я обнаружил, что мой ориентир исчез! Куда ни глянь — сплошь незнакомые вершины. Видимо, я спустился в ложбину, из которой не видно «моего» пика. Но в какую сторону подниматься, чтобы попасть в нужную мне долину?

Чтобы не кружить, я выбрал определенное направление и зашагал прямо к крутому склону, не обращая внимания ни на какие тропы. Но прежде чем начинать восхождение, не мешало закусить, тем более что уже давно наступила обеденная пора. Я нашел лишь несколько плодов манго. Червячка заморил, зато усилилась жажда.

Может быть, где-нибудь повыше есть ручей? Я приступил к подъему. По голой скале лезть было просто, но как только ее сменила песчаная осыпь, начинались мучения. Незаметно для себя я потерял и то, что оставалось от второго ботинка. Тем лучше: не будет набиваться песок.

Совершенно обессиленный, дрожащий, я наконец вскарабкался на узкий гребень, однако с него увидел внизу не Таюхаэ, а обрывистый берег с белой полосой бушующего прибоя. Видимо, моя долина где-то правее... Что ж, пойду пока по гребню, благо путь удобный. Вот только

голова слегка кружится, когда глянешь вправо или влево: с обеих сторон пропасть.

Казалось, унывать нечего. Одно скверно: гребень порос маленькими растениями пирипири, семена которых вооружены острыми и цепкими шишами. Маркизец может спокойно ходить по ним босиком, мои же ноги, хотя я два года обходился без обуви, не были приспособлены к такому испытанию. Скоро боль стала невыносимой. Я соскреб со ступни прилипшие семена — через несколько минут их было столько же. Каждый шаг доставлял мучения, это был прямо какой-то факирский номер! И так продолжалось не один час, потому что когда я в конце концов увидел долину Таюхаа, солнце уже висело над горизонтом на западе, слепя меня. А в заливе — в заливе стоял на якоре серый военный корабль! Ура! Губернатор, наверно, возьмет меня с собой!

Моя радость была преждевременной. От тропы, которая ведет из долины Хапаа через горы в Таюхаа, меня отделяло илато, поросшее тростником в рост человека. Обойти нельзя — с обеих сторон пропасть. Терного пути сквозь тростник нет. Ну, это и понятно. В Таипиван мне говорили, что здесь не ходят. Значит, только пробиваться напролом! Вспомнилось, как ярко Мелвилл описал свой поединок с такими же зарослями. Читая книгу, я еще усомнился, так ли это трудно. Теперь собственный опыт убедил меня в достоверности описания...

Припомнив способ, описанный Мелвиллом, я попробовал протискиваться, топчя стебли ногами, однако быстро выбился из сил и совсем над духом. Да еще больно порезался... Цель так близка, вот будет обидно, если не поспею!

У самой земли между стеблями были узкие проходы. Что если пробираться на четвереньках или ползком? И я пополз. Иногда мне казалось, что я безнадежно застрял, но всякий раз удавалось найти лазейку. То и дело ноги проваливались в крабы норы, их хозяева недоуменно тарацились на меня. Впервые в жизни я мысленно благодарил сержанта, который учил меня в армии ползать под огнем противника.

Вдруг страх снова овладел мной: уж не ползу ли я по кругу? Наконец глаза различили просвет, еще минута — и я вырвался из тесной тюрьмы на волю. Я даже рассмеялся от радости, когда ступил на тропу. Откуда силы взялись! Забыв о боли, жажде, я несся вниз по склону, с ходу

промчался через деревню и остановился только перед лавочкой. К счастью, лавочник, шотландец Боб, был на месте. Он как раз открыл холодильник.

— Ради бога, бутылку лимонада или еще чего-нибудь, только похолоднее! — выпалил я, тяжело опускаясь на какую-то бочку.

Лавочник обернулся с удивленной миной.

— Что случилось?

— Потом скажу. Дай пить.

Боб протянул мне бутылку пива.

— Только что положил на лед, не успела остыть, по...

Я не дал ему договорить, схватил бутылку и одним духом опустошил ее. Лишь после третьей бутылки я разобрал, что пиво не только теплое — оно забродило. Поздно. В животе творилось нечто невообразимое, а голова кружилась, как у маркиза после десятидневной попойки в кабаках Папезте.

В этот миг в лавку вошел секретарь губернатора. Он оторопело воззрился на меня: одежда разорвана, лицо перемазано землей, ноги босые, в крови... Пришлось растолковать ему, в чем дело.

— О мосье Даниельссон, вы, конечно, поедете с нами! — воскликнул он. И чуть не бросился мне на шею от полноты чувств.

Действительно, немного погодя он вернулся с приглашением от губернатора плыть в Папезте на крейсере. Корабль выходил через час с небольшим. В Танохаэ мне было нечего делать, и я решил сразу же отравиться на борт. Украшенный вымпелами баркас доставил меня к крейсеру. У трапа нас встретил дежурный офицер и попросил следовать за ним; я без слов подчинился. Пройдя по бесчисленным переходам, мы остановились перед дверью с надписью: «Столовая». Из-за двери слышался смех, оживленная речь. Только тут я сообразил, что несколько поторопился. Однако офицер уже отворил дверь и доложил обо мне.

Я решительно шагнул вперед. За длинным столом (ослепительно белая скатерть, сверкающее серебро приборов) сидели губернатор, командир корабля и несколько высших чиновников и офицеров. Офицанты в ливреях как раз наливали вино в бокалы, губернатор и офицеры уже приготовились чокнуться, но с моим появлением воцарилась мертвая тишина. Все удивленно глядели на меня.

Наконец лицо губернатора осветилось широкой улыбкой, он поднялся с места и сердечно произнес:

— Добро пожаловать, мосье Даниельссон. Как вы оказались в Тапохаэ? Ваше здоровье!

Мне вручили бокал, и я радостно чокнулся с веселой компанией. Одним бокалом больше или меньше — в моем теперешнем состоянии не все ли равно...

9

ПРОЩАНИЕ

Один из офицеров сжалился и отвел меня в свою каюту. Я тотчас сбросил мокрую, грязную одежду и прошел в умывальник. Здесь — чудо из чудес! — была ванна. За три года в Полинезии я почти успел забыть, что это такое. Повернул край... Горячая вода! Как приятно лежать среди островков мыльной пены.

У меня не было даже приличного костюма, но офицер одолжил мне свой, выходной (без погон и нашивок). Вот только обуться я не смог, хотя врач помазал всякими спадобьями мои распухшие ноги. Ничего, ведь мы в Полинезии. Чистый, в отутюженном костюме, по босиком я вернулся к столу. Обед еще только-только начался. Я был голоден как волк и мгновенно догнал остальных.

После десерта на палубе подали кофе с копячком и ликеры. Полулежа в кресле (рядом — роскошный стол), я совсем другими глазами смотрел на окружающие Тапохаэ суровые горы. Странное создание — человек. Только что я проклинал собственную глупость: придумал тоже, в такой глуши играть в поселенца! А теперь мне уже было грустно при одной мысли, что я скоро покину Маркизские острова. Звонкие фанфары отвлекли меня от размышлений. Вся компания направилась к борту. Смеркалось, зажглись два мощных прожектора и залили палубу светом.

Вождь и администратор Тапохаэ прибыли с прощальным визитом. Следом за ними к крейсеру подошла целая флотилия лодок с балансирами. Как всегда в этих широтах, стемнело быстро, и на лодках вспыхнули факелы. Беспкойное пламя рассыпало блики на волнах, залив напоминая расшитый звездами бархат. Кто-то запел, и могучий хор подхватил песню под аккомпанемент ритмично взле-

тающих над водой весел. Лодки собрались у борта там, где стояли губернатор и прочие чины. Две юные красавицы поднялись по трапу, чтобы поцеловать нас и повесить нам на шею гирлянды из цветов. «Понятно,— подумал я,— добрые жители Таохоа хотят, как и обитатели Пуамау, получить водопровод и стараются произвести самое лучшее впечатление...»

Разумеется, вслух я ничего не сказал.

Зарокотала машина. Крейсер медленно развернулся носом к выходу из бухты. Администратор и вождь, попрощавшись, спустились вместе с девушками в лодку. С других лодок гребцы дружно махали факелами. Снова фанфары, и машина прибавила обороты. Со скоростью двадцати узлов мы выходили из залива Таохоа. Один за другим гасли факелы. Сквозь тяжелые тучи едва пробивался свет луны, но я различал на фоне темного неба чуть посеребренные могучие горные массивы Нукухивы.

— Какие чудесные острова! — воскликнул один из офицеров, когда мы вернулись к своим креслам. — И какие в этих краях радушные, приветливые люди. А женщины — красавицы! Жаль, что мы стоим лишь по несколько часов в каждом заливе.

Он вздохнул. Остальные офицеры сочувственно кивали.

— И как же еще примитивна здешняя жизнь, — заговорил другой. — Люди носят одежду из луба, танцуют древние языческие танцы. Хотелось бы мне подольше побыть тут, как следует узнать Маркизские острова...

Он повернулся ко мне, ожидая волнующих подробностей о местной райской жизни. Остальные тоже приготовились слушать. Прежде чем я успел заговорить, мне протянули журнал, очень распространенный американский еженедельник.

— Расскажите нам об этом. Ведь вы, наверно, знаете Долину женщин?

Я взглянул: фото на всю страницу — прекрасная маркизанка в одной только лубяной юбочке. Большими буквами название статьи: «Долина детей природы». Текст рассказывал об уединенной долине на одном из Маркизских островов, где туземцы ведут идиллическую примитивную жизнь в бамбуковых лачугах и женщины по сей день ходят почти нагими. Многие нравы и обычаи, которые повсеместно исчезли, тут сохранились. Долина так труднодоступна, что в нее почти никогда не проникают белые.

Жирные буквы сообщали фамилию фоторепортера. Ну конечно: Ларри...

Я решил рассказать, по отступая от истины, как сложилось наше с Марией-Терезой полугодовое пребывание на Маркизских островах. Слушатели не сомневались в моей искренности, но слишком свежи были их собственные воспоминания о празднествах, танцах и маскарадах, которые сопровождали молниеносную инспекционную поездку губернатора.

На следующее утро я сидел на палубе в той же компании. Официанты разносили кофе и свежие французские булочки с мармеладом; океан был на редкость покойным, небо — безоблачным, словом, благодать, но меня угнетала тревога за Марию-Терезу. Где она сейчас? Если капитан не сдержал слова, если шхуна не зашла в Энаоне, ей придется не меньше месяца ждать в одиночестве...

Вдруг подошел телеграфист: меня вызывала Атуана. Мы успели довольно далеко уйти от Маркизского архипелага, острова давно скрылись за горизонтом, но слышимость была еще хорошая. Атуанский радист предупредил, что сейчас со мной будут говорить, и я услышала голос... Марии-Терезы!

Капитан «Терстан» не подвел. Накануне поздно вечером он забрал ее. Из Атуаны шхуна пойдет прямо на Таити. Значит, Мария-Тереза придет почти сразу же следом за мной! О такой удаче можно было только мечтать.

Впрочем, рассказала мне Мария-Тереза, до прихода шхуны ей пришлось пережить еще немало приключений. Она думала, что судно появится тотчас после моего письма. Сложила вещи, ей помогли отнести все на берег. Чтобы коты не потерялись, она заперла их в ящик. После трехдневного ожидания у нее и у котов лопнуло терпение. Поняв, что шхуна изменила маршрут, Мария-Тереза вернулась в домик.

А через несколько дней она вдруг заметила точку на горизонте: шхуна! (Видимо, мы как раз вышли с Уа-Хуки на Нукухиву.) Снова Мария-Тереза заточила котов в ящик и поспешила с багажом на берег. Но шхуна тем временем исчезла. Не было ее и на следующее утро. Значит, опять домой...

И когда судно наконец пришло, одного кота, Нефеликса, недосчитались. Он удрал, сломав стенку ящика. Снова надо было перетаскивать все вещи, и Мария-Тереза

еле-еле управилась — капитан, как всегда, страшно спешил. Нефеликса, как она ни огорчалась, пришлось оставить.

Вся палуба шхуны была занята грузом и пассажирами. Только вышли из Эиаоне — хлынул дождь, и тридцать человек кинулись в тесную каюту. Духота и запах копры скоро выгнали Марию-Терезу опять на палубу. Единственное защищенное место было на корме возле штурвала. По совету рулевого Мария-Тереза забралась в пустой ящик и сделала из плаща навес. Теперь ветер и дождь ей не докучали, но, как нарочно, ночью очень сильно качало, и ее одолела морская болезнь.

Правда, едва шхуна достигла Атуаны, болезнь прошла. К тому же по пути к телеграфу Марию-Терезу ожидал сюрприз: один из наших друзей в Эиаоне примчался верхом, держа под мышкой деревянный ящик, в котором сидел мокрый и злой Нефеликс. Хенао не забыл, что мы вылечили его мальчугана, и решил хоть чем-то выразить свою благодарность.

— Ничего, если плавание до Панаоте окажется не совсем приятным, — заключила Мария-Тереза. — Теперь все тревоги позади, и, откровенно говоря, я только рада расстаться с Маркизскими островами. Кстати, передаю микрофон человеку, который со мной полностью согласен...

Я услышал ее смех и тотчас понял, чему она смеялась. Меня приветствовал знакомый голос: «Алло, cher ami!» Художник, кто же еще... Воспользовался случаем сесть на шхуну, когда она зашла на Уа-Хуку, чтобы забрать оставшего матроса. Художник заверил меня, что и не помышлял надолго остаться на Уа-Хуке. Просто хотелось сделать несколько интересных набросков, после чего он все равно попросился бы на первое же попавшее судно. А тут, как по заказу, шхуна... Теперь напрямик домой, в Париж! На Таити задержится ровно столько, сколько нужно, чтобы оформить билет. Разумеется, я не удержался, спросил, какой сюжет так сильно увлек его на Уа-Хуке. Но тут художник вдруг страшно заторопился, крикнул, что шхуна вот-вот отчаливает, и поспешно распрощался.

Итак, все участники плавания на «Теретай» как бы снова вместе... Даже Ларри с нами — благодаря своему репортажу в журнале. Мне вдруг захотелось послать ему

весточку, чтобы знал, что друзья его не забыли. И я позволил себе от имени всей нашей компании отправить ему телеграмму:

«Художник возвращается Францию увозя все женское население Долины женщин точка мы отправляемся искать райской жизни Швеция точка туристское бюро Таити предлагает тебе выгодное место точка каоха нуи

Маркизские друзья».

Заодно я запросил по телеграфу Палеэте, когда идет следующее судно в Марсель. Ответ меня обрадовал: максимум через две недели. Мы как раз управимся со всеми приготовлениями. Я поглядел на карту мира, чтобы представить себе маршрут. И вдруг в совершенно новом свете увидел наш земной шар...

Все эти три года Швеция казалась мне далекой и не-реальной. Иногда приходили письма, книги, другой связи не было. Зато живой реальностью для меня стал пестрый конгломерат островов, именуемый Французской Океанией; я следил за ихунной, за местными новостями, обсуждал цены на копру, повсюду встречал друзей и знакомых.

Теперь, возвращаясь к старому образу жизни, я думал о замаскированных сторонах цивилизации — и думал с радостью! Странно, я успел по многому соскучиться!

Ну, во-первых, будет чудесно пережить опять северную осень и зиму. За несколько лет в тропиках зной мне осточертел, хотелось поскорее ощутить бодрость, которую дарит человеку только мороз. Я с наслаждением представлял себе, как ступлю на берег Швеции осенним днем, и меня встретит резкий, холодный ветер. А зимние сумерки — разве плохо? Яркое солнце, ослепительный свет в конце концов утомляют, глаза уже не воспринимают окружающей красоты, они болят и непроизвольно щурятся. То ли дело ноябрьский день в Швеции!

Да нет, всего и не сочтешь! Так, странно хотелось не спеша пройти вечером по улице большого города, любуясь световой симфонией реклам, раствориться в безмянной толпе. Уединение приелось мне настолько, что я мечтал о сутолоке, давке, часах шик.

Что еще? С удовольствием посмотрю хороший кинофильм. За последние три года я видел только четыре ковбойских фильма. Но картина должна быть черпобе-

лая, красками я насытился. А с каким благоговением я войду в библиотеку... Замечательное учреждение: десятки тысяч книг, и любая к вашим услугам, достаточно заполнить маленькую карточку. Последние годы мне приходилось довольствоваться каталогами. И как чудесно будет просто посидеть дома, в мягком кресле, и поболтать с друзьями. И чтобы тихо играла музыка.

Когда же я подумал обо всех тех чудесах, которые можно найти в магазинах и в существовании которых я почти перестал верить, у меня закружилась голова! Чего-чего только я не желал себе. Но одно желание было особенно сильным, я даже видел то, о чем мечтал, в каком-то особенном свете. Признаться? Хорошо, читайте: стакан молока, ломоть ржаного хлеба с маслом и яблоко! После трехлетней разлуки они больше, чем что-либо иное, воплощали для меня *цивилизацию!*

Я даже сам немного удивился восторгу, который вызвала у меня мысль о цивилизации. В чем дело? Одно у меня не вызывало сомнения: это не результат тщательного, объективного сопоставления достоинств и недостатков примитивного и цивилизованного существования. Нет, это было естественное проявление радости, которую мы испытываем, когда нам предстоит путешествия и перемены.

Конечно, нам славно жилось в долине Эиаоне. Но остальные острова архипелага не оправдали наших ожиданий. Возможно, мы были бы в восторге, попади мы туда с самого начала, но после Таити и Раоиа нам было нелегко угодить. Радостные возгласы и смех оторвали меня от моих философских размышлений.

— Таити!

Вспомнилось, что Таити часто называют «черным Отахеити»*, подразумевая удаленность острова и полный контраст цивилизованной Европе. Вот уж нехоти придуmano! На Таити живут весело, беспечно. Единственное место, которому подошло бы такое определение — Маркизский архипелаг. «Черные Маркизы»... Действительно, все, что я там видел и пережил, прочно запечатлелось в памяти именно благодаря своей мрачности.

Позабывтые острова Южных морей запомнились мне навсегда.

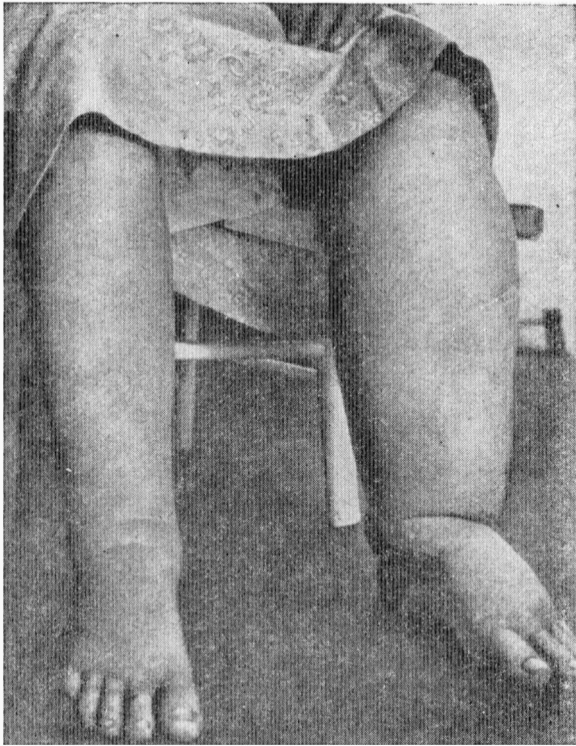
* Отахеити — местное название, от него уже позднее образовано Таити.— *Прим. перев.*

Хакапау из долины Ханавае. Жители этой изолированной долины показались нам радушными и простыми

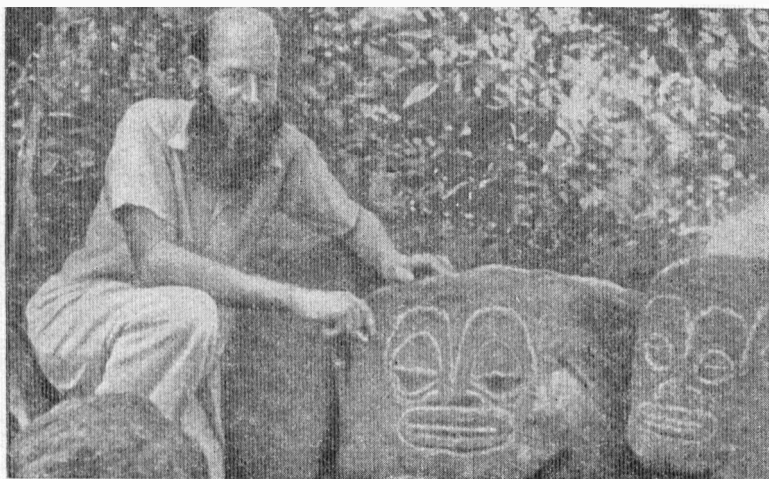
*Мужчин с татуированными ногами осталось мало,
но мы видели одного в долине Омоа*

*Зато куда чаще можно увидеть такие ноги.
Их изуродовала слоновая болезнь*

*Автор возле идола. Маркизы были искусными ваятелями; в за-
рослях до сих пор можно увидеть огромные статуи. Наиболее рас-
пространенный тип: сложенные на животе руки, широкий рот и
большие круглые глаза*

В Эюане и соседних долинах мы часто находили в чаще памятники древности и фундаменты из тщательно отесанных камней со стилизованными изображениями человеческого лица

Эта лежащая фигура — самая загадочная из культовых сооружений Оипона в долине Пуамау. Многие считают, что она изображает рожавшую женщину, но это очень сомнительно

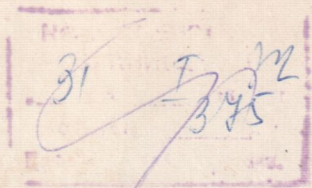
Автопортрет Гогена той поры, когда он уже ждал смерти

Тауа, дочь Поля Гогена, хорошо знает, кто ее отец

Цена 50 коп.

0-40

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

